

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIINIK 200

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

X

СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

TARTU 1967

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893 a. VIINIK 200 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ**
Х
СЕРИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ

Тарту 1967

Редакционная коллегия:

Х. Пак, А. Рейцак (ответственный редактор), П. Сигалов, С. Смирнов.

По техническим причинам в тексте произведены следующие замены букв:

л = А, ѡ = А, ѡ = 1а, з = S, ж = У,
х = У, г = v, ю = 1е, г' = ж, ѡж = Ю.

К ИСТОРИИ ЭЛОВЫХ ПРИЧАСТИЙ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

П. С. Сигалов

1. Как известно, отглагольное образование с суффиксом *-л* сыграло важную роль в системе славянского глагола. Оно являлось составной частью ряда перифрастических конструкций, из которых оформились прошедшие времена — перфект, плюсквамперфект и т. н. будущее второе (*futurum exactum*). Место этого образования в общеславянском языке не вполне выяснено. Его называют обычно действительным причастием прошедшего времени II. Но в таком случае непонятно его соотношение с другим типом действительных причастий прошедшего времени — на *ūs, vūs*. А. Мейе вообще не считает причастие на *-l* причастием старого типа. Он говорит о двух типах причастий в общеславянском языке: а) причастия, которые употреблялись лишь как определения и не могли быть сказуемым, б) причастия предикативные. Причастия на *-l* он относит ко второму типу.¹

Принято считать, что эловые причастия в общеславянском языке склонялись и могли иметь полную форму, сохраняющуюся в современных славянских языках в виде своеобразных причастий-прилагательных (рус. *мерзлый, онемелый*, польск. *zmarzły, osiwiały* и т. д.), судьба которых различна в отдельных языках. Так, Л. П. Якубинский пишет: «В общеславянском, наряду с другими причастиями, существовали причастия прошедшего времени с суффиксом *-л*; они могли существовать в краткой и полной форме. Полные формы причастий на *-л* (*-лый*) сохранились в современном русском языке в качестве прилагательных, потеряв грамматическую связь с глаголом, кроме словообразовательной. Ср. *усталый — устал, смелый — смел — посмел...*».² Ср. обычные высказывания в учебных пособиях: «Первоначально причастие на *-л* не осознавалось как особое «время» глагола, а было лишь причастием, употребленным в функции сказуемого. Однако постепенно эти причастия все больше и больше

¹ А. Мейе, *Общеславянский язык*. М., 1951, стр. 211.

² Л. П. Якубинский, *История древнерусского языка*. М., 1953, стр. 240—241.

стали отрываться от категории причастий как таковых, теряя формы согласования по падежам»;³ «Факт существования причастий с суффиксом -л в полной форме дает право утверждать, что в общеславянском языке эти причастия и в краткой форме существовали как склоняемые, т. е. изменялись не только по родам и числам, но и по падежам»⁴. Эти, нередкие в общих и специальных работах, высказывания являются недосказанными.

В индоевропейскую эпоху, как указывает Э. Бенвенист, суффикс -l- (простой или сложный) совпадал в своих функциях с суффиксами -g- и -n-. Одним из проявлений действия этого суффикса было образование от глаголов прилагательных и абстрактных существительных среднего рода. В хеттском языке известен класс существительных абстрактных на -ul- неодушевленного рода, образованных от глаголов: išhiul — связь (išhiya — связывать), waršul — успокоение [warš — успокаивать(ся)]. Другим примером действия форманта является образование прилагательных на -ю-, к которым восходят причастия в тохарском, армянском и славянском. Э. Бенвенист считает, что этот причастный тип прямо связан с типом страдательных причастий на -по-, который был известен в индоевропейском и особенно развился в санскрите и славянском.⁵ С этой функцией форманта -l- связывают образование *nomina agentis* в индоевропейских языках, ср. лат. *figulus* — горшечник, гончар; *legulus* — сборщик; др.-в.-нем. *tregil* — носильщик, несущий; лит. *tirškalas* — болтун; *akylas* — внимательный. С этой функцией связаны и *nomina agentis* в славянских языках. Ср. приводимые В. Вондраком ст. чешск. *drbal* — клеветник, *brundal* — неумелый работник, *slintal* — лентяй, чешские собственные имена типа *Vyskočil*, *Vytlačil*, серб. *bājalo* — волшебник, рус. *объедало*, *опивало*, *облыгало* — болтун.⁶

Г. Хирт считал, что происхождение славянских эловых образований типа *bylŭ* не совсем ясно⁷. Еще меньше мы знаем о синтаксических функциях этого образования до его вхождения в состав предиката. В. Н. Топоров пишет, что «мы остаемся в неведении об употреблении причастий на -l- в определительной функции в этот период».⁸ А. Иорданский считает, что «в

³ В. В. Иванов, Историческая грамматика русского языка. М., 1964, стр. 391.

⁴ А. Н. Павлович, Историческая грамматика русского языка, ч. II. М., 1964, стр. 211.

⁵ E. Benveniste, Origines de la formation des noms en indo-européen, I. Paris, 1935, стр. 40—43.

⁶ W. Vondrak, Vergleichende slavische Grammatik, Band I. Göttingen, 1924, стр. 567.

⁷ H. Hirt, Indogermanische Grammatik, Teil IV. Heidelberg, 1928, стр. 88.

⁸ В. Н. Топоров, К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола (Вопросы славянского языковедения, вып. 5. М., 1961), стр. 47.

роли определения они (формы типа *ходилъ* — П. С.) никогда не выступали и вообще не имели самостоятельного употребления». ⁹

Спорной остается и грамматическая природа исследуемого образования. Как указывалось выше, Э. Бенвенист говорит об эловых причастиях. Г. Хирт пишет, что эти образования ошибочно называют причастными, он считает их отглагольными прилагательными. ¹⁰ Л. В. Щерба указывает, что «образования на *-л-*, бывшие когда-то именами лица действующего, вошли в систему форм славянского глагола, сделались причастиями...», ¹¹ то есть образования на *-л* не были причастиями, по мнению Л. В. Щербы, до вхождения в глагольную систему.

Как видим, есть некоторые основания отграничить эловое образование типа *neslъ, umьglъ* от причастия обычного типа, недаром А. Мейе считал его особым «предикативным» причастием. Если наличие косвенных падежей у этого образования в общеславянском языке допустимо, то возможность образования от него полных форм, регулярных, как у прилагательного, вызывает сомнение не только из-за семантической функции слова (по *mem agentis*), но и из-за того, что эловое образование могло войти в состав предиката еще до формирования местоименного типа прилагательных. Ср. мнение М. К. Бойчука: «Войдя в глагольную систему, то есть став причастиями, формы на *-лъ, -ли, -ло* не приобрели, однако, свойственные причастиям атрибутивные функции, а так и остались в функции предикативных слов. Это явилось причиной того, что причастия на *-лъ, -ла, -ло* не только не приобрели полных (членных) форм, но утратили и свои непрямые падежи, которые стали им не нужны при их предикативной функции». ¹² Предикативная функция элового образования исключала возникновение членных форм. Если предположить, как это нередко делается, что в общеславянском языке, любое эловое образование (тип *neslъ, umьglъ*) могло иметь членную форму, то трудно объяснить, почему такие (полные) формы почти не встречаются в ранних памятниках. Вполне определенная семантика подавляющего большинства глаголов, от которых образуются эловые формы в современных славянских языках (об этом речь пойдет ниже), делает сомнительным предположение о регулярности образования полных эловых форм в общеславянском языке.

⁹ Филологические науки, 1965, № 3, стр. 170.

¹⁰ Н. Нигт, указ. соч., стр. 89.

¹¹ Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке. Сб. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 77, сноска.

¹² М. К. Бойчук, Іменні форми старослов'янського дієслова. Наукові записки Київського державного педагогічного інституту ім. Горького, т. XX. Філологічна серія, 1956, стр. 171.

Задачей этой работы является исследование истории развития эловых форм полного образования в русском языке. Для этого необходимо проследить, какие группы глаголов образуют полные эловые формы, когда засвидетельствованы впервые эловые формы (причастия-прилагательные), каково их соотношение с действительными причастиями на *-вший, -ший*. С этой целью используются словари русского языка, отдельные памятники и Картотека словаря древнерусского языка Института русского языка АН СССР. Анализ проводится главным образом на русском материале, в отдельных случаях используются сходные факты других славянских языков.

2. Анализу эловых форм в современном русском литературном языке и диалектах посвящена содержательная диссертационная работа И. П. Чиркиной «Отглагольные прилагательные с суффиксом -л в современном русском языке».¹³ Во вступительной части излагаются традиционные воззрения на возникновение членных форм эловых причастий еще в общеславянском языке, на склонение нечленных форм и т. д. В основной части работы дается классификация эловых форм по типу исходного глагола. При характеристике эловых форм в современном русском языке мы использовали фактический материал, приведенный в диссертации И. П. Чиркиной.

И в литературном языке и в диалектах подавляющее большинство эловых прилагательных соотносится с глаголами т. н. инхоативного способа действия. Глаголы этого способа действия обозначают постепенное приобретение предметом какого-то качества, постепенную утрату какого-то качества, короче — переход в какое-то новое состояние. Это глаголы несовершенного вида. В русском языке глаголы этого способа действия представлены двумя типами: инхоативы с суффиксом *-н-* (тип *вянуть, гаснуть*) и инхоативы с суффиксом *-е-* (тип *белеть, слабеть*). Кроме этого, можно указать еще два типа: глаголы, возникшие в результате имперфективации, — тип *угасать, увядать*, и единичные глаголы, образованные от каузативных с помощью возвратной частицы, — тип *сушиться*. Приставочные параллели к первым двум типам обозначают завершение происходящего процесса, приобретение предметом какого-либо нового качества (*увянуть, ослабеть*). Именно эти группы глаголов инхоативного способа действия соотносительны с большинством эловых прилагательных.

В современном языке продуктивными являются только инхоативы с суффиксом *-е-*. Приставочные параллели глаголов этого

¹³ М., 1954. По материалам диссертации автором опубликованы статьи «Словообразование отглагольных прилагательных с суффиксом -л в современном русском литературном языке» (Ученые записки МГПИ им. Потемкина, том 1, 1956) и «Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом -л в современном русском языке» (Русский язык в школе, 1956, № 1). Ссылки всюду на диссертационную работу (машинопись).

типа дают эловые прилагательные с регулярностью обычных причастий: ср., например, *обруселый, огрубелый, одеревяненный, одичалый, одряхлелый, одурелый, околелый, окостенелый, окоченелый, оледенелый, омерзелый, онемелый, оробелый, осиротелый, отупелый, повеселелый, порыжелый, посоловелый, потемнелый, потускнелый* и многие другие. Можно, очевидно, сказать, что от любого приставочного глагола, образованного от инхоатива продуктивного типа, в принципе возможно эловое прилагательное. Причем, как уже указывалось, такие прилагательные образуются только от глаголов совершенного вида. Прилагательные на -лый от инхоативов типа *слабеть* единичны и, как можно предполагать, они вторичного происхождения. На этом остановимся ниже.

Вторая группа глаголов, от которых почти так же регулярно (учитывается и диалектный материал) образуются эловые прилагательные, — это инхоативы с суффиксом *-н-* (тип *вянуть, гаснуть*). Эта небольшая, непродуктивная группа слов (по нашим подсчетам, 78) образует эловые формы иначе, чем первая. Отмечены многочисленные образования от приставочных глаголов этого типа: *засохлый* (ССРЛЯ, 4, 917), *замерзлый* (ССРЛЯ, 4, 654), *закоружлый* (ССРЛЯ, 4, 559), *заглохлый* (ССРЛЯ, 4, 344), *набухлый* (ССРЛЯ, 7, 51), *напухлый* (ССРЛЯ, 7, 426), *обвыклый* (ССРЛЯ, 8, 45) и другие. Многие из этих слов в современном литературном языке считаются устаревшими либо просторечными. Это объясняется в какой-то мере конкуренцией с синонимичными литературными причастными формами на *-ший, -вший*. Количество таких форм в языке литературных произведений прошлых столетий велико. Ср., например, *А третий оттирал свои замерзлы губы* (В. И. Майков, Елисей или раздраженный Вахх); *Согрей обмерзло тело, — сквозь дверь он отвечал* (М. В. Ломоносов, Ночную темнотою...), нередко такие формы у Пушкина: *«Поставлен крест над новою могилой, и на кресте завялых роз венец»; «И останешься с вопросом на берегу замерзлых вод»; «Глаза их были мутны и красны, лица опухлы»*. Очень широко такие формы отмечены в диалектах, об этом свидетельствуют россыпи, представленные в словаре В. И. Даля. Ср., например, образования от исходного глагола *зябнуть*: *позяблый, вызяблый, назяблый, прозяблый, иззяблый, озяблый*. В этом отношении инхоативы на *-н-* сходны с инхоативами на *-е-*. Но в отличие от последних, инхоативы типа *вянуть* образуют некоторое количество эловых форм, соотносительных с основами несовершенного вида (ср. *вялый, мерзлый, кислый, чахлый, жухлый*). Образования от других инхоативов на *-н-*, не отмеченные в словарях литературного языка, встречаются в просторечии и диалектах, ср. приводимые И. П. Чиркиной формы *глохлый, мерклый, горклый, мяклый, топый, выклый*.¹⁴ Тип эловых при-

¹⁴ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 100–103.

лагательных от глаголов с суффиксом *-н-* является непродуктивным только потому, что непродуктивна исходная группа глаголов. Возникает вопрос, почему глаголы, сходные по своему лексическому значению, по способу протекания действия, столь различны в образовании эловых форм: тип на *-е-* образует эловые формы только от приставочных глаголов, тогда как тип на *-н-* — и от приставочных и от бесприставочных? К этому мы вернемся в другом месте.

Кроме этих двух групп эловых форм, образованных от инхоативных глаголов, русский язык знает и некоторое количество прилагательных на *-лый*, соотносительных с иными глаголами, причем никакой закономерности здесь установить не удается. Единственный общий признак у всех глаголов, дающих эловые формы, — непереходность. Это понятно, так как эловые формы обозначают признак, возникший в самом предмете в результате какого-то процесса или действия. Можно отметить группу глаголов, которые не образуют эловых форм: это глаголы однократного и многократного способов действия (*толкнуть, хаживать*), глаголы начинательного способа действия (*запеть, застоять*), каузативные глаголы (*гасить, сушить*) и т. д. Пожалуй, только один способ действия (кроме инхоативного) — стательный, глаголы состояния — нередко образует эловые формы: *горелый, загорелый, лежалый, осерчалый, линиялый, запотелый, перестоялый, зрелый, гнилой, талый, прелый, спелый* и др. Эти глаголы близки к инхоативам: они обозначают состояние, тогда как инхоативы имеют значение перехода в какое-нибудь состояние, а их приставочные образования — завершение этого перехода. Инхоативное и стательное значения могут совпадать в глагольной лексеме (ср. *белеть* — «становиться белым» и «виднеться, казаться в белом цвете»), отмечены случаи утраты глаголом инхоативного значения и перехода его в разряд стательных (*мерзнуть, стыть*).

Эловые формы, образованные от глаголов других типов (неинхоативных и нестатальных), очень разнородны. Ср. примеры из литературного языка: *беглый, бывалый, рослый, жилой, езжалый, палый, былой, удалой, смелый, тяглый, впалый, дошлый, пришлый, зимовалый, леглый, облезлый, облетелый, одутый, опоздалый, отекий, служилый*. Обращает на себя внимание незначительное количество таких образований на фоне эловых форм от инхоативных и стательных глаголов и, что представляется более важным, отсутствие регулярности в образовании таких прилагательных от глаголов определенных разрядов (морфологической — суффикс — либо лексико-грамматической — способы действия). Характерно, что эти прилагательные — без приставок и с ними — лексикализовались и утратили связь с производящими глаголами. Можно предположить, что прилагательные этого типа лежат на периферии образования эловых

форм. Эловые прилагательные в русском языке в основной своей массе соотносимы с глаголами, обозначающими переход в состояние и состояние, — такой вывод очевиден. Конечно, в диалектах прилагательных, образованных от не-инхоативных и не-статальных глаголов, больше, чем в литературном языке, ср. приводимые В. И. Далем *кончалый* (II, 151), *леталый* (II, 249), *гонялый* (I, 375), но это не меняет общей картины. Если предположить, как это обычно делается, что эловые прилагательные, точнее говоря, членные формы эловых причастий возникли в общеславянском языке, то становится непонятным столь одно-стороннее сохранение русским языком общеславянского состоя-ния.

Обратимся к другим славянским языкам. В украинском языке нет действительных причастий прошедшего времени типа рус-ских форм на *-ший*, *-вший*. Их функцию выполняют формы на *-лий* типа *посивілий*, *почорнілий*, *почервонілий*, *змерзлий*, *здича-вілий* и т. д. Причем характерно, что украинские эловые прича-стия-прилагательные типа *почорнілий* образуются не от всех глаголов. Как и русские эловые формы, они образуются преимущественно от инхоативных и статальных глаголов и в очень ред-ких случаях возникают от глаголов других типов. Украинские эловые формы, как и русские, не образуются от переходных гла-голов, немислимые, например, такие формы, как *робилий*, *купи-лий*, *двигнулий*, *гасилий* и т. д. В украинском языке эловые формы (если они не полностью адъективировались) соотносимы с русскими прилагательными на *-лый* и соответственными при-частиями на *-ший* и *-вший*. Сравним текст романа А. Н. Тол-стого «Хождение по мукам» и его перевод на украинский язык, выполненный С. Ковганюком (Киев, 1951). В тех случаях, когда в русском тексте представлена эловая форма прилагательного или причастие, образованное от инхоативного или статального глагола, в украинском переводе стоит эловое прилагательное-причастие. Если же в русском тексте — причастие, образова-нное от не-инхоативного и не-статального глагола, то на украин-ский язык это причастие либо причастный оборот передается придаточным предложением: в этом случае украинский язык не имеет соответствующей эловой формы. Ср. на первых страницах романа «Сестры»: *застывшее очарование — застигли чари, при-тихшую залу — пришиклий зал, покрасневшего . . . подбород-ка — почервонілого підборіддя, отвислые глаза — одвислі очі, вспухшие . . . лица — набрякли обличчя, увядшими цветами — привялими квітами; но: так часто сновшимися ей — які так часто снилися їй; поэты, оставлявшие тетради — поети, які за-лишали зошити; и т. д.*

В украинском языке эловые прилагательные и прилагатель-ные-причастия обнаруживают те же закономерности образо-

вания, что и соответствующие русские формы. Регулярно образуются эловые формы от приставочных инхоативных глаголов продуктивного типа на *-і-*, ср. *збожеволілий* — безумный, сумасшедший; *зледацілий* — 1. ухудшившийся, пришедший в упадок, 2. разленившийся; *посивілий* — поседевший; *посинілий* — посиневший; *почервонілий* — покрасневший; *почорнілий* — почерневший;¹⁵ и т. д. В принципе возможно эловое образование от каждого глагола такого типа. Бесприставочные инхоативы на *-і-* не дают эловых дериватов. От второй группы инхоативных глаголов (с суффиксом *-н-*), как и в русском языке, возможны два типа: эловые формы образуются от бесприставочных и от приставочных глаголов, ср., например, *блеклий* — поблекший, увядший; *брезклий* — 1. обрюзгший, 2. о дереве: сырой; *в'ялий* — вялый, увядший; *гірклий* — прогорклый; *мерзлий* — мерзлый, замерзший; *морхлий* — сморщенный, морщинистый (о плодах); *пухлий* — пухлый, опухший; и — *висохлий*, *висхлий* — иссохший; *зав'ялий* — завялый, увядший; *зажовклий* — пожелтевший; *закляклий* — окоченелый, окостенелый; *замерзлий* — замерзший, мерзлый; *зблідлий* — побледневший; *звиклий* — привычный; *змоклий* — промокший; *пожовклий* — пожелтевший; *пониклий* — поникший; *привиклий* — привыкший; и т. д. Украинские образования типа *пожовклий* более регулярны, чем соответствующие русские, и чаще являются достоянием литературного языка. Это объясняется тем, что в русском языке в определенных случаях возможно использование действительных причастий прошедшего времени, отсутствующих в украинском. Нередки в украинском языке эловые образования от стальных глаголов: *гнилий*, *горілий*; *доспійлий* — спелый, созревший; *закоптілий* — закопченный; *млілий* — хилый, слабый; *замлілий* — вялый, ослабевший; *зраділий* — обрадовавшийся; *оспалий* — 1. сонливый, 2. вялый, ленивый; и т. д. Эловые формы, образованные не от инхоативных и стальных глаголов, немногочисленны, закономерности их возникновения прослеживаются с трудом. Для дальнейшего анализа удобно будет разделить их на две группы. Первая связана с глаголами, имеющими основу на согласный: *біглий* — бегущий, *відлеглий* — отстоящий, отдаленный; *дійшлий* — зрелый, созревший; *дорослий* — взрослый; *забіглий* — забежавший; *занепалий* — слабого здоровья; *запалий* — впалый, ввалившийся; *запеклий* — зачерствелый, закоренелый, упрямый; *зарослий* — заросший; *затеклий* — затекший; *злеглий* — слежавшийся; *зсілий* — скисший (о молоке); *леглий* — залежалый, затхлый; *опалий* — опавший; *осідлий* — поселившийся, оседлый; *осілий* — 1. оседлый, 2. о растениях: склонившийся; *потяглий* — отлогий, длинный; и некоторые другие.

¹⁵ Примеры и перевод даются по «Словарю украинского языка» В. Гринченко. Киев, 1958.

Другую, очень небольшую, группу составляют образования от основ на гласный: *бувалий* — бывалый, опытный; *їзджалий* — езжалый (о лошадях); *похожалий* — о человеке: непосидящий; *прохожалий* — прохожий; и некоторые другие. В украинском языке эловые формы образуются главным образом от непереходных глаголов. Исключения не составляют слова *напилий* — пьяный, хмельной; *підпилий* — выпивший, охмелевший; *придалий* — пригодный; образованные от непереходных глаголов *напитися*, *підпиги* — подкутить, выпить, *придатися* — пригодиться.

Как и в русском и украинском языках, в белорусском языке базой для образования эловых форм являются инхоативные глаголы. От каждого приставочного инхоатива на *-ець* возможно образование такого слова. Ср., например, *застарэлы* — устаревший, устарелый;¹⁶ *захмялелы* — охмелевший, захмелелый; *затвядзелы* — затверделый, отверделый; *зачарсцвелы* — зачерствелый; *задзеравянелы* — задеревяnelый; *закасцянелы* — закастенелый; *заледзянелы* — заледенелый; и многие другие. Многочисленны и эловые формы от другого типа инхоативных глаголов. От приставочных: *бляклы* — блёклый, жухлый; *гіблы* — гиблый; *драхлы* — обветшалый, дряхлый; *друзлы* — дряблый; *жоўклы* — пожелтевший; и др. От приставочных: *абвялы* — привянувший; *абмерзлы* — обмерзлый; *абмоклы* — обмокший; *обмяклы* — обмякший, обмяклый; *аглухлы* — оглохший; *агорклы* — прогорклый; *заціхлы* — затихший; *збляклы* — поблеклый, поблекший; *звыклы* — привычный, обычный; *згаслы* — угасший, погасший; *згорклы* — прогорклый. Нередки в белорусском языке и эловые образования от стальных глаголов: *абгарэлы*; *абгнилы* — обгнивший; *гнилы* — гнилой; *абталы* — оттаявший; *адкіпелы* — свернувшийся (о молоке); *вылінялы* — вылинялый, линялый; *гарэлы*; *датлелы* — дотлевший; *згаладалы* — изголодавшийся; и некоторые другие. Эловые формы, образованные от глаголов других способов действия, распределим на две группы по типу глагольной основы. Основа на согласный: *аблезлы* — облезлый; *аброслы* — обросший; *адлеглы* — отстоящий; *аселы* — оседлый; *ацёклы* — отекающий; *вытарклы* — выступающий, выдающийся; *заняпалы* — пришедший в упадок, расстроенный, оскуделый; *запалы* — впалый; *зарослы* — заросший; *рослы* — рослый; *збеглы* — беглый; и некоторые другие. Основа на гласный: *абляцелы* — облетевший; *бывалы* — бывалый; *гадавалы* — годовалый; *заходжалы* — захожий; и некоторые другие.

Сопоставив эловые образования трех восточнославянских языков, можно сказать, что базой для формирования слов этого типа являются глаголы инхоативного и стального способов действия. От приставочных глаголов с инхоативным значением (инфинитив на *-ець*, *-іці*, *-ець*) эловые слова образуются с регу-

¹⁶ Примеры и перевод взяты из «Белорусско-русского словаря». М., 1962.

лярностью грамматических форм (мы оставляем сейчас в стороне функционирование этих форм в грамматической системе каждого восточнославянского языка). Второй тип инхоативных глаголов (с суффиксом *-н-*) дает почти от каждого приставочного глагола эловое образование (учитываются и диалектные факты). Бесприставочные инхоативы в большинстве своем служат источником образования эловых форм, правда, некоторые из таких форм очень редко встречаются (например, *глохлый* — И. П. Чиркина приводит пример из Лескова: *Такой уж у вас город глохлый*¹⁷); насколько нам известно, не отмечены образования *слеплый*, *вязлый*. Неодинаковая регулярность эловых форм от бесприставочных и приставочных глаголов этого типа обусловлена, как кажется, определенными причинами, о которых речь пойдет ниже. Образование эловой формы в восточнославянских языках зависит прежде всего от лексической стороны — значения исходного глагола. Если глагол обозначает состояние или завершение перехода в какое-либо новое состояние, то от него в принципе возможно образование эловой формы. Кроме лексического значения, как можно предположить, определенную роль могли играть и структурные особенности исходного глагола. Инхоативы на *-н-* (тип *вянуть*, *гаснуть*) первоначально имели суффикс *-н-* только в основе настоящего времени, вторая основа (инфинитив, эловое образование) не включала этот суффикс. Старое состояние сохраняется в форме прошедшего времени восточнославянских языков (образования типа *увянул*, *привыкнул* являются вторичными), в инфинитивах украинского и белорусского языков, где отмечены параллельные образования типа укр. *замерзти* — *замерзнути*, *зів'яти* — *зів'янути*, белор. *згасці* — *згаснуць*, *счахці* — *счахнуць* и т. д.¹⁸ Как показывает анализ, нередко глаголы — не-инхоативные по значению, которые имеют основу на согласный, образуют эловые формы. Инфинитивы таких глаголов, могли, выравниваясь по инхоативам, приобретать суффикс *-ну-*. Вот некоторые примеры.

Основа *бег-*. Рус. *беглый*, *набеглый*, укр. *біглий*, *забіглий*, *збіглий*; белор. *збеглы* — рус. диал. *бечь*, укр. *бігти*, *бігнути*, польск. *biec*, *biegnąć* (ЭС, I, 59). Основа *рос-*. Рус. *рослый*, *взрослый*, *перерослый*, укр. *дорослий* — *взрослый*, *зарослий* — *заросший*, *зрослий* — *выросший*; белор. *рослы*, *аброслы*, *зарослы* — инфинитив — *расти*, *расці*, ср. польск. *rosnąć*. Основа *пад-*. Рус. *палый*, *впалый*, *опалый*, *упалый*; укр. *занепалий*, *запалий*, *опалий*; белор. *запалы* — рус. *пасть*, белор. *пасці*, ср. чешск. *padnouti*. Основа *тяг-*. Рус. *тяглый*, укр. *тяглий*, *потяглий*, — рус. *тянуть*, укр. *тягти* — *тягнути*, польск. *ciągnąć*. Тя-

¹⁷ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 100.

¹⁸ См. об этом нашу статью «О структуре русских глаголов с суффиксом *-ну/н-*» (Вестник ЛГУ, № 20, 1961.).

нуть — глагол переходный, но эловые формы образовались от вторичного значения глагола — принадлежать, нести повинность. И. П. Чиркина¹⁹ ошибочно считает *тяглый* образованием от *тягать*. Если бы было так, эловое прилагательное имело форму *тягалый*. Основа *сед-*. Рус. *оседлый*, укр. *осідлий*, *осілий*, белор. *аселы* — рус. *сесть*, укр. *сісти*, белор. *сесці*, ср. польск. *siednąć*. Восточнославянскими являются, очевидно, только укр. *осілий* и белор. *аселы*. Сочетание *дл* не могло сохраниться на восточнославянской почве, и лексема *оседлый*, вероятнее всего, является заимствованием из польского (*osiadły*). А. А. Потебня думает, что *оседлый* либо заимствовано из польского, либо восходит к *осед-ьл-лый*.²⁰ Правильным, очевидно, является первое предположение, так как эта эловая форма образовалась от отчетливо глагольной основы. В слове *седло* суффикс иной — с редуцированным. В. Вондрак приводит из Супрасльской рукописи *osedъlanу, osedъlatи*²¹. И. П. Чиркина²² считает *оседлый* образованием от *оседать*. С этим нельзя согласиться, так как обычно эловые образования соотносительны с основами прошедшего времени, эловая форма имела бы вид *оседальный*. Основа *та-, тая-*. Рус. *талый*, укр. *талий*, белор. *абталы* — укр. *тане* (таяет), *танути*. А. А. Потебня считает, что рус. *талый* образовано от несохранившегося *танути*²³ и приводит украинские параллели. И. П. Чиркина не согласна с ним: «В действительности же в русском языке прилагательное *талый* образовано от глагола *таять*, а не от глагола *тануть*, который русскому языку неизвестен».²⁴ Но отсутствие исходного глагола в современном языке не доказательство. Словообразовательная модель эловых прилагательных-причастий предполагает сохранение всех компонентов второй глагольной основы. Если бы эловая форма была образована от *таять*, то она бы имела вид *таялый*. Основа *лег-*. Рус. *лёглый*, укр. *леглий*, *залеглий*, *відлеглий*, белор. *леглы*, *адлеглы* — рус. *лечь* (из **legti*), укр. *лягти*, белор. *легчы*, ср. польск. *lec*, *legnąć*, чешск. *lehnouti*. Основа *тек-*. Рус. *отёклый*, укр. *затеклий*, белор. *ацёклы* — рус. *течь* (из **tekti*), укр. *текти*, белор. *цячы*, ср. польск. *ciec*, *cieknąć*. Основа *цвет-*. Рус. *зацвёлый*, *доцвёлый* (оба слова у Даля), укр. *цвілий*, белор. *цвілы* — рус. *цвести*, укр. *цвісти* и *квітнути*, польск. *kwitnąć*.

Мы вовсе не хотим сказать, что структура глагольной основы была единственной причиной, приведшей к образованию эловой формы в этом случае. Основную роль играли лексико-грамматические особенности глагола: его непереходность, перфектное

¹⁹ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 46.

²⁰ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике. М., 1958, стр. 234.

²¹ W. Vondrak, указ. соч., стр. 565—566.

²² И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 41.

²³ А. А. Потебня, указ. соч., стр. 234.

²⁴ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 41.

значение формы прошедшего времени. Но, как можно предположить, структура исходного глагола также была одним из факторов, способствовавших возникновению эловой формы.

Не претендуя на полноту анализа, рассмотрим эловые формы в некоторых других славянских языках, сопоставив их с соответствующими восточнославянскими фактами.

Как и в восточнославянских языках, польский язык знает почти регулярно эловые образования от инхоативных и стальных глаголов. Широко представлены эловые формы, соотносительные с приставочными образованиями от инхоативных глаголов с суффиксом — *ieć*, напр. *ociemniały* — слепой, потерявший зрение — ср. *ociemnieć* — ослепнуть, потерять зрение, *odmłodniały* — помолодевший — ср. *odmłodnieć* — помолодеть; *zdziczały* — одичалый — ср. *zdziczeć* — одичать; *okaleczały* — изувеченный, ср. *okaleczyć* — стать калеккой; *okamieniały* — окаменелый — ср. *okamienieć* — окаменеть; *oniemiały* — онемевший, онемелый — ср. *oniemieć* — онеметь; *osierociały* — осиротелый — ср. *osierocieć* — осиротеть; *osiwiały* — поседевший — ср. *osiwieć* — поседеть; *osłupiały* — остолбенелый — ср. *osłupieć* — остолбенеть; *osowiały* — осовелый, ср. — *osowieć* — осоветь; и многие другие. От каждого глагола такого типа возможно образование эловой формы. Как и в восточнославянских языках, в польском регулярно образуются эловые формы от инхоативных глаголов на -п- с приставками, бесприставочные инхоативы этого типа реже дают эловые формы. Вот некоторые примеры форм от глаголов с приставками: *naprzekły* — опухший, одутловатый — ср. *naprzeknąć* — опухнуть; *paruchły* — опухший, распухший — ср. *paruchnąć* — опухнуть, распухнуть; *obmarzły* — обмерзший — ср. *obmarznąć* — обмерзнуть; *ochrypły* — охрипший — ср. *ochrypnąć* — охрипнуть; *ogłuchły* — оглохший — ср. *ogłuchnąć* — оглохнуть; *okrzepły* — отвердевший, застывший — ср. *okrzepnąć* — отвердеть, застыть; *oschły* — сухой, безучастный — ср. *oschnąć* — обсохнуть; *oślepy* — ослепший — ср. *oślepnąć* — ослепнуть; и многие другие. От бесприставочных инхоативов: *nikły* — невзрачный — ср. *niknąć* — исчезать, становиться незаметным.

Эловые формы в польском языке нередко соотносимы с приставочными стальными глаголами: *obolały* — изболевшийся, наболевший; *zbołały* — страдальческий, наболевший; *ospały* — вялый, ленивый; *wyleżały* — дозревший (в лежке); *zleżały* — разленившийся; *zgniły* — гнилой; и другие. Ян Лось указывает, что эловые причастия в польском языке образуются от «некоторых, довольно многочисленных глаголов, но не от всех, поскольку причастия вышли за пределы спряжения и считаются прилагательными. Они обычно образуются от глаголов, выражающих состояние . . .»²⁵ В. Д. Климонов, недавно исследовав-

²⁵ Jan Łoś, *Gramatyka polska*. Lwów — Warszawa, 1927, стр. 288—289.

ший причастия на -пу, -ту в польском языке, пишет о причастиях-прилагательных на -ły: «Они образуются, в основном, только от т. н. инхоативных глаголов (*verba inchoativa*) с инфинитивом на еć и паć. причем причастия в этом случае принимают форму совершенного вида и означают тогда переход лица или предмета в новое состояние как результат постепенного становления и нарастания состояния и нахождения в этом новом состоянии... Образования от других глаголов единичны: *rodęły, zgnęły*... и такие причастия, по большей части, потеряли связь с соответствующим глаголом и могут считаться перешедшими в разряд прилагательных: *bieęły, czuęły, niedbaęły, przebieęły, staęły*...». ²⁶ Эловые формы в польском, соотносимые с глаголами иных способов действия (кроме инхоативного и стального), не обладают регулярностью образования. Среди значительную группу составляют слова, образованные от глаголов с основой на согласный: *doroęły* — взрослый, *odroęły* — отросший, *obroęły* — обросший, *roęły* — рослый — ср. *rosnąć* — расти; *bieęły* — беглый и др. значения — ср. *bieć, biegnąć* — бежать; *cieęły* — жидкий, текущий — ср. *cieć, cieknąć* — течь; *przepadęły* — пропавший, потерянный, *spadęły* — опавший, упавший, *upadęły* — 1. упавший, 2. обанкротившийся — ср. *paść*; *ciąęły* — непрерывный и др. значения, *przeciąęły* — 1. протяжный, 2. продолжительный — ср. *ciągnąć, ścisnąć* — тянуть; *ścisnąć* — 1. точный, 2. сжатый — ср. *cisnąć, ścisnąć* — жать, сжимать (стиснуть); *przyleęły* — смежный, пограничный — ср. *lec, legnąć* — лечь; *przewleęły* — 1. растянутый, 2. затяжной — ср. *wlec*; *spęły* — линялый — ср. *peźnąć* — линять, блёкнуть; и некоторые другие. Этот тип эловых образований в польском языке более продуктивен по сравнению с русским. Нельзя не связать этот факт с выравниванием исходных глаголов по типу инхоативных глаголов на — паć в польском языке (ср. *lec* и *legnąć, paść* и *padnąć* и т. д.). Эловые формы, соотносимые с не-инхоативными и не-стальными глаголами с основой на гласный, в польском немногочисленны. Например, *bywaęły* — бывалый, опытный; *dbaęły* — заботливый и *niedbaęły* — 1. беспечный, 2. расхлябанный; *niewytęzymaęły* — непрочный, нестойкий; *zamieszkaęły, niezamieszkaęły* — жилой и нежилой; и некоторые другие. В главном — в соотносении эловых образований с глаголами инхоативного и стального способов действия — польский язык сходен с языками восточнославянскими.

Ф. Копечный, посвятивший несколько работ изучению эловых образований в чешском языке, ²⁷ пишет, что чешские при-

²⁶ В. Д. Климонов, Конструкции с причастиями на -пу, -ту в современном польском литературном языке (машинопись). Л., 1962, стр. 89—90.

²⁷ *Problém českého «přičestí minulého činného» v historii českého mluvnictví* («Сборник в честь на Александр Теодоров-Балан». София, 1955); *Přišedši, zahynuvši — přišlý, zahynulý* (Přispěvek k problému přičestí I-ového) (IV Международный съезд славистов. Славянская филология, II. М., 1958.

части на -lý не являются парадигматическими образованиями, они появляются большей частью у глаголов непереходных, у переходных же встречаются лишь изредка.

Как и при анализе материала других славянских языков, остановимся лишь на основных типах эловых форм в чешском языке. В чешском языке, при определенном количестве частных расхождений, прослеживаются те же тенденции образования эловых форм, что и в восточнославянских и польском языках. Эловые формы регулярно образуются от приставочных глаголов инхоативного способа действия. В принципе от каждого приставочного глагола на -ěti, -ati со значением завершения перехода в какое-либо состояние возможно эловое образование. Некоторые примеры: pačervavělý — зачервивевший, pašedi-vělý — сероватый, odlidštělý — лишенный человеческого облика, okoralý — зачерствевший, olýsalý — облысевший, posmutnělý — опечаленный, zascěgvenalý — зарумянившийся, покрасневший; и многие другие. Приставочные образования от инхоативных глаголов второго типа (на -nouti) также регулярно дают эловые формы, например: pahorklý — горьковатый, ср. pahorknouti — стать немного горьким; namoklý — намокший — ср. namoknouti — намокнуть; pamrzlý — подмерзший — ср. pamrznouti — подмерзнуть; napuchlý — опухший — ср. napuchnouti — напухнуть; natvrdlý — 1. затвердевший, 2. глуповатый — ср. natvrdnouti — отвердеть; и многие другие. Бесприставочные образования этого типа встречаются значительно реже. Обширна в чешском языке группа эловых причастий-прилагательных, соотносительных с глаголами стательного способа действия, например: bdělý — бдительный — ср. bdíti, bděl — бодрствовать, probdělý — проведенный без сна — probdíti — прободрствовать; přeleželý — залежалый — pře-ležeti se — залежаться, слезаться; vyleželý — 1. вылежавшийся, 2. выдержанный — vyležeti se — вылежаться; dospělý — взрослый, возмужавший — dospěti — 1. вырасти, 2. созреть; dozrálý — зрелый, спелый — dozráti — созреть, поспеть; uzrálý — зрелый, созревший — uzrátí — созреть, поспеть; lesklý — блестящий — lesknouti — блестеть, лосниться; vyspalý — выпавшийся — vyspati se — выспаться; и ряд других. В чешском языке шире, по сравнению с русским, представлены эловые формы, соотносительные с глаголами других способов действия. Одной из причин такого развития эловых форм в чешском, очевидно, является отсутствие действительных причастий прошедшего времени типа рус. причастий на -вший. Эловые образования в чешском языке могут выступать в качестве действительных причастий прошедшего времени. Среди эловых форм, соотносительных с глаголами других способов действия, значительную группу составляют образования от глаголов с основой на согласный. Некоторые из таких глаголов, как и в польском, при-

соединили к основе инфинитива суффикс *-pou-*. Ср. *paběhlý* — опухший — *paběhnouti* — отец, опухнуть; *přeběhlý* — перебежавший — *přeběhnouti* — перебежать; *rostlý* — росший, выросший — *růstí* — расти; *obrostlý* — обросший, поросший — *ob-růstí* — обрасти; *padlý* — упавший, павший и др. — *padnouti* — упасть; *spadlý* — упавший — *spadnouti* — упасть; *polehlý* — полёгший (злак и т. д.) — *polehnouti* — полечь; *sedlý* — осевший, отстоявшийся — ср. *sednouti* — сесть; *rozsedlý* — растрескавшийся — *rozsednouti* — дать трещину; *užaslý* — изумленный, пораженный — *užasnouti* — изумиться, поразиться; и ряд других. Эловые формы образуются и от некоторых глаголов не-инхоативно-статальной базы с основой на гласный, ср., например, *bývalý* — бывший, былой — *bývati* — бывать, слушаться; *dbalý* — внимательный — *dbati* — заботиться и др.; *opozdilý* — опоздавший — *opozditi* — опоздать; *zachovalý* — хорошо сохранившийся и др. — *zachovati se* — сохраниться, удержаться; и некоторые другие.

Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что регулярностью образования эловых форм в восточнославянских, польском и чешском языках обладают только приставочные дериваты от обоих типов инхоативных глаголов. Бесприставочные инхоативы продуктивного типа (рус. — *еть*, укр. — *іти* и т. д.), как правило, не служат источником образования эловых форм. Если приставочные глаголы инхоативной базы на *-н-* почти всегда дают эловые формы, то инхоативы на *-н-* (несовершенного вида) иногда не имеют параллельных эловых образований. Кроме инхоативных глаголов, источником образования эловых форм нередко являются глаголы со значением состояния. Определенную общность в рассматриваемых языках можно видеть в образовании эловых форм от глаголов других способов действия с основой на согласный.

3. Проследим появление эловых форм в древнерусских памятниках. С этой целью были обследованы словари древнерусского и церковнославянского языков, отдельные памятники письменности и картотека словаря древнерусского языка Института русского языка АН СССР. В приводимых нами данных, бесспорно, могут быть некоторые упущения; кроме того, памятники, конечно, не отражают в полной мере наличия исследуемых форм в древнерусском языке, так как многие из них, возможно, относились к народному языку и не попадали в книжный язык. Но определенные тенденции, как представляется, здесь можно отметить.

Эловые формы, отмеченные в древнерусских и церковнославянских (русского извода) произведениях XI—XII веков, очень немногочисленны. Среди них два слова, образованных от приставочных инхоативов на *-н-*:

про кы слы й — испорченный, застарелый: *Ветъхыд* и *про-*

кыслыа злыбы — XIII слов Григория Назианзина (СМ, II, 1541); *въ срѣхлыи: аще и съ шюшми и съ въсрѣ хлѣми трѣпнть* — XIII слов Григория Назианзина (В, I, 69). Ф. Миклошич приводит прилагательное *размокла*, извлеченное из Пандектов Антиоха: *размокла многыими питии боудеть* (М, 778). *Боудеть размокла* вполне можно рассматривать как будущее второе. Эловые формы, соотносительные с инхоативами на *-н-*; *дра хлыи* — *и яко узрѣста попинѣ его и отрокѣ иже служаще ему, и видѣвъша господина своего дряхла и печалию обліяна суца...* (Сказание о Борисе и Глебе,²⁸ значение — скорбный, печальный). Инхоатив *дрягнути* в этот период не отмечен, но существительное *дрягнуение* (Апостол XIV в., СМ, I, 738) говорит о существовании такого глагола. *Смаглыи* — *иестъ нѣкто изѣкрѣ и смаглѣ* (Изборник 1073 г., В, II, 179), ср. в современном языке *смуглый*. Авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» (М., 1961, стр. 311) считают, что *смуглый* образовано от *смуга*. Может быть, перед нами эловое образование от не засвидетельствованного в древнерусском языке инхоатива *смугнути* (ср. встречающиеся варианты *смагнути*, *свианути*, укр. *смагнути*).

Инхоативный тип с суффиксом *-е-* представлен двумя эловыми образованиями: *бѣаше видѣти колѣнѣ оужесточалѣ множьствѣмь кланянии* — Лествица Иоанна Синайского (В, II, 249 и М, 494). А. Х. Востоков считает эловую форму глаголом (статья *оужесточати*), Ф. Миклошич видит здесь прилагательное. *Обетѣшалаи: обетѣшале дѣии зѣлыихѣ* — Ефремовская кормчая книга, ок. 1100 г. (СМ, II, 502).

Эловые формы, соотносительные с неинхоативными глаголами. Со стательными глаголами:

гниль: *изѣбѣраша добрыа съсоуды, а гнилыа извъргоша вѣнѣ* — Четвероевангелие 1144 г. (СМ, I, 524); *блуди же са пасти ти са хоцетѣ стела на та яко гнила иестъ* — Златоструй, XII век, ДРС).

Последний пример несколько спорен, сочетание *иестъ гнила* может рассматриваться и как перфект с отчетливым значением наличного результата прошедшего времени, хотя, скорее, перед нами уже прилагательное. О существовании такого прилагательного говорят образованные от него существительные *гниль*, *гнильство*, отмеченные в памятниках XI века (СМ, I, 524). Сочетания такого рода (*гнила иестъ*), как представляется, имеют большое значение для изучения истории эловых форм, поэтому в дальнейшем мы на них остановимся подробнее. *Зѣрѣль*: *гроздѣ зѣрѣль* — XIII слов Григория Назианзина, XI в. (СМ, I,

²⁸ Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1951, стр. 43.

1012); *зѣрѣлаа зѣрна* — Лествица Иоанна Синайского, XII в. (СМ, I, 1012). Уныль: *оуныль бѣаше* (XIII слов Григория Назианзина), приводимое И. И. Срезневским в статье «*унылый*» (СМ, III, 1233), может рассматриваться и как плюсквамперфект глагола *уныти*, как и в примере *Образъ бо бѣаше оуныль и него взоръ и скрушение сѣрдьца него стго* — Житие Бориса и Глеба (СМ, III, 1233).²⁹ Бесспорный случай находим во фразе *И видѣвъши бѣа англы скѣрбьны, оунылы грѣшникъ ради, ѿ въсплакаса прстаа* — Хождение Богородицы по мукам, XII в. (СМ, III, 1233). *Оуныль* в двух первых примерах может рассматриваться и как прилагательное. Такое прилагательное отметил Ф. Миклошич (М, 1057) в Супрасльской рукописи (XI век). Как составная часть перфекта с опущенной в третьем лице связкой и как прилагательное может рассматриваться форма *уныли* в такой фразе «Слова о полку Игореве»: *Уныли голоси* (вариант — *унылы*), *поничѣ веселіе . . .*,³⁰ хотя скорее всего это перфект. Ополѣль — (ср. *ополѣти* — обгореть): *загодѣ ланитѣнѣи вѣрѣднѣи и ополѣлѣи моущю вѣрѣниемъ теплыхъ слъзъ* — Лествица Иоанна Синайского, XII в. (В, II, 27); *кы сѣлъ: оци іаша кысѣло и зюби чядомъ оскомьни быша . . .* (Изборник 1076 года, В, I, 193). Это эловое образование, очевидно, соотносимо с глаголом *кысѣти*, не засвидетельствованным в бесприставочной форме в древнерусском языке, но встречающимся с приставкой — *раскысѣти* (СМ, III, 75).

Эловые формы, соотносительные с глаголами других типов. Пошѣлый — старинный, исконный — *А хто хочетъ въ коупѣчествѣ вложитъ въ Иванское, дастъ коупѣцемъ пошлымъ вкладоу пятьдесятъ гривенъ серебра, а тысяцкому соукно ипѣское* — Грамота князя Всеволода до 1136 г. (СМ, II, 1335). Удалый: *ты бо можещи по суху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы* — Слово о полку Игореве (СМ, III, 1145).

Таковы отмеченные нами адъективные формы на -л, встречающиеся в памятниках ранней поры (XI—XII вв.). Этот перечень, как и приводимые ниже, не претендует на полноту. Это будет возможно лишь тогда, когда появится полный словарь древнерусского языка. Поэтому выводы могут быть только предварительными. Анализируя имеющиеся эловые адъективы ранней поры, можно отметить, что они — очень немногочисленные — соотносимы главным образом с глаголами инхоативными и стательными.

XIII—XIV вв. Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с приставочными инхоативными глаголами на -н-. По-

²⁹ В примерах титла сохраняются, надстрочные знаки вынесены в строку.

³⁰ А. С. Орлов, Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 53.

гы блый: *Такоже братъ нашъ Сидоръ былъ въ Стоколмѣ по-
сольствомъ с тыми погыблыми людми, которыхъ племя на морѣ
побито* (Грамоты Новгорода и Пскова, 1373 г., ДРС); ср. в
Ипатьевской летописи (1425 г.): *Влегъ же и Борисъ ... проль-
яше кровь хрестыанску, ея же кровь възыщеть бѣ от руку ея
отвѣтъ дати за погыблыа дѣа хрестыанскѣ* (ДРС). Ср. также
в старославянском: *яко снѣ съ мъртвѣ бѣ и оживе погыблѣ бѣ
и обрѣтеса* (Саввина книга),³¹ где параллелизм *мъртвѣ бѣ —
погыблѣ бѣ* дает, очевидно, основание считать, что перед нами
эловая форма, выступающая как причастие-прилагательное.
В «Слове Иоанна, екзарха болгарского, на вознесение» (список
1535 г.): *Лука четырижды три свидѣтели достоины, вѣрны по-
вѣдаеть, гѣмъ ли не вѣруеши, пагубниче и погыбле.*³² Здесь
редкий случай употребления элового образования в звательной
форме. Может быть, мы имеем дело с существительным *попеп
agentis* на -ль (*погыблѣ*) типа др. рус. *стѣрблѣ* — человек зре-
лого возраста (СМ, III, 586), рус. и укр. *коваль*, польск. *tażgał*
— растяпа, недотепа.³³ Истоплый: *И наметаша избиеныхъ
люди, и огнемъ жженыхъ, и истоплыхъ 5 скудельницъ* (Новго-
годская I летопись XIII—XIV вв., СМ, I, 1150). Помърклый:
Видѣ члка синя и помркла (Житие Андрея Юродивого, СМ, II,
1173). Истясклый: — «преходящий, бранный, исчезающий,
непродолжительный» (Ср. *истяскнути* — иссохнуть): *Никое же
лѣто истескла творитъ животьная своиства* (Шестоднев Иоанна,
1263 г., СМ, II, 1161). *iegда кони тоучьни боудоуть, и юни, и
добри, и быстри, а ты сѣдаи на немъ иеси истасклѣ, и краставѣ,
и зѣлоликѣ, кыи ли оуспѣхъ* (Златоструй до 1200 г., СМ, II,
1161). Сомнительно выделение элового причастия-прилагатель-
ного *потухлый* в следующем примере: *И видѣхъ ключаре и
страже вратъ адовихъ стоуще iако аспиди великыи, и лица ихъ
iако свѣще потоухлы* (Книга Енохова, XIII в., ДРС).

Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с бес-
приставочными инхоативами на -н-. Топлый — топкий — *И
сѣ сиверной губы и с Нуры поидитъ мижа на бошую топлую
грязь* (Книга межевая обводная, 1391 г., СМ, III, 980).

Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с инхоа-
тивами на -е-. Опустѣлѣ: ... *тѣгда оставлени будутъ от
сѣмени твоего мужи праведни въ чисмени снабдими мною тща-
шися въ славѣ имени моего къ мѣсту преже оуготовленому
имѣ еже видѣ опустѣло въ образовании и будутъ живущии от-*

³¹ И. И. Срезневский, Древние славянские памятники юсового письма. СПб, 1868, стр. 55.

³² К. Калайдович, Иоанн, екзарх болгарский. М., 1824, стр. 176.

³³ W. Vondrak, указ. соч., стр. 567.

вержаеми жертвами и даръми (Памятники отреченной литературы, XIV в., ДРС). *Посинѣлый*: (Земля говорит о море): *нетлачный путь въѣтромъ истуженный посинѣлою буреою* (Пролог, XIV в., ДРС). *Изможчалый, измождалый* — «слабый, дряблый»: *отверзеть оуста своа изможчалаа* (Поучения Ефрема Сирина, XIII в., СМ, I, 1065—66); *Оуста измождалаа* (Поучения Ефрема Сирина, XIV в., СМ, I, 1065).

Из эловых причастий-прилагательных (мы не рассматриваем здесь грамматические особенности образований типа *опустѣлый*, термин употребляется лишь для того, чтобы отграничить такие слова от эловых форм, образующих грамматические времена и наклонения), соотносительных с глаголами других типов можно указать в рассматриваемый период лишь *тяглый, бѣглый*, которые по своей структуре сходны с инхоативами на -н- (при характеристике каждой эпохи приводятся лишь формы, не засвидетельствованные в предшествующий период). *Тяглый* — обложенный повинностями, несущий подати: *А архимариту тяглых люди Волоцкихъ не приимати* (Жалованная грамота Ивана Калиты до 1340 г.), ср. также: *А съ дворомъ целовѣка тяглою въ городѣ не купити* (Договорная грамота в. кн. Василия Васильевича, 1435 г., оба примера — СМ, III, 1097). *Бѣглый*: *Выдай ми нашего бѣлаго царя Тактамыша* (Новгор. I летопись, СМ, I, 213).

XV—XVI вв. Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с инхоативами на -н-. Отмеченные нами новые приставочные образования редки, количество бесприставочных довольно велико. *Высохлый*: Само прилагательное-причастие не зафиксировано, о его возможном существовании говорит существительное *высохлость: в сухихъ странах ... мозгу высохлость случается* (Назиратель, XVI в., ДРС). *Блеклый* — в топониме: *Дер. Блеклое: 1 дв(ор), пашни въ полѣ 12 четви. сѣна 20 коп* (Книга московских приказов, 1540 г., ДРС). *Вислый*: *У 5-ти запонѣ по жемчугу по вислому* (Платье царя Бориса Годунова, 1589 г., СМ, III, доп. 34). *Вялый*: *По десяти осетровѣ вялыхъ* (Запись Данила Блинова, 1461—1464 гг., СМ, I, 505); *куплено вялыхъ сигаов 40* (Приходно-расходная книга Тихвинского монастыря, 1590—1592 гг., ДРС). *Пухлый*: *Соломона сна моего единаго избра гъ еще отрочатем еть тенелумъ* (на поле — приписка *пухлъ*) *дѣло бо велико есть* (Библиотека Геннадия, 1499 г., ДРС). *Трухлый*: *Того же лѣта разобраша старую церковь на Троецкомѣ дворѣ, бѣ бо трухла велми, и заложил новую на томъ же мѣстѣ* (Летопись по Воскресенскому списку, XVI в., ДРС). *Кислый*: Любопытно, что *кысѣль* отмечено уже в XI веке, тогда как *кисль* встречается значительно позже, причем в виде собственного имени: *Дѣти боярскіе тверичи ... Елизаръ Славной Кислой Зѣваловъ* (Акты

Московского государства, 1585 г., ДРС). Мерзлый. Эловая форма в этот период засвидетельствована во многих случаях, но большинство их спорны, такова, например, фраза *Земля в то время вельми мерзла* (Житие Адриана Пошехонского XVI в., ДРС). Нужно учесть, что глагол *мързнути* в древнюю эпоху имел инхоативное значение, ср. напр., *Нача Дьньлрѣ мързнуоти* (Новгородская 1 летопись, СМ, II, 231). С большим основанием к адъективам как будто бы можно отнести форму *мерзла* в следующем примере: *... что земли летомъ таетъ въ полтора аршина, а болши дву аршинъ земли никогда не таетъ, а въ исподи на днѣ бываетъ земля всегда мерзла* (Рукопись 1684 г., ДРС). *Мерзла* здесь прилагательное, которое входит в состав именного сказуемого со связкой *бываетъ*. Полная эловая форма: *отъ полуночи море мерзлое, тамъ незнаемые мѣста...* (Книга, глаголемая космография, 1670 г., ДРС). Тусклый: *ино ставитца золото тускло а не светло на строках* (документ XVI в., ДРС).

Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с инхоативными глаголами на -е-. Многие относимые к этому типу эловые образования спорны в плане их принадлежности к адъективам или глаголам. Это можно сказать о престарѣль: *блше престарѣль зѣло до днехъ своихъ* (Житие Антония Сийского, 1579 г., ДРС). Ср. в более позднем памятнике: *крестьян писать поголовно в лѣта от престарелых и до последнего младенца, хотя которой того числа народитца* (Вотчинный архив Бутурлиных, 1719 г., ДРС). Сомнительны и две эловые формы из Сборника XV века (СМ, II, 1202): *аще бы се вѣдалъ кто, егда ся гнѣваетъ, како есть попыснѣлъ и позеленѣлъ, и како ему слины падаютъ изъ оустъ (попыснѣти — потемнеть, омрачиться)*. И. И. Срезневский дает этот отрывок в словарной статье «*попыснѣти*», т. е. считает форму *попыснѣлъ*, как и *позеленѣлъ*, составной частью перфекта. Как представляется, эти формы могут быть истолкованы и как краткие причастия-прилагательные в составе именного сказуемого. Напуцнѣлый: *Почки толстые ... либо напуцнѣлые* (Назиратель, XV—XVI вв., ДРС). Двойко может быть понята приводимая А. Х. Востоковым форма *очадѣла* из Пролога XV в.: *Грѣшникомъ бяху лица яко очадѣла, другимъ же аки огнена* (В, II, 45).

Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с глаголами стального способа действия.

Прѣлый: *Да въ Опоцкомъ погостѣ починокъ Погиблог: дв. Федко Семеновъ, прѣлой пашни въ одномъ поли три четвертки, сѣна нетъ, сидитъ на лготѣ* (Новгородские писцовые книги, документ ок. 1498 г., ДРС). Лежалый: *принесъ старецъ Иванъ двѣнадцать рублевъ и дватцать три алтына двѣ денги, что он продалъ овесъ лежалой* (Приходно-расходная книга Болдинского монастыря, 1593—1607, ДРС). Усталый — оставшийся: *Ве-*

лѣль есмь ему тѣ усталые подводы у васъ выимати да отдавати на ямъ Городецкимъ ямщиком (Грамота в. кн. Ивана Васильевича, 1534 г., СМ, III, 1280).

Эловые формы, соотносительные с глаголами других типов. **Рослый**: *Бысть меженина велика в земли Руской, дороговъ и глад хлѣбный и скудота всакого жита, сию ж дороговъ нѣци глѣть рослую рожь* (Симеоновская летопись, XVI в., СМ, III, 167). **Зарослый**: *За рѣкою сосна сухая на дору на заросломъ* (Разъезжая 1555 г., СМ, III, доп. 114). **Зажилый**: *да на дворникѣ Нифонтѣ взялъ зажилово десять алтынъ на Смоленскомъ* (Прих.-расх. книга Болдинского монастыря, ДРС). Здесь эловое причастие-прилагательное выступает уже в субстантивированной форме в терминологическом значении — деньги, плата. **Отошлый** (ср. отмеченное выше *прошьлый*): *А промѣнилъ есмь Климентію и его дѣтемъ деревню Зубцово . . . Романовскіе волости и съ отошлымъ лужкомъ Зубцевским* (Акты юрид. быта, документ от 1509 г., ДРС). **Отпалый**: *руцѣ шпалѣ* (Книга Иисуса сына Сирахова, сп. XVI в., В, II, 40). **Небывалый**: *А послы Янѣ и Миколай встрѣтили осереде сѣней . . . и говорили, что къ ним пріѣхалъ гость небывалой, как его подчивати* (Памятники дипл. сношений Моск. государства, 1570 г., ДРС). **Жилой**: *всего два двора гостиных жилых* (Сотн. Муромск. посад., 1574 г., СМ, III, доп. 106); *В древніе лѣта то государство бывало велми жило* (Козмография, 1620 г., ДРС); в этом памятнике встречается даже компаратив: *немецкие страны далеко жилѣ наших*.

Рассмотренные примеры позволяют сделать некоторые предварительные выводы. Эловые причастия-прилагательные встречаются в памятниках ранней поры довольно редко (например, в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку³⁴ полных форм совсем нет, можно указать лишь несколько сомнительных случаев использования краткой формы: *наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажъ; но состави их распалися бѣша и власи главнии притяскли бяху*, где эловая форма, скорее всего, входит в состав глагольного времени, как и в предложении *яко сесь взрослъ есть под рукою твоею*). Конечно, фиксация эловых форм в памятниках определенного периода совсем не служит доказательством появления эловой формы именно в этот период, так же как отсутствие определенных эловых форм в памятниках раннего периода отнюдь не является доказательством их отсутствия в языке. Так, употребление слова *Блеклое* в качестве названия деревни, слова *Кислой* в качестве мужского имени, субстантивация лексемы *зажилое* — все это доказательства существования соответствующих слов в более раннее время, чем они засвидетельствованы. Но все-таки можно сказать, что

³⁴ Повесть временных лет. Ленинград, 1926.

количество фиксируемых памятниками эловых форм постепенно возрастает: формы, засвидетельствованные в первых памятниках, единичны, постепенно их становится больше и, как увидим ниже, они все чаще выступают в памятниках XVII—XVIII вв., эти формы широко представлены в словарях этого времени. Как бы ни рассматривать хронологическую фиксацию эловых причастий-прилагательных, важнее другое: на всем протяжении исторического периода именно глаголы инхоативной и стальной базы, глаголы со значением перехода в какое-либо состояние или пребывания в каком-либо состоянии являлись той основной группой, с которой были соотносительны эловые причастия-прилагательные. Особый интерес представляют спорные случаи, где эловую форму можно трактовать и как старое эловое причастие, составную часть грамматического времени, и как краткое причастие-прилагательное, составную часть именного составного сказуемого. Количество эловых причастий-прилагательных, соотносительных с глаголами других типов, невелико, некоторые из них сохранились в современном языке.

XVII—XVIII вв. Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с инхоативными глаголами на -н-. Приставочные. Обрюзглы: *зубы заржавелья, ланиты обрюзглыя* (Гражданство обычаев детских, конец XVII в., ДРС). Обыкклы: ... и *быть въ паче государскомъ повелѣнїи и во всякомъ послушанїи и въ обыкломъ повиновенїи со всякимъ усерднымъ покоренїемъ* (Доклады в Сенате, 1715 г., ДРС). Опухлы: *Порох стрелебной да сметана, да убить все вместе і втирать на опухлые места ...* (Лечебник, XVII в., ДРС). Подкислы: *И их наймати за свѣжюю за роздѣланую и за соленую за гнилую и за подопре- лую и за подкислую рыбу* (Акты юрид. быта, 1615 г., ДРС). Пони- клы: *не пониклы не оплазвы* (о глазах) — Гражданство обычаев детских, XVII в., ДРС). Ср. в словарях этого периода: И. Нордстет, «Российский с немецким и французским переводами словарь»³⁵: *вскислый, вспухлый, выдохлый, вызяблый, вы- мерзлый, вымоклый, загдохлый, обсохлый*. «Российский Целла- риус»³⁶: *высохлый, завялый, засохлый, застылый, обзислый, об- мерзлый, осиплый*.

Беспоставочные. Волглы: *фетиль свой в мокрое и в волглое погодые сухо держати* (Учение ратного строения, 1647, ДРС). Гиблы: *и мы, холопи твои, къ тебѣ, ко гдрю, о томъ писали съ Васкою з Гиблымъ, июля въ 20 день* (Памятники дипл. сношений с Англией, 1609 г., ДРС). Дряблы: *и онѣ, государь, не такъ живутъ, какъ обещались, но и старое раззо- ряютъ, и церкви божи ветхи и дряблы, и книжного строения ничего нѣтъ* (Акты Холмогорские и Устюжские, 1687 г., ДРС).

³⁵ СПб., ч. I—1780 г., ч. II—1782 г.

³⁶ М., 1771.

С ну л ы й — неживой, заснувший (о рыбе): *А сколько той живой или снулой рыбы в приеме будеть, и тому прислать письмо* (Дела Тайного приказа, 1660—1685 г., ДРС). Ср. в современном языке — *снулый* (ССРЛЯ, 13, 1513—1514). В древнерусском языке засвидетельствована спорная эловая форма от той же глагольной основы с другим суффиксом: *оупотъшая рыбы сънѣлы соутъ* (Поучение Кирилла Иерусалимского, XII в., СМ, III, 1312, статья «утонуть»). Ср. также *дохлый, зяблый* (Российский Целлариус), *сиплый*, (словарь И. Нордстета), *тухлый* (Словарь Академии Российской, 1794 г.).

Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с инхотивами на -е-: *Застарелый*: *Тѣмъ же то Семеномъ много мнѣ грозили: застарелой мужикъ самочинникъ и невѣглась* (Отразительное писание, 1691 г., ДРС). *Обеднялый*: *Велено намъ холопемъ твоимъ . . . переписать пустые дворы и мѣста дворовые, и вымерлыхъ, и обѣднялыхъ и выбѣглыхъ людей* (Акты писцового дела, 1646, ДРС). *Окаменѣлый*: *егда венецыйскіе тотъ городъ чистили, во рѣвѣ находили птицы и рыбы окаменѣлые* (Козмография, 1620 г., ДРС). Формы такого типа очень часты в словарях: *заматерелый, заржавелый, онемелый, осиротелый, почернелый* («Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова³⁷); *обнищальный, устарелый, заиндевелый, заплесневелый, запустелый, одичалый, околелый, ослабелый* (Вейсманнов лексикон³⁸); *омертвелый, отсырелый, зачерствелый, облыселый, обруселый, огрубелый, окостенелый, окоченелый, оледенелый, оцепенелый* (Российский Целлариус); *загрубелый, загустелый, зажирелый, закаменелый, закоренелый, занемелый, одеревенелый, одурелый, оробелый, оскуделый, остолбенелый, оторопелый, отупелый, охолоделый, пожелтелый, позеленелый* (Словарь И. Нордстета); *побурелый* (Словарь АН, 1789); *закостенелый, закоченелый* (Словарь АН, 1792); *поседелый* (Словарь АН, 1794).

К этому времени относятся и отдельные случаи использования эловых причастий-прилагательных, соотносительных с бесприставочными инхотивами на -е-: *ветшалый* (Словарь И. Нордстета) — *а* из **ѣ** после шипящего; *плесневелый* («Лексикон трехязычный»); *худалый*: *Да у насъ же, государь, въ сотнѣ худалыхъ и обнищалыхъ людей съ семдесятъ челоуѣкъ . . .* (Дополнения к актам историч., 1649 г., ДРС); *солodelый*: *а тепере мнѣ тот Дмитрей даст муку плохую недобрую солодѣлюю* (Якутские акты, 1642, ДРС).

Значительное количество эловых причастий-прилагательных, засвидетельствованных в этот период, соотносительно с глаголами состояния: *Сиделый*: *отдан тот двор . . . иноземцу сиделому хамовнику Ярофею . . . безденежно* (Акты Карашевской слободы, XVII в., ДРС); *стоялый*: *и въ стояломъ острошкѣ*

³⁷ 1704 г.

³⁸ 1731 г.

башня вся сгнила (Акты диплом. сношений Моск. государства, 1660 г., ДРС); *застоялый*: *и вы бѣ насѣ въ тѣхъ застоныхъ мѣсецѣхъ въ наемныхъ денгахъ...* (Акты историч., 1609 г., ДРС); *погорелый*: *и тѣ ваши государевы сотни все погорѣли, и тѣ погорѣлые люди розведены, по насѣ же стоять* (Акты историч., 1620—1645, ДРС). В словарях: *провонялый* («Лексикон треязычный»); *залезалый, обгорелый, полинялый* (Вейсманнов лексикон); *загорелый, закоснелый, обомлелый, перележалый, улежалый, упрелый* («Российский Целлариус»); *выгнилой, запотелый, лinyaый, перестоялый, подгорелый, распотелый, угорелый* (Словарь И. Нордстета); *вылиняый, перелиняый* (Словарь АН, 1792 г.), *осерчалый* (Словарь АН, 1794 г.).

Эловые причастия-прилагательные, соотносительные с глаголами других типов. *Езжалый*: *того жѣ числа куплено ни торгу у тагаевского казика у Тимошки Калинина телѣга ѣзжалая въ дорогу до Москвы...* (Книга прих.-расх. Синбирской приказной избы, 1665—1667, ДРС); *палый*: *а впредь вмѣсто палыхъ лошадей въ прибавку давать въ третій годъ по 3 стоялыхъ и по 7 подѣжныхъ...* (Доклады в Сенате, 1712 г., ДРС); *выбылый*: *и за техъ выбылыхъ ясажныхъ ясакъ платятъ они ж. а пашенъ де у нихъ нетъ...* (Грамоты башкирские, 1633 г., ДРС); *отеклый*: *А кто любитъ траву смешавъ съ уксуомъ ꙗ пити по рану ꙗ то здравитъ стомахъ отеклый* (Лечебник, XVII в., ДРС); *упалый*: *и которые припасы огъ упалыхъ лошадей остались...* (Розыскные дела о Ф. Шакловитом, 1685—1725 гг., ДРС); *опоздалый*: *и сѣи заранея всегда, понеже опоздалое оманетъ тебя многожды, а зараннѣе отъ десяти едино или весма* (Книга, зовомая земледельческая, 1705 г., ДРС). В словарях: *зимовалый* («Лексикон треязычный»); *опалый, взрослый* (Вейсманнов лексикон); *перерослый, облезлый* (Российский Целлариус); *набеглый, збылой* (Словарь И. Нордстета); *впалый* (Словарь АН, 1793 г.).

Значительное количество эловых причастий-прилагательных, засвидетельствованных памятниками и словарями этого периода, говорит о возрастающей продуктивности этого типа словообразования. И здесь, как и в предшествующие эпохи, большинство эловых причастий-прилагательных связано с глаголами инхотивного и статального способов действия, количество эловых образований другого типа невелико, такие образования никакой системы не формируют.

4. Соотносительность эловых причастий-прилагательных с глаголами определенного лексического значения и позднее развитие этого словообразовательного типа (исток его могут относиться к дописьменной эпохе) делают возможным, по нашему мнению, пересмотр традиционного положения о регулярных полных формах эловых причастий (имеется в виду причастие, вошедшее в общеславянский язык в состав перифрастических обо-

ротов, из которых оформились грамматические времена). Можно предположить, что нынешние причастия-прилагательные (тип *мерзлый, онемелый*) образовались иным путем.

Как известно, первоначальным значением перфекта было значение наличного в настоящем результата прошедшего действия. Старое образование типа *neslъ, imьglъ* называют результативным причастием. Это результативное значение старого образования на -l- должно было утрачиваться, иначе перфект не смог бы стать универсальным выразителем прошедшего времени. Но отдельные группы глаголов, благодаря их лексико-грамматическим особенностям: значение приобретения или утраты признака, непереходность, — в своих эловых образованиях, наряду с общим временным значением, могут сохранять старое результативное значение. Это как раз и есть инхоативные глаголы в их приставочной форме. Инхоативные приставочные глаголы в форме прошедшего времени обозначают, что процесс, происходящий в предмете, завершился, в результате этого процесса предмет приобрел какой-то новый признак, и этот признак сохраняется в настоящем. Ср. *белье высохло*, т. е. оно сохло, процесс сушки завершился, сейчас белье сухое; *лицо почернело*, т. е. оно сейчас черное; *человек облысел*, т. е. он сейчас лыс. Интересно, что когда акад. В. В. Виноградов говорит о перфектном значении форм прошедшего времени в современном языке, он иллюстрирует это примерами с приставочными инхоативами: *Одеколony, спирты, у самой истерики, глазки опухли, носик покраснел* (А. Н. Островский, Красавец-мужчина); и т. д.³⁹ Конечно, перфектное значение, значение результата в настоящем прошедшего действия-процесса, может быть присуще и глаголам других типов, но именно для приставочных инхоативов оно является в силу их семантики основным. Как известно, причастия на -ший, особенно на -вший, менее всего, по сравнению с другими причастными типами, способны адъективироваться. Но отинхоативные причастия как *застывшее (выражение лица), оплывшие (щёки)* нередко (особенно без сопутствующих слов) могут выступать в значении, близком к адъективному.

Именно в отчетливо выраженном перфектном значении эловых форм инхоативных глаголов заключается, как можно предположить, причина появления в славянских языках эловых причастий-прилагательных. Конструкция, состоящая из вспомогательного глагола и старой формы на -l от инхоативного глагола (*iestь прокыслъ, iestь посинѣлъ*), могла переосмысливаться. Старое эловое образование в такой конструкции обозначало признак, качество, имеющееся сейчас, в настоящем, оно могло восприниматься как обозначающее признак вообще, абсолютный признак, т. е. сближаться по значению с прилагательным, обо-

³⁹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 565.

значающим признаком вне времени. И вся конструкция первоначального перфекта получала значение настоящего времени, именного составного сказуемого, состоящего из вспомогательного глагола и отглагольного прилагательного (то же можно сказать и о плюсквамперфекте с перенесением в план прошедшего). Таким образом, можно предположить, что употребление такого типа причастий-прилагательных в атрибутивной функции является вторичным, использование их в этой функции обусловило возможность появления у них полной формы, то есть процесс примерно развивался так: *тѣло ьсть обѣмързло* (перфект) — *тѣло ьсть обѣмързло* (презенс с причастием-прилагательным) — *обѣмързло тѣло* (атрибут) — *обѣмързлое тѣло* (атрибут). Эловы́е слова в функции атрибута оформлялись по типу полных прилагательных и получали возможность склонения и в краткой форме. Укажем некоторые случаи употребления кратких эловых причастий-прилагательных в функции атрибута в косвенных падежах: *Не пожнѣте мене отъ жития незрѣла* (Софийская I летопись, XV—XVI вв., ДРС); *Да аще бо погибнетъ единъ его, отходитъ другая в пустыню и сядетъ на усхлѣ древь . . .* (Физиолог, сп. XVI в.)⁴⁰; *врачство ьсть душѣ тѣлу болѣзнями здѣ омертвѣлу* (Град царства Кариона Истомина, XVII в., ДРС) и др. Эти поздние и немногочисленные случаи склонения нечленных эловых форм, бесспорно, не являются сохранением общеславянского состояния. Эловая часть составной глагольной формы, переосмыслившись, выступает в качестве атрибута. По аналогии к обычным кратким прилагательным она получает возможность образования косвенных падежей.

Выше уже указывались отдельные случаи, когда конструкцию «вспомогательный глагол + эловая форма» можно было объяснять двояко: как перфект (плюсквамперфект) либо как составное сказуемое. Именно такие конструкции, как можно предположить, послужили отправной точкой формирования исследуемого адъективного типа. Трудно разграничить эловое причастие как составную часть грамматического времени (перфект, плюсквамперфект) и эловое причастие-прилагательное, если они выступают в качестве одиночного сказуемого без сопутствующих слов. Употребление обычного прилагательного рядом с эловой формой при общей или повторяющейся связке может служить доказательством того, что эловая форма выступает в качестве краткого причастия-прилагательного. Пояснительные слова, стоящие при эловой сказуемой форме, чаще всего говорят о грамматическом времени, т. е. эловая форма является причастной лишь в старом смысле, хотя такие пояснительные слова могут иногда относиться и к причестию-прилагательному, в котором ощущается

⁴⁰ Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1951, стр. 136.

еще связь с глаголом, ср., напр., *Он, государь, человекъ зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути* (Доклады Петра I, ДРС). В работе «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного» приводятся многочисленные случаи употребления при эловых причастиях-прилагательных различных предложных и беспредложных конструкций еще в языке XVIII—XIX вв.⁴¹

Рассмотрим отмеченные нами случаи употребления эловых форм в конструкциях, которые могут быть истолкованы как исходный момент образования эловых причастий-прилагательных.

Како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, тоже не врежено пребысть, ни отъ коего же плотоядъца ни бѣаше почьрнѣло, яко обычай имуть телеса мъртвыхъ, нѣ свѣтло и красно и цѣло и благувоню имуще (Житие Бориса и Глеба, XII в.)⁴². В этом отрывке рассказывается о том, как откопали тело Бориса. Скорее всего, перед нами форма плюсквамперфекта: тело Бориса не почернело, не стало черным, хотя оно в течение многих лет пролежало в земле. События излагаются в аористном ключе, и плюсквамперфект передает наличный в прошлом результат еще более раннего процесса. О грамматическом времени говорит и пояснительная конструкция *ни отъ коего же плотоядъца*. Но если считать, что вспомогательный глагол *бѣаше* относится не только к *почьрнѣло*, но и к прилагательным *свѣтло*, *красно*, *цѣло*, то придется признать, что перед нами уже краткое прилагательное-причастие, входящее в состав именного составного сказуемого.

И видѣхъ ключаре и стражѣ вратъ адових стоуще яко аспиди великые, и лица их яко свѣще потоухлы (Книга Енохова, XIII в., ДРС). Форма *потоухлы* для этого периода может рассматриваться и как множественное число женского рода перфектного причастия, и как множественное число женского рода (Им. пад.) краткого причастия-прилагательного. Параллельный сравнительный оборот *яко аспиди великые* как будто бы дает основание предполагать, что здесь мы имеем дело с причастием-прилагательным.

И слышахом глас от старца того, і лице ему баху видѣхом: брови ему баху висли, а ногти его баху велици ручнии и ножнии (Слово о трех мнисех, XIV в., ДРС). Форму *висли* в этой фразе можно трактовать и как составную часть плюсквамперфекта, и как причастие-прилагательное (ср. *баху велици*), но первое менее вероятно, так как плюсквамперфект типа *баху* + эловая форма рано выходит из употребления. *Земля в то время вельми*

⁴¹ М., 1964, стр. 419 и сл.

⁴² Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1951, стр. 47.

мерзла (Житие Адриана Пошехонского, XVI в., ДРС). *Мерзла* может толковаться двояко, особенно если учесть инхоативное значение этого глагола в древнерусском языке, наречие меры *вельми* может характеризовать и глагол и прилагательное. *И пришедше къ Галичю и не могоша битися, зане бляше рѣка не мерзла* (Никоновская летопись, XVI в., ДРС). Расположение слов в этой фразе («не» перед эловой формой) как будто бы говорит, что здесь причастие-прилагательное, а не составная часть плюсквамперфекта, хотя по значению фразы здесь можно было бы предположить и плюсквамперфект. Против последнего говорит факт раннего исчезновения этой конструкции. ... *что земли летомъ таетъ въ полтора аршина, а болши дву аршинъ земли никогда не таетъ, а въ исподи на днѣ бываетъ земля всегда мерзла* (Дополнения к актам историч., 1684 г., ДРС). Здесь *мерзла* входит в состав именного сказуемого со связкой *бывает*, это прилагательное. ... *а Ворошилко к вам писал, что варничново леса добыть не мочно, лес поудалел* (т. е. стал более далеким — П. С.) *и мерзл ...* (Грамоты Сибири, 1606 г., ДРС). *Мерзл* соединено с глаголом *поудалел* и поэтому, очевидно, тоже является глаголом, хотя по смыслу в данном случае больше подходило бы прилагательное либо приставочный глагол. *Крѣпость ... въ самомъ морѣ, какъ мерзло было, изъ дерева и каменн основана и построена есть* (Письма и бумаги Петра Великого, 1704—1705, ДРС). Сочетание *мерзло было* может представлять второй тип давнопрошедшего с опущенной связкой, но его можно понимать и как составное сказуемое.

... *тѣгда оставлени будутъ от сѣмени твоего мужи праведни въ чисмени снабдим мною тищеша въ славѣ имени моего къ мѣсту прежде оуготвленому имъ еше видѣ опустѣло въ образовани и будутъ живущии оутвержаеми жертвами и дарѣми* (Памятники отреченной литературы, XIV в., ДРС). *Опустѣло* в этом отрывке, скорее всего, является причастием-прилагательным — место, которое видел опустевшим — с сохранением глагольности, что видно из пояснительных слов *въ образовани*.

Баахоуть бѣ очи его напоухлѣ, възистину реци иакѡ наросли масъ зѣло бѣста прежде очи егѡ краснѣ (Житие Василия Нового, XIV в., список XVI в., ДРС). Здесь можно предполагать старую форму плюсквамперфекта с флексией двойственного числа среднего рода у эловой формы. С другой стороны *напоухлѣ* может быть понято и как эловое причастие-прилагательное (*Очи баахоуть напоухлѣ — очи бѣста краснѣ*).

Единъ же нѣкто отъ нихъ, зѣло богатъ и старѣи сущиихъ въ тѣхъ мѣстѣхъ, воднымъ трудомъ боля и весь тѣломъ недугомъ опухлъ, припаде къ святому (Великие Минеи-Четии, XVI в., ДРС). *Опухлъ* может рассматриваться как причастие-прилагательное, образующее причастный оборот *весь тѣломъ недугомъ*

опухлѣ и соединенное с другим оборотом *воднымъ трудомъ боля*. Однако возможно и понимание формы *опухлѣ* как перфекта, что менее вероятно. *А по досмотру на немъ Гришкѣ раны: на головѣ на лбу прорублено бердышемъ до крови . . . на правой рукѣ на локтѣ прошибѣнъ кистенемъ до крови на спине противъ сердца сине и опухло, да на поесницѣ очерябнуто до крови* (Акты юрид. быта древней России, 1692, ДРС). Сочетание *сине* и *опухло* как будто говорит в пользу признания зловсѣй формы причастием-прилагательным, но это может быть и безличный глагол. Ср. возможность двоякого понимания сходной формы в былине: *Распахивай ты свою полу правую и выдергивай ты шельгу подорожную, и стегай ты змеишиша по могучим плечам, и стегай ты приговаривай: что от конского поту змея пухла. Застегаешь ты его досмерти.*⁴³

. . . *Бяше престарѣлъ зѣло во днехъ своихъ* (Житие Антония Сийского, 1579 г., ДРС), где *бяше престарѣлъ* может быть воспринято как плюсквамперфект и как составное сказуемое.

И того дуба съ гранью не сыскано, а сысканъ пень ветчаной дубовый выгниль да яма, и въ томъ мѣстѣ поставленъ вновь столбъ дубовый (Известия Тамбовск. архивн. комис., 1662 г., ДРС). *Выгниль* можно рассматривать как глагол, образующий придаточное предложение с бессоюзным соединением, подобно тому, как Ф. И. Буслаев оценивает подчеркнутые слова во фразе *«и отъ того пня въ болото жъ на иву, вверху суковата, без верху»*.⁴⁴ Но здесь можно видеть и краткое причастие-прилагательное в аппозитивном употреблении. Ср. также *Чужой мужикъ милъ, да не съ нимъ жить, а свой постылъ волочится с нимъ* (Рукописный сборник пословиц XVII—XVIII вв., ДРС). В этом же документе от 1662 года встречается выражение, по которому можно проследить процесс образования зловсѣй причастий-прилагательных: . . . *а старожилецъ Евтюшка Бирюкъ указалъ выгнилой вязъ, знатно, что было дерево, да все выгнило и с кореньем*. Дерево выгнило, приобретенное им новое качество может рассматриваться как его абсолютный, вне времени признак, *выгнило* начинает ощущаться как прилагательное, отсюда возможное употребление *выгнило дерево* и затем — *выгнилое дерево (выгнилой вязъ)*. П. Я. Черных приводит такие примеры из «Уложения 1649 года»: *у кого въ вотчинѣ прибыло дворовъ крестьянскихъ и за то прибылое вотчинное строение . . . платить; а будеть гдѣ межъ и грани заросли и . . . къ тѣмъ зарослым межамъ и гранемъ послати дворянина добра, и велѣть подновити; тѣ ихъ вотчины отошли въ литовскую землю вмѣсто тѣхъ*

⁴³ Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 21.

⁴⁴ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 556.

отошлыхъ вотчинъ дати...⁴⁵ Ср. также в былине: *Ай жыла-пожыла да пожыла вдова.*⁴⁶

Таким образом, по нашему мнению, причастия-прилагательные типа *погиблый, онемелый* не являются сохранением общеславянского состояния, а возникли от эловых форм, входящих в состав грамматических времен. Их можно связывать с общеславянским эловым причастием лишь в том смысле, что они образованы от таких эловых причастий. Вполне возможно, что истоки формирования этого нового адъективного класса восходят еще к общеславянскому языку, от отдельных эловых форм могли возникать прилагательные еще в древнюю эпоху, ср. приводимые В. Вондраком старославянские формы *dgęchĭlъ, gnĭlъ, kuzĕlъ, zygĕlъ.*⁴⁷ Вполне определенная семантика большинства эловых причастий-прилагательных, зафиксированных в славянских языках, регулярность образования таких форм от определенных лексических групп глаголов делает возможным предположение о лексической обусловленности появления в славянских языках эловых причастий-прилагательных. Зародившись, очевидно, еще в поздний период общеславянского языка, этот способ образования слов оформлялся уже в отдельных славянских языках. Как уже отмечалось, в ранних памятниках эловые причастия-прилагательные встречаются очень редко, очевидно, этот способ становится продуктивным в более позднюю эпоху (приблизительно с XV—XVI вв.). О позднем развитии этого типа говорит и Н. И. Букатевиц.⁴⁸ Возникнув, как можно предполагать, на базе эловых форм инхоативных и статальных глаголов, исследуемый способ охватывал и отдельные глаголы других типов, как *взрослый, выбылый, езжалый* и т. д. Ф. И. Буслаев⁴⁹ и А. А. Потехня⁵⁰ приводят примеры подобного рода форм, например: *от синего камня от разсѣлого* (Ак. юр. под 1532 г.), диалектн. *вейся капуста вилая*. О потенциальной возможности образования элового прилагательного от глагола (даже пере-

⁴⁵ П. Я. Черных, *Язык Уложения 1649 года*. М., 1953, стр. 304.

⁴⁶ А. Д. Григорьев, *Архангельские былины и исторические песни*, т. III. 1910, стр. 135. Ср. необычное использование кратких эловых форм в качестве предикативных причастий в составном сказуемом, как бы восстанавливающее старое состояние, когда данная эловая форма могла трактоваться двояко: *Коричневый и цинаровый лес был так густ и заросл, что нельзя было видеть через него* (Л. Н. Толстой, *Казак*, пример взят из книги В. А. Трофимова «Современный русский литературный язык. Морфология», 1957, стр. 79); *Его признание Меня — в огонь подлило масл, Но был огонь уже угасл* (И. Северянин, *Колокола собора чувств*. Юрьев, 1925, стр. 17).

⁴⁷ W. Vondrak, указ. соч., стр. 566.

См. также A. Meillet, *Etudes sur l'Étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Seconde partie. Paris, 1961, стр. 412—414.

⁴⁸ Н. И. Букатевиц, *Главнейшие суффиксы прилагательных в древнерусском литературном языке* (Праці Одеського державного університету, т. 149. Серія філологічних наук, випуск 9, 1959), стр. 168.

⁴⁹ Ф. И. Буслаев, указ. соч., стр. 112.

⁵⁰ А. А. Потехня, указ. соч., стр. 234—235.

ходного) говорит такой пример: *Выписано из лечебника небывалова и кто читал не слышалова* (Рецепт чем лечится человеку похмельному, XVIII в. ДРС).

В работах, посвященных рассматриваемым проблемам на материале украинского и белорусского языков, также обращается внимание на позднее развитие этого адъективного типа. Так, Ю. Шерех в «*Participium universale im Slavischen*»⁵¹ (к сожалению, мне не удалось воспользоваться этой работой, сведения о ней взяты из статьи Ф. Копечного⁵² и рецензии Дж. Феррелла⁵³) считает развитие эловых причастий в украинском языке поздним явлением. В «Очерках по сравнительной грамматике восточнославянских языков» говорится: «Относительно ограниченное количество в украинском языке форм с суффиксом -л типа *посивілий, почорнілий, умерлий* свидетельствует о том, что они не относятся к продуктивному грамматическому классу слов и являются остаточным явлением в современном языке». ⁵⁴ Но ограниченность использования этого типа обусловлена его связью с глаголами определенной семантики, от любого приставочного инхоативного глагола в украинском языке возможно образование эловой формы. Сопоставление древнего материала с современным украинским не дает возможности оценивать это явление как «остаточное». Украинский язык, по сравнению с русским, шире использовал этот тип, что, в определенной мере, обусловлено системой причастий украинского языка.

Д. А. Леонченко, исследовавший историю причастий в белорусском языке, отмечает, что «уже в памятниках старинной белорусской письменности XVI—XVII ст. причастия с суффиксом -л были широко употребительными». ⁵⁵

Таким образом, как представляется, есть основания предполагать, что этот словообразовательный тип не связан непосредственно с эловым причастием общеславянского языка, которое в нечленной форме закрепилось в составе предиката. Эловые причастия-прилагательные — продукт независимого параллельного развития славянских языков.

5. Как уже говорилось, можно предположить, что именно инхоативные и стальные глаголы в их формах, которые образовали прошедшее время, явились базой формирования причастий-прилагательных на -*лый*. Инхоативные глаголы регулярно образуют эловые причастия-прилагательные (это станет особенно очевидным для русского языка, если будут учитываться диалектные факты, а также факты минувших эпох, ибо в ряде случаев вытеснение эловых причастий-прилагательных из лите-

⁵¹ Winnipeg, 1953.

⁵² «Přišedši, zahynuvši ...»

⁵³ Language, v. 30, 4, 1954.

⁵⁴ Одесса, 1958, стр. 213.

⁵⁵ Д. А. Леончанка, Гісторыя дзеяпрыметнікаў у беларускай мове (Минск, 1957, машинопись), стр. 155.

ратурного языка обуславливается конкуренцией грамматически регулярных, синонимичных эловым адъективам действительных причастий прошедшего времени на *-вший*, ср., например, *поседелый, завялый, замерзлый, опухлый* у Пушкина). Но два типа инхоативных глаголов, существующие в славянских языках, различны в плане образования эловых форм. В восточно-славянских, польском и чешском языках эловые формы регулярно образуются от приставочных инхоативных глаголов обоих типов (мы сейчас отвлекаемся от их грамматических функций и сферы их бытования). Любой приставочный инхоативный глагол в принципе допускает образование элового причастия-прилагательного. Но образование эловой формы от бесприставочного инхоатива зависит от принадлежности этого инхоатива к определенному типу. Инхоативные глаголы с суффиксом *-н-* в русском языке и в бесприставочном и в приставочном виде служат исходным материалом для образования эловых форм. Для приставочных инхоативов на *-н-* такое образование является обычным, особенно в диалектной лексике. «Почти от каждой основы непереходного глагола 4-го непродуктивного класса (т. е. от инхоативов на *-н-* — П. С.) областные словари отмечают разнообразные префиксальные прилагательные на *-л*»,⁵⁶ ср., например, приводимые в словаре В. И. Даля *заглохлый, пониклый, озяблый, погиблый, иссяклый, умолклый, передроглый, облипый, отерпый, нагрубый* и многие другие.

Несколько иначе обстоит дело с образованием эловых форм от бесприставочных инхоативов на *-н-*. Многие такие формы обычны в литературном языке, они порвали связь с глаголом и функционируют в качестве прилагательных, ср. *вялый, блеклый, брызглый, гиблый, мерзлый, пухлый, сиплый, тухлый, чахлый* и некоторые другие. В диалектной и устарелой лексике, в просторечии встречаются эловые образования, необычные с точки зрения литературного языка, ср., например, приводимые И. П. Чиркиной формы: *глохлый, мерклый, горклый, трухлый* (внесенное в ССРЛЯ, 15, 1063, с пометой «устар.»), *зяблый* (ССРЛЯ, 4, 1363 — «обл.»), *топый, выкый, сохлый* (ССРЛЯ, 14, 419 — «простореч.»), *терпый, скорузый*.⁵⁷ В единичных случаях эловая форма от бесприставочного инхоатива на *-н-* не засвидетельствована, не отмечены эловые прилагательные, соотносительные с глаголами *вязнуть, грубнуть, слепнуть, тихнуть*.

Украинский и белорусский языки в плане образования эловых форм от инхоативных глаголов на *-н-* ничем не отличаются от русского. Как и в русском, здесь наряду с регулярными эловыми формами от приставочных инхоативов, существуют многочисленные прилагательные на *-л* от инхоативов без приставки типа укр. *блеклий, брезклий, в'ялий, гірклиий, кислий, мерзлий*;

⁵⁶ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 107.

⁵⁷ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 100 и след.

белор. *бляклы, вялы, гіблы, драхлы, жоўклы* и т. д. Но и в украинском и в белорусском языках, где эловые формы от приставочных инхоативов могут выполнять функции и прилагательных и причастий, а эловые формы от бесприставочных инхоативов обычно выступают в роли прилагательных, нередко случаи меньшей употребительности, а то и отсутствия эловых форм, соотносительных с бесприставочными инхоативами на *-н-*. Так, в украинском языке (судя по словарю Б. Гринченко) не засвидетельствованы эловые формы *блідлий, вохлий, кляклий, мерклий*. В белорусском языке (судя по «Белорусско-русскому словарю» и «Словарю белорусского наречия» И. Носовича) не встречаются эловые формы *брыдлы, гаслы, глухлы, мяклы, ціхлы*. Сведения, касающиеся украинского и белорусского языков, могут быть в деталях неточными из-за отсутствия диалектных словарей этих языков, но в принципе, очевидно, можно сказать, что, как и в русском языке, образование в этих языках эловых прилагательных от бесприставочных инхоативов на *-н-* не обладает той регулярностью, которая присуща приставочным глаголам. Суммируя изложенные факты восточнославянских языков, можно, как представляется, сделать вывод: в этих языках встречаются приставочные эловые причастия-прилагательные от инхоативов на *-н-*, рядом с которыми нет соответствующих бесприставочных, но в этих языках не отмечены случаи, когда бы бесприставочной эловой форме от инхоатива на *-н-* не соответствовала бы приставочная.

Несоответствие между эловыми формами от приставочных и бесприставочных инхоативов на *-н-* становится еще более очевидным, если мы обратимся к фактам польского и чешского языков. В польском языке регулярно образуются причастия-прилагательные на *-t-* от приставочных инхоативов на *-n-* типа *paruchły, ogluchły, pawukły, okrzepły, wumokły*, (правда, эти формы в современном языке все больше вытесняются образованиями на — *-nięty*⁵⁸), но довольно редки их бесприставочные соответствия; ср. *nikły* — невзрачный (ср. *niknąć* — исчезать, становиться незаметным). Так многотомный «Słownik języka polskiego» Я. Карловича, А. Крыньского и В. Недзведзского⁵⁹ не приводит формы *bladły, blakły, brzekły, chudły, gasły, głuchły, krzepły, marzły, schły, ślepy*. В т. VII приводится *tęchły* = *stęchły* с пометой — мало употребит.⁶⁰ Возможно, что в планах историческом и диалектном соответствия между эловыми формами этих двух типов были несколько иными.

Сходные соотношения наблюдаются и в чешском языке. Эловые причастия-прилагательные обычны от приставочных ин-

⁵⁸ Н. Oesterreicher, *Imiesłów bierny w języku polskim*. Kraków, 1926, стр. 21.

⁵⁹ Warszawa, т. 1—1900...

⁶⁰ 1919 г., стр. 55.

хоативов на -н- и очень редки от бесприставочных. «Slovník jazyka českého»⁶¹ и «Slovník staročeský»⁶² не приводят такие бесприставочные эловые формы при имеющихся приставочных: *bledlý, haslý, hlouplý, hrublý, hustlý, křehlý, měklý*.

Инхоативные глаголы с суффиксом -е- дают эловые образования только в приставочной форме. На всем протяжении истории русского языка, в литературном языке и диалектах только приставочные инхоативы на -е- могли служить источником образования эловых форм. Если слова типа *поседелый, обветшалый, устарелый, обалделый, посинелый* обычны для русского языка, то эловые формы от бесприставочных инхоативов такого типа очень редки, и они явно вторичного происхождения. Рассмотрим засвидетельствованные примеры употребления бесприставочных эловых форм этого типа.

Худалый: *Да у насъ же, государь, въ сотнѣ худалыхъ и обнищалыхъ людей съ семдесятъ человекъ...* (Дополнения к актам историч. 1649 г., ДРС); *ветшалый* (словарь И. Нордстета); *плесневелый* (ССРЛЯ, 9, 1385); *деревяnelый* (Словарь Академии Наук, 1895); *мишалый* (ССРЛЯ, 6, 1409 с пометой «обл.»); старелый: *«А что, господинъ губернаторъ, сберите старичковъ, которые по старше, чья эта квартаера? Кто ей прежде был хозяйнъ?» Губернаторъ созвалъ всѣхъ старѣлыхъ людей* (Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым, СПб., 1884 — ДРС); тощалый: — обл. *«А вот откуда у меня, у такого тощалого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров, — сам не знаю»* — Шолохов, Судьба человека (ССРЛЯ, 15, 759). И. П. Чиркина приводит диалектные образования этого типа: *солodelый, коченелый, дулелый* (гнилой, «Смоленский областной словарь» В. Добровольского), *коржавелый* — сделавшийся шероховатым, жестким (Словарь 1847 года), *моделый* — истощенный, хилый (Даль) и некоторые другие.⁶³

Эловые причастия-прилагательные образуются только от приставочных (совершенного вида) инхоативов этого типа и в других славянских языках. Указания на это обычны в грамматиках соответствующих языков. Возможные единичные исключения (как в русском языке) не отрицают правила.

Закономерно поставить вопрос: почему два типа инхоативных глаголов так отличаются в образовании эловых причастий-прилагательных? Почему инхоативы на -н- дают образования и от приставочных, и от бесприставочных глаголов, а инхоативы на -е- только от приставочных?

И. П. Чиркина в своей диссертационной работе пишет: «При-

⁶¹ F. Travníček, Slovník jazyka českého. Praha, 1952.

⁶² J. Gebauer, Slovník staročeský, t. 1—1903. ...

⁶³ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 80—81.

лагательные на -л, входящие в состав продуктивной группы, образуются только от приставочных глаголов совершенного вида. Прилагательные непродуктивной группы могут образовываться как от основ глаголов совершенного вида, так и несовершенного, однако от первых они образуются значительно легче, благодаря устранению процессуального значения в основах глаголов совершенного вида». Дальше она объясняет причины такого различия: «Тот факт, что прилагательные на -л, входящие в состав непродуктивных групп, могут образовываться как от глаголов совершенного, так и от глаголов несовершенного вида, в то время как прилагательные продуктивной группы образуются только от глаголов совершенного вида, дает возможность предполагать, что прилагательные непродуктивных групп существовали уже в то время, когда только начинали складываться новые различия видового порядка, которые в современном русском языке принято называть различиями совершенного и несовершенного вида.»⁶⁴

Вряд ли можно отнести образование эловых причастий-прилагательных даже в их части, соотносительной с современными непродуктивными группами глаголов, к тому времени, когда закладывались основы современной видовой системы, т. е. к раннему общеславянскому периоду. Но если даже допустить, что определенные группы эловых причастий-прилагательных и существовали в древний (очевидно, дописьменный) период, предположение И. П. Чиркиной сомнительно по двум причинам.

1) Наиболее многочисленную группу среди глаголов непродуктивных типов, соотносительных с эловыми причастиями-прилагательными в современном языке, составляют инхоативы на -н-. Но в ранний исторический период славянских языков эти глаголы засвидетельствованы только в приставочной форме, бесприставочные инхоативы в памятниках раннего периода почти не встречаются, многие из них отмечены довольно поздно. Эти приставочные глаголы имеют всегда отчетливое значение совершенного вида. Можно, конечно, предположить, что глаголы типа *погибнути* в общеславянском (раннем) не имели значения совершенного вида, а выступали со значением предельности и что эловые причастия-прилагательные образовались от глаголов типа *гибнути-погибнути*. Но для этого необходимо доказать, что глаголы типа *гибнути*, *мързнути* действительно существовали в общеславянском языке, а во-вторых, предположить, что эловые формы от глаголов этого типа возникали в этот период. Но если первое возможно, хотя и спорно, то второе очень сомнительно. Выше отмечалось, что есть основания отнести возникновение типа эловых причастий-прилагательных к довольно позднему периоду раздельного существования славянских языков.

⁶⁴ И. П. Чиркина, указ. соч., стр. 133-134.

2) Единичные случаи употребления бесприставочных инхоативов на *-н-* в старших памятниках свидетельствуют об имперфективном характере этих глаголов, ср. *Азъ же съде гладѣмъ гыбну* (Остромирово ев., XI в., СМ, I, 618); *ови в члвцѣхъ макнуть, ови же жесточають* (Изборник 1073 г., СМ, II, 255). Исключение составляет лишь глагол *мъркнути* (*мр̋кнути*), который может выступать как глагол несовершенного и совершенного видов, что обусловлено, очевидно, его различным характером в древнерусском и старославянском языках: ср. *Абиеже по скръби дънии тѣхъ слънъце мр̋кнетъ, и лоуна не дасть свѣта своего, и звѣзды съпадутъ съ нбсе* (Остромирово ев., СМ, II, 631), но — *Дълго ночь мр̋кнетъ, заря свѣтъ запала* (Слово о полку Игореве); ср. в болгарском *мр̋кна се* — перфектив.

Можно предположить, что причина различного образования эловых форм от инхоативных глаголов заключается в другом. Регулярность эловых причастий-прилагательных, образованных от приставочных инхоативных глаголов обоих типов в славянских языках, дает возможность допустить, что именно этот тип эловых форм был первоначальным. Приставочные глаголы инхоативного способа действия в их формах прошедшего времени, глаголы совершенного вида, обозначали завершение перехода в какое-либо состояние, указывали, что процесс приобретения нового или утраты старого качества закончен. Именно приставочные глаголы в их формах прошедшего времени семантически сближаются с прилагательными, обозначающими постоянный, абсолютный признак предмета. Вряд ли возможно регулярное образование эловых причастий-прилагательных непосредственно от бесприставочных инхоативных глаголов, так как формы прошедшего времени этих глаголов обозначали протекание действия, процесс перехода в новое состояние. Эловые образования от приставочных инхоативных глаголов соотносимы в семантическом отношении с соответствующими приставочными причастиями на *-ший, -вший*: *посинелый* и *посиневший*, *оробелый* и *оробевший* обозначают одно и то же, но в первом слове каждой пары отсутствует временное значение. Эловые формы, соотносительные с бесприставочными инхоативами, не образуют семантический параллелизм с соответствующими причастиями на *-ший, -вший*. *Мерзлый, сиплый* не находятся в том же отношении к *мерзший, сипший*, как *посинелый* и *посиневший*. *Мерзлый, сиплый* обозначают постоянный признак, возникший после завершения какого-либо процесса, тогда как *мерзший, сипший* указывают на совершение, незаконченность этого процесса. Поэтому при истолковании какой-либо бесприставочной эловой формы обычно прибегают к приставочным причастиям. Ср. примеры из ССРЛЯ: *блеклый* — «лишенный свежести и яркости красок, выцветший, поблекший» (1, 503) *мерзлый* — «затвердевший от мороза, за-

мерзший» (6, 851); *сохлый* — «засохший, высохший» (14, 419); *тухлый* — «протухший, с дурным, резким запахом гниения, разложения» (15, 1170); и др. Такая семантическая соотносительность отчетливо проявляется, например, при сопоставлении русских и польских эловых образований от инхоативных глаголов на -н-: польское *stęchły* можно перевести не только словом «протухший», но и «тухлый», *zmarzły* — «замерзший» и «мерзлый», *zdęchły* — «сдохший» и «дохлый», *zwiędły* — «увядший» и «вялый», «блеклый» и т. д. Можно считать, что отрыв бесприставочной эловой формы типа *мерзлый, сиплый* от глагола, превращение ее в прилагательное устраняло фактор времени, и прилагательное становилось просто выразителем определенного признака. Но возможно и другое объяснение, и оно станет в какой-то мере вероятным, если мы свяжем историю бесприставочных эловых форм типа *мерзлый, сиплый* с судьбой бесприставочных инхоативов на -н-, от которых эти эловые формы образовались.

В старославянских, ранних древнерусских памятниках, как и в старших памятниках других славянских языков, широко представлены приставочные инхоативы с суффиксом -н- типа др. рус. *погаснути, погыбнути, замързнути, увянути, заглъхнути* и т. д., но соответствующие им бесприставочные инхоативы в древних памятниках, за единичными исключениями, не встречаются.⁶⁵ В то время, как глаголы *увянути, угаснути, оглъхнути, ослъпнути* отмечены в памятниках XI века, соответствующие им бесприставочные глаголы засвидетельствованы в значительно более позднее время: *вянуть* — впервые в «Лексиконе славяно-русском» Памвы Берынды (1627 г.), *гаснуть, глохнуть, слепнуть* встречаются впервые в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова (1704 г.). Причины отсутствия бесприставочных инхоативов на -н- в древний период неоднократно рассматривались в лингвистической литературе. К.-И. Ренгнелль⁶⁷ и И. Немец⁶⁸ считают, что более ранними по происхождению являются приставочные инхоативы типа *погыбнути*, а бесприставочные образовались от них путем отбрасывания выцветшей, плеонастической приставки. А. Достал думает, что некоторые из бесприставочных инхоативов на -н- существовали в древнюю эпоху, затем

⁶⁵ A. Meillet, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris, 1902, стр. 25.

A. Mazon, *Morphologie des aspects du verbe russe*. Paris, 1908, стр. 13.

E. Boehme, *Die Aktionen der verba simplicia in den altbulgarischen Sprachdenkmälern*. Leipzig, 1904, стр. 34.

A. Dostal, *Studie o vidovém systému v staroslověnině*. Praha, 1954, стр. 166.

⁶⁷ Carl Göran Regnell, *Über den Ursprung des slavischen Verbalaspekten*. Lund, 1944, стр. 79.

⁶⁸ Igor Němec, *Genese slovanského systému vidového (Rozpravy československé akademie věd, ročník 68, sešit 7)*. Praha, стр. 81 сл.

они были утрачены, а в более позднее время восстанавливались путем декомпозиции, т. е. путем отбрасывания приставки.⁶⁹ Ю. С. Маслов, хотя и полагает, что этот глагольный тип существовал в общеславянском языке, допускает для некоторых глаголов декомпозицию как средство их образования от приставочных глаголов.⁷⁰ В нашей статье «Имперфективные глаголы II класса в древнерусском языке»⁷¹ сделана попытка объяснить отсутствие бесприставочных глаголов на *-н-* в древнерусском языке стилистическими причинами: отсутствие таких глаголов в старославянском языке могло послужить сдерживающим фактором для их употребления в древнерусских памятниках, если такие глаголы существовали в древнерусском языке. Но, как указывалось в статье, такое объяснение не снимает вопроса о причинах отсутствия этих глаголов в памятниках старославянского языка. Для раннего периода древнерусского языка существование многих бесприставочных инхоативов на *-н-* тоже является спорным. Как бы ни решать вопрос о причинах отсутствия таких глаголов в древний период, сам этот факт заслуживает внимания. Декомпозиция играла определенную роль в образовании бесприставочных инхоативов на *-н-*, именно таким путем, очевидно, и мог возникнуть глагол *снуть* — с особым значением — «дóхнуть» (Словарь АН, 1794 г.; Словарь В. И. Даля, IV, 249 — «снуть» — о рыбе — умирать, издыхать»; ССРЛЯ, 13, 1513—1514). Ср. в польских говорах: *spać* — дóхнуть — *guby spać*.⁷²

Возможно, с помощью декомпозиции образовались и некоторые другие бесприставочные инхоативы на *-н-*.

Отсутствие бесприставочных инхоативов с суффиксом *-н-* в начале исторического периода, их относительно позднее отражение в письменности делает сомнительным предположение, что эловые формы типа *мерзлый, силый* возникли в этот период. Можно думать, что эловые формы этого типа возникли в относительно позднее время, когда от приставочных инхоативов на *-н-* путем декомпозиции возникали соответствующие бесприставочные. Но если учесть все изложенное выше, можно высказать другое предположение. Регулярность образования эловых форм от приставочных инхоативных глаголов обоих типов в славянских языках, значение заверщенного процесса, приобретенного качества, признака, которое присуще лишь формам совершенного вида, семантическая близость между приставочными и бесприставочными эловыми образованиями, а также факт отсутст-

⁶⁹ А. Dostal, указ. соч., стр. 305.

⁷⁰ Ю. С. Маслов, Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида (Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961, стр. 180).

⁷¹ Ученые записки Тартуского госуниверситета, Труды по русской и славянской филологии, VII, серия лингвистическая, 1965).

⁷² Н. Oesterreicher, указ. соч., стр. 21.

вия в древний период бесприставочных инхоативов на *-н-* дают возможность предположить следующее: первоначально эловые причастия-прилагательные возникали преимущественно от приставочных инхоативных глаголов обоих типов, эловые формы типа *мерзлый, сиплый* являются вторичными, более поздними, это результат декомпозиции, результат отбрасывания приставки. Проследить этот процесс в исторической перспективе по его отражению в памятниках раннего периода трудно, здесь встречаются и приставочные (*прокислый, погыблый, помьрклый*) и отдельные бесприставочные формы (*топый*), но факторы, изложенные выше, и соотношение приставочных и бесприставочных эловых образований от инхоативных глаголов (основной глагольный разряд, послуживший базой формирования элового адъективного типа) делают такой путь вероятным. Приставочная эловая форма типа *погыбый, замерзый*, отрываясь от глагольной сферы, возможно, утрачивала плеонастическую, выцветшую приставку, которая не привносила в слово никакого смыслового оттенка, кроме значения завершения процесса, который происходил. Слово *погыбый*, например, и сейчас может выступать в значении «гибый», ср., например, *Идешь с Аггеем на погыблое дело...* (Л. Леонов, ВОР, ССРЛЯ, 10, 165—166), где *погыблое дело* равняется *гиблое дело*. Нам встретился случай опущения части приставки (если это не описка) в слове *обыкый*: *отъ быкыхъ ихъ басурманскихъ набѣговъ, какъ въ наши цар(скаго) вел(ичеств)ва, такъ и въ иные постороніе государства охранять и отъ поганскихъ ихъ загоновъ отвращагъ* (Пам. дипл. сношений с папским двором, 1688, ДРС). Ф. Травничек⁷³ указывает, что *sedlý* образовано из *ssedlý*, здесь, конечно, не опущение, а стяжение. Эти примеры не являются доказательствами изложенной выше гипотезы. Более удовлетворительным доводом являются прилагательные типа *худалый, плесневелый, тощальный*, которые, как можно думать, представляют собой результат отметания выцветшей приставки, т. е., очевидно, *худалый* образовалось из *исхудалый, захудалый*; *плесневелый* из *заплесневелый, тощальный* из *отощальный*. Об этом говорит и семантика бесприставочных прилагательных, и единичность слов такого типа в ряду регулярных приставочных прилагательных типа *обалделый, посинелый, обветшалый* и т. д. Именно исходя из приставочных и бесприставочных прилагательных на *-ый*, образованных от инхоативных глаголов на *-еть, -ать* (после шипящих), можно сделать вывод, что более ранним был приставочный тип, более поздним — тип бесприставочный. Это предположение, как представляется, можно распространить и на эловые формы, образованные от инхоативных глаголов с суффиксом *-н-*. Класс инхоативов на *-н-* (может быть, первоначально только приставочных) сформировался еще в общеславянском языке, в

⁷³ Slovník jazyka českého, стр. 1381.

историческую эпоху развития русского языка он стал непродуктивным. Инхоативы с суффиксом *-e-* (из *ě*), хотя и существовали в общеславянском языке, получили особое развитие уже в отдельных славянских языках, многие из них возникли довольно поздно. Этими причинами, возможно, обусловлен тот факт, что именно эловые образования от инхоативов на *-н-*, возникшие в большинстве своем в более раннюю эпоху, могли утрачивать приставку, тогда как эловые образования от инхоативов на *-e-*, многие из которых (эловых образований) возникли относительно поздно (первые достоверные факты относятся лишь к XIII—XIV вв.), значительно в меньшей мере оказываются склонными к декомпозиции. Эловые образования, утратившие приставку, порывали связь с глаголом, лексикализировались, превращались в прилагательные, тогда как эловые формы с приставками, особенно с лексическими приставками, находились в сфере глагольного притяжения и могли выполнять как функции прилагательных, так и функций причастий.

б. Остановимся вкратце на функционировании эловых форм в восточнославянских языках. Уже А. А. Потенбя обратил внимание на то, что бесприставочные эловые формы обычно утрачивают связь с соотносительными глаголами, тогда как наличие приставки в эловой форме препятствует лексикализации этой формы, поддерживает ее связь с глаголом.⁷⁴ Особенно легко в русском языке разрывают семантическую связь с производящим глаголом эловые формы, образованные не от инхоативов. Отсутствие регулярности таких эловых образований, спорадичность их возникновения способствуют их отрыву от глагольной семантики, ср., например, историю таких слов, как *пошлый*, *дошлый*, *рослый* и т. д. В меньшей мере такой разрыв семантической связи наблюдается у бесприставочных эловых форм, образованных от инхоативов типа *мерзлый*, *сиплый*, и, наконец, он совсем незначителен у приставочных эловых форм, образованных от инхоативных глаголов. В современном литературном языке члены пар типа *позеленелый* — *позеленевший*, *подмерзлый* — *подмерзший* немногим отличаются один от другого, различие чаще всего определяется как стилистическое. Эловые формы получили особое распространение в диалектах. Это в какой-то мере обусловлено отсутствием в русских диалектах действительных причастий прошедшего времени, и развитие эловых форм частично заполняло существующую пустоту. Этим объясняется тот факт, неоднократно отмеченный исследователями,⁷⁵ что в произведениях XVI—XVIII веков, иногда и у писателей XIX века встречаются эловые формы (обычно приставочные), которые выполняют причастные функции и впоследствии вытесняются обычными причастиями. Возможность такого употребле-

⁷⁴ А. А. Потенбя, указ. соч., стр. 238.

⁷⁵ П. Я. Черных, указ. соч., стр. 303—304.

ния была вызвана ненормированностью книжного, письменного языка, широким проникновением просторечия. Ср. некоторые примеры из нашего материала: ... *кровля, которую съ церкви упалою главою разломано* (Материал для истории Москвы, XVII—XVIII вв., ДРС); *свислое с горы мѣсто зѣло худѣ укрѣплять* ... (Вобан, Истинный способ укрепления городов, 1724 г., ДРС) и т. д. Впоследствии, с закреплением норм литературного языка, такие слова, если они не лексикализировались, постепенно вытеснялись. При этом слова, находившиеся на периферии образования эловых форм, совпадавшие полностью с причастиями на *-вший, -ший*, совсем вытеснялись из книжного языка, сохраняясь лишь в диалектном употреблении (слова типа *упалый, отеклый*). Эловые образования типа *померзлый, помертвелый*, бывшие регулярными образованиями соответствующих глаголов, имеющие значение приобретенного признака, оттеснялись в разряд устарелых, просторечных, областных, они могли приобретать и права литературного гражданства, благодаря своему значению вневременного признака, который в них особенно ощутим при сопоставлении с причастиями на *-вший*, хотя они иногда и взаимозаменяемы: причастия на *-вший, -ший* типа *увядший, помертвевший* могут адъективироваться, а прилагательные на *-лый* могут выступать в функции, близкой к причастной, ср., например, *В наглухо запертых броневых мышелоках мечутся ... обезумелые люди* (Б. Лавренев, Ветер, ССРЛЯ, 8, 87).

В украинском и белорусском языках положение этих форм иное. Украинский язык (и литературный, и диалектный) вообще не знает причастий на *-ший, -вший*. В белорусском литературном языке этот причастный тип существует, но его нет в диалектах. Для белорусского литературного языка это, очевидно, новое явление, так как «такие формы не встречаются в грамотах, актах, уставах, в деловой переписке XIV—XVII столетий. Это говорит о том, что они не были присущи живому народному языку того времени».⁷⁶ Поэтому в украинском и белорусском языках эловые образования, соответствующие русским типам *померзлый, помертвелый*, имеют литературные права, они выступают в двух функциях: как прилагательные и как причастия. Формы типа *зів'ялий, посивілий* в украинском языке частично компенсируют отсутствие причастного типа на *-вший*, и только их нерегулярность, т. е. способность образовываться лишь от глаголов с определенным значением, препятствует тому, чтобы они считались действительными причастиями прошедшего времени.

7. Подведем итоги. Как представляется, нет оснований считать, что эловые формы имели регулярные членные образования

⁷⁶ Д. А. Ляончанка, указ. соч., стр. 138.

в общеславянском языке. Позднее развитие этого типа (членные эловые формы) в славянских языках, связь подавляющего большинства эловых причастий-прилагательных с глаголами инхоативной и статальной базы — все это дает возможность предположить, что эловые причастия-прилагательные формировались в отдельных славянских языках параллельным путем. Не решая вопроса о сущности образования на -лъ в общеславянском языке до его вхождения в состав предиката, заметим лишь, что если склоняемость таких образований возможна, то членность их весьма сомнительна. Можно отметить такие стадии в развитии эловых форм:

1) эловая форма (нечленная) до ее вхождения в состав предиката (об этой стадии мы знаем очень мало, отсюда и разноречивые мнения); можно предположить, что эловая форма изменялась по падежам;

2) эловая форма (нечленная), входящая в состав предиката, образующая перифрастическое сказуемое, где первой частью является спрягаемый глагол быть, а второй — эловое образование; эловое образование утрачивает склонение;

3) эловая форма (нечленная) является составной частью грамматического времени; эти три стадии относятся к общеславянскому языку;

4) эловая форма является составной частью грамматического времени, а затем выступает как универсальный выразитель прошедшего времени в отдельных славянских языках; эловые формы определенных лексических групп глаголов становятся базой образования эловых причастий-прилагательных.

Таким образом, часть эловых форм, превратившись в позднее время в именные образования, как бы возвращается к исходному общеславянскому состоянию. Это и дает повод некоторым исследователям предполагать, что нынешние формы типа *усталый* являются сохранением общеславянских членных образований. Выделившись из форм прошедшего времени глаголов со значением приобретенного признака, слова на *-лый* становятся впоследствии самостоятельным типом образования причастий-прилагательных.

Эловые причастия-прилагательные регулярно образуются от приставочных глаголов инхоативной базы. Именно эти глаголы, как можно предполагать, были отправным пунктом образования нового адъективного типа. Эловые формы от глаголов других типов нерегулярны и лежат на периферии возникновения анализируемых адъективов. Их появление в определенной мере было обусловлено отсутствием действительных причастий прошедшего времени (в русских говорах, в украинском и чешском языках). Образования типа *мерзлый*, *плесневелый*, очевидно, являются вторичными, это результат декомпозиции.

Принятые сокращения:

1. В — А. Х. Востоков, Словарь церковнославянского языка. СПб., т. I — 1858, т. II — 1861.
2. Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.
3. ДРС — Картотека словаря древнерусского языка Института русского языка АН СССР.
4. М — F. Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Vindobonae, 1862—1865.
5. СМ — И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
6. ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, изд. АН СССР. М—Л., 1950—1965.
7. У — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.
8. ЭС — А. Г. Преображенский, Этимологический словарь русского языка. М., 1958.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С АТРИБУТИВНОЙ ЗАВИСИМОЙ ЧАСТЬЮ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Гурьева

В лингвистических работах последних лет неоднократно отмечалось, что ряд проблем старославянского языка, особенно его синтаксиса, изучен еще недостаточно.¹ Важность же изучения старославянского синтаксиса определяется тем, что мы находим в нем немало характерных особенностей, отражающих древнейшие черты синтаксического строя славянских языков. Это дает нам возможность глубже и всестороннее исследовать проблему возникновения и развития средств синтаксической связи, выяснить становление гипотаксиса и тем самым полнее осветить многие вопросы исторического синтаксиса славянских языков.

Однако, как справедливо замечает Й. Курц,² исследуя синтаксис старославянского языка, необходимо прежде всего проникнуть в мир представлений носителей этого языка, а не вносить в него свою современную точку зрения, так как этот язык был создан при обстоятельствах и условиях, совершенно отличных от наших. Я. Бауэр³ также считает, что мы должны стремиться понять состояние синтаксической структуры в отдельные эпохи языкового развития, а не искать, как отношения, обычные в современном языке, выражались в прошлом. Аналогичную точку зрения высказывает и А. Г. Руднев.⁴ Он говорит, что к исследованию старославянского синтаксиса следует под-

¹ Ср., например, Р. М. Цейтлин, Вопросы изучения старославянского языка на IV Международном съезде славистов. «Вопросы языкознания», 1959, № 2, стр. 158.

² J. Kurz, Problematika zkoumání syntaxe staroslověnského jazyka a nástin rozboru významu částic i, a apod. v konstrukcích participiálních vazeb s určitými slovesy. Sb. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků». Praha, 1958, s. 92.

³ J. Bauer, Staročeská věta a staročeské souvětí na základě srovnávacím. Sb. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků», стр. 123.

⁴ А. Г. Руднев, К вопросам изучения синтаксиса славянских языков. Сб. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků», стр. 129.

ходить прежде всего с позиций самого старославянского языка, внутренних закономерностей его развития.⁵

Полностью соглашаясь с мнением исследователей, указывающих на специфичность подхода к изучению синтаксических явлений старославянского языка, мы предпочитаем не переносить современную терминологию сложного предложения на исследуемый материал. В тех случаях, когда внутренняя зависимость частей сложного предложения не соответствует современным отношениям внутри той или иной конструкции, мы будем пользоваться терминами «главная» и «зависимая» часть. Когда же отношения между частями сложного предложения принимают такой вид зависимости, который можно сопоставить с современным языком, мы обращаемся к терминам «главное» и «придаточное» предложение. Однако и эти термины по отношению к сложному предложению условны, поскольку даже в современном русском языке, по мнению Н. С. Поспелова, «ни одна из частей сложного предложения не только сложноподчиненного, но и сложносочиненного не является предложением, которое имело бы всегда интонационную и смысловую законченность».⁶

Еще в большей степени это замечание применимо к анализируемому периоду, так как части сложной конструкции «были не одинаковы в разные эпохи развития грамматического строя языка: в более древнюю эпоху они были близки к отдельным самостоятельным отрезкам речи или предложениям, впоследствии же они объединились в сложное предложение, в котором постепенно вырабатываются грамматические средства выражения подчинительной связи между частями сложной конструкции».⁷

Подчинение в старославянском языке было в общем достаточно развито и широко представлено; синтаксис анализируемых памятников обладает весьма разнообразной системой сложноподчиненных предложений, хотя по многообразию выражаемых отношений, четкости значений союзов, степени употребительности отдельных видов они во многом уступают конструкциям современных славянских языков.

В данной статье анализируется один тип предложений в старославянском языке, а именно: предложения с атрибутивной зависимой частью.

⁵ Ср. также замечание Т. Сокольской о том, что к древним примерам надо подходить очень осторожно, так как существует «опасность логизирования с нашей стороны, опасность подхода к историческому материалу с меркой нашего современного, совершенно иного мышления». (Т. Сокольская, Сложноподчиненное предложение в немецком языке. В кн. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении». М.—Л., 1935, стр. 154).

⁶ Н. С. Поспелов, О различиях в структуре сложноподчиненного предложения. Сб. «Исследования по синтаксису русского литературного языка». М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 48.

⁷ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. Труды Института языкознания, т. V, 1954, стр. 141.

В исследуемом материале наиболее употребительны относительные конструкции с союзными словами, возникшими из указательных местоимений. Они различаются как по степени оформленности относительной связи, так и по способам ее выражения. Это дает богатый материал для того, чтобы проследить возникновение относительных конструкций и в известной мере историю их развития. Недаром эта проблема уже давно стала предметом пристального внимания многих ученых.

Развитию относительного подчинения посвящено специальное исследование Ф. Е. Корша,⁸ в котором высказан ряд общих соображений о генезисе относительных конструкций. В последние годы появилось несколько работ, где данный вопрос исследуется на материале русского языка XIII—XVIII вв. Относительные конструкции со склоняемыми словами в древнерусских письменных памятниках XIII—XVII вв. с привлечением диалектных фактов подробно рассматривает А. И. Сумкина.⁹ Разнообразные способы и средства выражения определительных отношений в древнерусском языке описаны также А. Н. Стеценко.¹⁰ Относительные конструкции с союзными словами, возникшими из вопросительных местоимений, по данным памятников русской письменности XVI века обстоятельно освещены Г. А. Качевской.¹¹ Указанные конструкции в произведениях XVII—XVIII вв. исследованы в работах Н. А. Широковой,¹² Г. Н. Акимовой,¹³ М. Н. Вьюковой.¹⁴ Особенно много интересных и ценных замечаний о развитии придаточных определительных предложений в русском языке можно найти в работах В. Н. Мигриной.¹⁵

⁸ Ф. Е. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877.

⁹ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв.

¹⁰ А. Н. Стеценко, Определительные придаточные предложения в древнерусском языке. Ученые записки Томского государственного пединститута, т. XVII, 1958.

¹¹ Г. А. Качевская, К истории сложноподчиненного предложения с придаточным определительным. Труды Института языкознания, т. V, 1954.

¹² Н. А. Широкова, Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6, 1952.

¹³ Г. Н. Акимова, Относительное подчинение в научной прозе М. В. Ломоносова. Канд. дисс. Л., 1955.

¹⁴ М. Н. Вьюкова, Относительные предложения с союзным словом «который» в литературном языке XVIII в. Ученые записки Томского государственного университета, вып. 30, 1958; Ее же, Относительные предложения с союзными словами «кой», «какой» и др. в русском литературном языке XVIII века. Ученые записки Томского государственного пединститута, т. XVII, 1958.

¹⁵ В. Н. Мигрин, Эволюция придаточного и различные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке. Автореферат докт. дисс., Симферополь, 1955; Его же, Происхождение придаточных определительных предложений в русском языке. «Филологические науки», 1963, № 4.

В ряде исследований рассматривается относительное подчинение в современном русском языке.¹⁶

Если все вышеперечисленные работы были написаны на материале памятников русской письменности, то в данном исследовании сделана попытка показать постепенный процесс грамматического оформления относительной связи и рассмотреть различные конструкции с грамматически выраженным относительным подчинением в старославянском языке. Фактическим материалом для этого послужили два крупнейших старославянских памятника «Маринское четвероевангелие» и «Остромирово евангелие».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПОСТПОЗИЦИЕЙ ЗАВИСИМОЙ ЧАСТИ

Среди предложений с атрибутивной зависимой частью в памятниках старославянского языка чаще всего встречаются предложения с постпозицией зависимой части. Для выражения связи между частями сложного предложения используются относительные местоимения **иже**, **яже**, **еже** в формах различных падежей всех чисел. Эти местоимения, по мнению А. Мейе, этимологически родственны соответствующим относительным местоимениям других индоевропейских языков.¹⁷

Ф. Е. Корш полагал, что относительные предложения, начинающиеся местоимениями **иже**, **яже**, **еже**, представляют собой явление более древнее, так как «подчиненное предложение с личным или указательным местоимением (или наречием) в главе по самой своей сущности должно было первоначально следовать за главным, а не предшествовать ему; последнее возможно лишь в тех языках, в которых относительное построение сложилось окончательно и укрепилось в сознании народа».¹⁸ Аналогичной точки зрения придерживаются и советские лингвисты А. И. Сумкина,¹⁹ Р. В. Алимпиева,²⁰ В. Н. Мигирин²¹ и некоторые другие. Они также считают, что относительные предложения с указательными по происхождению местоимениями

¹⁶ См., например, М. А. Мкртычева, Определительные придаточные предложения в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1953; Н. М. Меделец, Определительные придаточные предложения и причастные обороты, как синтаксические синонимы. Канд. дисс. Л., 1953.

¹⁷ А. Мейе, Общеславянский язык. М., 1951, стр. 351—352.

¹⁸ Ф. Е. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, стр. 24.

¹⁹ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., стр. 171.

²⁰ Р. В. Алимпиева, Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи. Автореферат канд. дисс. Куйбышев, 1953, стр. 9.

²¹ В. Н. Мигирин, Происхождение придаточных определительных предложений в русском языке. стр. 81.

возникают раньше, чем предложения с препозитивной зависимой частью.

Противоположную точку зрения высказывает А. А. Потебня, считавший все препозитивные придаточные более древним типом сравнительно с постпозитивными. Первоначальный порядок подчиненного и главного предложений он ставил в зависимость от того, в какой последовательности воспринимались явления, обозначаемые тем или иным предложением. Постановку подчиненного предложения перед главным он объяснял тем, что «содержание придаточного, по времени восприятия, предшествует содержанию главного». ²² Полемизируя с Потебней, В. В. Назаретский пишет: «Препозиция придаточной части в процессе формирования сложноподчиненного предложения из слияния вопросительного и ответного предложений вполне естественна и логически объяснима при использовании в качестве союзных слов местоимений вопросительных. Но значительно труднее объяснить изначальную препозицию придаточной части в построении сложноподчиненного предложения с указательными местоимениями в роли средств союзного подчинения». ²³

Исследуемый материал старославянских памятников подтверждает точку зрения, высказанную Коршем. О большей древности относительных предложений, начинающихся местоимениями **иже**, **яже**, **еже**, свидетельствует не только то, что конструкции с постпозитивной зависимой частью значительно преобладают над препозитивными, но также и условия появления соотносительного слова в этих предложениях.

Переходим к рассмотрению относительных конструкций с постпозицией зависимой части.

Анализируемый материал позволяет выделить прежде всего такой тип конструкций, в котором союзные слова **иже**, **яже**, **еже**, вероятно, еще нерасчлененно сочетают в себе значение указательного и относительного местоимений. Главной особенностью этих конструкций является то, что в независимой части отсутствует определяемое слово. Возможность сочетания в данных местоимениях значений указательности и относительности отмечал и Ф. Е. Корш, когда рассматривал вопрос о том, каким образом указательные местоимения получили смысл относительных. По его мнению, причиной перехода от коренного значения к производному послужило их употребление в роли анафорических местоимений, т. е. таких, указание которых относится уже не к видимым, а только упомянутым предметам. Такое «указание требует непременно двух предложений: в первом называ-

²² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 342.

²³ В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в русском языке. Ученые записки Череповецкого пединститута, т. I, 1958, стр. 191—192.

ется самый предмет, во втором высказывается относящаяся к нему второстепенная мысль, причем стоящее во главе его анафорическое местоимение показывает тождество предметов речи в обоих предложениях...»²⁴ Таким образом, наряду с указательным значением местоимение приобретает функцию союзного слова, служащего для связи двух предложений. При этом, как указывает В. Н. Мигирин, относительность местоимений **иже**, **яже**, **еже** развилась непосредственно на основе указательности; она не вытесняет указательность, а только наслаивается на нее.²⁵

Конструкции без определяемого слова в главной части

В исследуемых памятниках конструкции без определяемого слова по своей структуре весьма неоднородны.

1. а) Среди них в первую очередь необходимо выделить конструкции, в которых местоимения **иже**, **яже**, **еже** стоят в том же падеже, в котором должно было бы находиться определяемое слово в главной части.

Относительное местоимение в форме именительного падежа. отвьѣщавъ ись рече имъ. шедъше възвѣстите иоанови. слѣпии прозирають са и глоусии слышать. мрътвии вѣстаюгъ и ништии благовѣстоуютъ. и блаженъ есть **иже** не съблазнить са о мьнѣ (Мар. 34, Остр. 267).

Местоимение **иже**, будучи по происхождению указательным, по всей видимости, сочетает в себе в данном случае не только относительное, но и указательное значение, так как оно, с одной стороны, связывает вторую часть этой конструкции с первой, т. е. выполняет функцию союзного слова, и, с другой стороны, служит для указания на упомянутое в первой части лицо (предмет). Но обе эти функции находятся в нем еще в нерасчленном виде. Все сказанное можно представить в виде следующей схемы:

блаженъ есть **иже** (= тот, который) не съблазнить са о мьнѣ.

Таким образом, на старое указательное значение этого местоимения наслаивается еще значение относительное, и в какой-то период развития относительных конструкций оба значения сосуществуют нерасчленно. Отсутствие определяемого слова в главной части, несомненно, способствует нерасчлененности местоимения **иже**. Эта нерасчлененность союзного и соотносительного слова не позволяет четко разделить данную конструк-

²⁴ Ф. Е. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, стр. 22.

²⁵ В. Н. Мигирин, Происхождение придаточных определительных предложений в русском языке, стр. 88.

цию на главное и придаточное предложение. Примечательно, что Ф. Е. Корш, рассматривая подобного рода конструкции в индоевропейских языках, писал: «Первоначально такое соединение должно было исключать всякую мысль о какой бы то ни было меже: оба рассуждения составляли «плоть едину». ²⁶ И далее: «Само собой разумеется, что такой способ соединения мог возникнуть только при совершенном тождестве общего члена двух суждений, т. е. между прочим при одинаковости падежа». ²⁷ (разрядка наша — Е. Г.) Случай же отклонения от последнего условия Ф. Е. Корш объяснял «ложной аналогией, возникшей тогда, когда истинное происхождение этого оборота было забыто». ²⁸

Конструкции подобного типа вероятнее всего представляют собой один из ранних этапов развития подчинительных связей, когда части сложноподчиненного предложения (главная и придаточная) еще недостаточно выделились и грамматически оформились. Вследствие этого логическую взаимосвязь частей сложного предложения можно понимать как отношения определяемого и определяющего в широком смысле: блажен есть (кто?) иже не соблазнится обо мне.

Эти рассуждения можно подтвердить и рядом других аналогичных примеров:

Слышавъ же единъ отъ възлежаштиихъ съ нимъ си рече емоу. блаженъ **иже** сънѣсть обѣдъ въ црствии бжии (Мар. 264).

иде же члвкъ и повѣ(дѣ) иудеомъ. ꙗко ис. есть **иже** и сътвори цѣла (Мар. 331, Остр. 24).

и блажена **ѣже** вѣру ать. ꙗко будетъ съврѣшение гланымъ отъ ги (Мар. 193, Остр. 217).

дхъ есть **иже** живлѣать. отъ плѣти нѣ польза никое**аже** (Мар. 341, Остр. 24).

въскланъ же са исъ рече еи. жено кѣде **суть иже** на та вайдаху (Мар. 347).

онъ же рече имъ аминь **глю** вамъ. ꙗко никтоже есть. **иже** оставитъ домъ ли родителя. ли братрию ли жену. ли чада. црствиѣ бжие ради. **иже** не восприметь множицею въ врѣмсе. и въ вѣкъ градуштии животъ вѣчны (Мар. 282).

и призвавъ весь народъ глаше имъ послушайте мене вси и разоумѣвате. ничтоже есть **еже** отъ вьнѣждоу члвка.

²⁶ Ф. Е. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, стр. 45.

²⁷ Там же, стр. 46.

²⁸ Там же.

въхода во нь можетъ оскврѣнити и нь исхождаштаа из него та суть скрѣндаштаа члка (Мар. 141—142).

исъ же рече не браните моу. никтоже бо есть иже сътворитъ силу о имени моемъ. ꙗ възможетъ въскорѣ зълословити ма (Мар. 152, Остр. 249).

ꙗ рече исъ. кто есть коснувы са мнѣ. отъметаю штемъ же са въсѣмъ. рече петръ и иже съ нимъ бѣаху (Мар. 232, Остр. 101).

ꙗ ть глаше имъ. нѣсте ли николиже чѣли. что сътвори давдъ егда трѣбова. ꙗ възалъка самъ и иже бѣаху съ нимъ (Мар. 123, Остр. 93).

Последние два примера несколько отличаются от предыдущих тем, что вторая часть предложения подразумевает сказуемое во множественном числе:

рече петръ и (рѣша) иже съ нимъ бѣаху; ... възалка самъ и (възалкаша) иже бѣаху съ нимъ.

Пропущенное сказуемое легко восстанавливается, так как по значению оно совпадает со сказуемым первой части.

Кроме того, интересно отметить, что в другом месте евангелия во втором примере на месте придаточного предложения стоит причастие с зависимыми от него словами:

нѣсте ли чѣли что сътвори двдъ егда възалка самъ. ꙗ сущи съ нимъ (Мар. 37).

Как известно, А. А. Потемня считал одним из путей возникновения сложноподчиненного предложения — появление определительного придаточного на месте древних причастий с относящимися к ним словами.²⁹ На хронологически однотипном материале старославянского языка можно проследить все стадии развития данного вида предложения. Приведенный пример с относительным местоимением иже представляет собой переходную ступень в становлении придаточных предложений.

Относительное местоимение может стоять в косвенных падежах, чаще всего в винительном.

и обратъ са къ оученикомъ единѣмъ рече. блаженѣ очи видашети ѣже видите. глю бо вамъ ѣко мнози пророци и цре възхотѣша. видѣти ѣже слышасте и не слыша(ста)ша (Мар. 243).

не о всѣхъ васъ глю. азъ бо вѣмъ юже избѣрахъ (Мар. 372).

²⁹ А. А. Потемня, Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 187--188.

что же ма зовете ги ги а не творите **ѣже** глѹ (Мар. 219).
рече же петръ члвче не вѣмь **еже** глглеши (Мар. 301, Остр. 294).

фарисѣи же видѣвъше рѣша емоу се оученици твои творатъ **егоже** не достоинъ творити в соботы (Мар. 37).

Пилать же паки отъвѣштавъ рече имъ. что оубо хоштеге сътворю **егоже** глете царѣ иудейска (Мар. 179—180).

І възиде на гору и призъва **Аже** самъ хотѣ (Мар. 124).

гла емоу оустъ твоихъ сужду ти зѣлы рабе. вѣдѣаше **ѣко** азъ члвкъ ѣръ есмъ. въземла **егоже** не положихъ і жьна **егоже** не сѣхъ (Мар. 285).

В приведенных примерах относительное местоимение, стоящее в косвенном падеже, так же, как и в предыдущих конструкциях, объединяет в себе значения соотносительного и союзного слова.

б) Кроме рассмотренных конструкций, встречаются такие, в которых падеж относительного местоимения не совпадает с падежом соотносительного слова, не названного в предложении. Падеж относительного местоимения зависит от его роли в зависимой части предложения — оно может быть и главным и второстепенным членом. Данные конструкции представлены незначительным количеством примеров.

рече же и другьи иду по тебѣ ги. древле же повели им отъвѣщати са **иже** суть въ домоу моему (Остр. 104, Мар. 240).

В этом примере относительное местоимение **иже** также объединяет в себе значения соотносительного (с теми) и союзного слова (которые). Однако, в отличие от конструкций предыдущего типа, местоимение **иже** сочетает в себе значения различных падежей указательного местоимения и союзного слова.

То же самое можно сказать и о следующих примерах: вы клани-аг-ете са **еже** не вѣсте мы клани-аг-емъ са **еже** вѣмь і-ако спсени-е отъ иудеи і-есть (Остр. 31, Мар. 327).

и вѣставъша въ тѣ часъ. вѣвратисте са въ иероусалимъ. и обрѣтоста съвѣкоупльшася і-единого на десате. и **иже** бѣаху съ ними. глѹща вѣистину вѣста хъ (Остр. 5, Мар. 310—311).

отъвѣшта имъ иоанъ гла. азъ крщю въ водѣ. по срѣдѣ же вась стоить. **егоже** вы не вѣсте (Мар. 316, Остр. 3—4).

глааху же едини отъ иероусалимлънъ. не съ ли естъ **егоже** иштутъ оубити (Мар. 344, Остр. 26—27).

иоанъ съвѣдѣтельствова о немъ. и възъва гла. съ бѣ і-егоже рѣхъ. градьи по мнѣ. прѣдъ мнѹю бысть (Остр. 3, Мар. 315).

сь есть **о немъже** писано есть. се азъ посылаю англъ мой прѣдъ лицемъ твоимъ... (Мар. 223, Остр. 267).

сь есть **о немъже** азъ рѣхъ. по мнѣ градеть мужъ. иже прѣдъ мною бы. ѣко прѣвѣи мене бѣ (Мар. 316, Остр. 3).

поману же семоу симонъ петръ. въпросити кто оубо есть **о немъже** глеть (Мар. 373).

Эти конструкции также нельзя четко разделить на главное и придаточное предложение, так как относительное местоимение сочетает в себе в нерасчленном виде значение указательного местоимения и союзного слова.

Аналогичная картина наблюдается и в древнерусском языке, где также не было четкого разграничения между коррелятами и относительными местоимениями. Из-за неразграниченности употребления указательных и относительных местоимений зачастую трудно провести грань между сочинительными и подчинительными связями.³⁰

Конструкции рассматриваемого типа для нас представляют интерес в том отношении, что именно в них, по всей вероятности, и создавались условия для появления соотносительного слова. Одной из причин расчленения относительного местоимения могло быть его логическое несоответствие падежу определяемого слова.

в) Среди анализируемых предложений можно выделить такие, в главной части которых нет определяемого слова, но в зависимой части находится имя, с которым полностью согласуется относительное местоимение. Например:

се будеши мльча и не могы проглаголати. **до негоже** дьне будеть се (Мар. 191, Остр. 279).

се же есть вѣчныи животъ. да знаютъ тебе единого истиннаго ба. и **егоже** посъла исха (Мар. 384, Остр. 174).

не мните ѣко азъ на вы реку къ отцоу. есть **иже** на вы глтъ **моси**. на негоже вы оуповасте (Мар. 335, Остр. 15).

В приведенных примерах в зависимой части стоят имена существительные **дьне**, **исха**, **моси**, с которыми согласуются в роде, числе и падеже относительные местоимения. А. И. Сумкина, анализируя подобные предложения в памятниках древнерусского языка, считает их «отражением той ступени развития грамматического строя русского языка, когда относительная связь в нем еще полностью не оформилась».³¹

Здесь так же, как в предыдущих предложениях, местоимения **до негоже** и др. сочетают в себе в нерасчленном виде значение указательного и относительного местоимений. В пер-

³⁰ В. Н. Мигирин, Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложения в русском языке, стр. 24, 37.

³¹ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., стр. 164.

вом предложении имя следует непосредственно за местоимением **до негоже**, которое является определением по отношению к нему. В других случаях имена существительные, хотя и согласуются с местоимениями, но они как бы присоединяются к зависимой части. Они служат для уточнения местоименных слов (**егоже, иже**).

II. Наряду с рассмотренными выше конструкциями, в исследуемых памятниках широко представлены предложения иного типа, которые можно считать переходными от сочинения к подчинению. Например:

сътъникоу же егероу **рабъ** бола зълѣ оумирааше. **иже** бѣ سموу чъстенъ (Мар. 200, Остр. 95).

Характерной чертой для таких конструкций является то, что местоимение **иже** стоит всегда после грамматически и логически законченного предложения, и по своему значению оно ближе к указательному местоимению **он**, чем к относительному **который**. Поэтому связь между частями данного сложного предложения, как это правильно подметил В. В. Назаретский, здесь чисто присоединительная. Такая структурная особенность, по его мнению, есть «следствие паратактического происхождения подобных сложных предложений: одно предложение следует за другим в порядке простого присоединения; подчинительная зависимость опирается, главным образом, на логические связи и не нашла для себя еще надлежащего структурного выражения».³² Переходными от сочинения к подчинению с нечетко выраженной подчинительной связью между главной и зависимой частями считает подобные конструкции также Р. В. Алимпиева.³³

В приведенном выше примере имя существительное **рабъ**, которое поясняет местоимение **иже**, стоит в форме именительного падежа и выполняет функцию подлежащего первой части. Функцию подлежащего выполняет и местоимение **иже** в зависимой части.

Аналогичны и следующие конструкции:

поздѣ же бывъшоу. приде **члкъ** **богатъ** отъ аримафеа. именемъ иосифъ **иже** и тѣ оучиса оу иса. (Остр. 202, Мар. 110).

приде **иосифъ** отъ аримафеа благодаренъ сьвѣтъникъ. **иже** и тѣ бѣ чаА цсрстви-е бжи-а (Остр. 194, Мар. 182).

сеи бѣ **сестра** именемъ мариѣ. **ѣже** и сѣдъши при ногоу исвою слышааше слово его (Мар. 245).

се 1-есть **оученикъ** сьвѣдѣтельствоуаи о сихъ. **иже** и написа и (Остр. 272, Мар. 403).

³² В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, вып. I. Енисейск, 1960, стр. 27.

³³ См. Р. В. Алимпиева, Сложноподчиненные предложения в Ипатьевском списке летописи, стр. 7.

бѣаху же тоу жены мѣногы издалече зѣрашта. **іже** иду по **исѣ** отъ галилеа слоужаша емоу (Мар. 110, Остр. 201).

гла же **единъ отъ о(у)ченикъ** его. иуда симонъ искариотъскы. **іже** и хотѣаше прѣдати (Мар. 366).

члкъ бѣ домовитъ. **іже** насади виноградъ. і оплотомъ і огради ископа въ немъ точило (Мар. 76).

съ есть **градны** по мнѣн**і** **іже** прѣдъ мѣною бысть (Мар. 316).

Имя и относительное местоимение могут стоять в винительном падеже:

азъ прославихъ та на земли. **дѣло** съвѣришихъ. **еже** даль еси мнѣ да сътворю (Мар. 384, Остр. 174).

разумѣ же народъ мѣногъ отъ иудей. **ѣко** тоу есть. і приду на isa ради тѣкъмо. нѣ да и **лазара** видать. **егоже** въскрѣси отъ мрѣтвыхъ (Мар. 367, Остр. 142).

делаите не брашѣно гыблѣютее. нѣ **брашѣно** прѣбывающее въ животѣ вѣчнѣемъ. **еже** снѣ члвскы вамъ дасть. сего бо отцѣ знамена бѣ (Мар. 338, Остр. 19).

Нередко местоимение стоит в именительном падеже, а имя в косвенных падежах. Так, местоимение выступает в форме именительного падежа, а имя — винительного.

мѣнога же **ина знамениѣ** сътвори ис прѣдъ оученикы своими. **ѣже** не суть писана въ кѣнигахъ сихъ (Мар. 399).

отвѣштавъ же рече еи исъ. марта марѣта печешиса и млѣвиши о мѣнозѣхъ единого же есть на потрѣбу. **маріѣ** бо **благую** часть избѣра. **ѣже** не отъиметьса отъ неа (Мар. 245, Остр. 217).

члкъ единъ съхождааше отъ иема въ ериху. і въ **разбоиникы** вѣпаде. **іже** съвлѣкъше и. и **ѣзвы** възложше отиду оставльшие елѣ живѣ **сушть** (Мар. 244, Остр. 103).

і-ако же писано і-есть въ прѣцѣхъ се азъ посылю **англѣ мои** прѣдъ лицѣмъ твоимъ. **іже** оуготовитъ путь твои прѣдъ тобою (Остр. 255, Мар. 115—116).

Местоимение стоит в именительном падеже, а имя в дательном:

рече гѣ притѣчу **сію**. подобно і-есть црстви-е нбсьной-е **члкоу** ищущоу добра бисѣра. **іже** обрѣтъ і-единъ мѣногоцѣннѣ бисѣрѣ. шѣдъ продасть все і-елико имѣаше (Остр. 227, Мар. 46).

комоу оуподоблѣю родо съ. подобенъ есть **дѣтищемъ** сѣдѣштемъ. на трѣжиштихъ. **іже** възглашають дроугомъ своимъ... (Мар. 35)

Особый интерес представляет следующий пример:

пакы подобно і-есть црстви-е нбсьной-е. **неводу** вѣвръженоу въ море. и отъ всѣ-акого рода събѣравѣшоу и **іже** і-егда наплѣни

СА извлѣкъше и на краи. и сѣдѣше. избѣраша добрыа въ съсуды а зѣлыа извѣргоша вонѣ (Остр. 227, Мар. 47).

В данном предложении в Остромировом евангелии перед местоимением **иже** стоит сочинительный союз **и**, который отсутствует в Мариинском евангелии. Э. И. Коротаева, исследовавшая союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, отмечает, что сопровождение подчинительного союза сочинительным при постпозиции придаточного встречается крайне редко.³⁴ При этом в приведенном примере мы наблюдаем и весьма своеобразную структуру предложения: после местоимения **иже** стоит временной союз **и-егда**, вводящий придаточное предложение времени (егда наплѣни са). Вероятно, **иже** можно понимать в данном случае как указательное местоимение **тот**, а союз **и** служит для связи двух предложений.

В значении указательного местоимения **иже** выступает и в следующем примере:

І надѣ вѣсѣми сими. между нами и вами. пропадѣ велиѣ оутвѣрди А ѣко да хоташтеи минути отъ судоу къ вамѣ не възмагають. ни **иже** отъудоу къ намѣ прѣходать (Мар. 273, Остр. 97).

Случаи употребления **иже** в значении указательного местоимения **тот** встречаются также и в древнерусском языке.³⁵

Местоимение в именительном, имя в родительном падеже. Отмечен один пример:

слышаштемѣ же вѣсѣмѣ людемѣ. рече къ оученикомѣ своимѣ. вынемлѣте отъ кѣнижѣникѣ. хоташтиихѣ цѣлованиѣ на трѣжиштихѣ. и прѣдсѣданиѣ на сѣньми(щи)хѣ. и прѣждезѣваниѣ на обѣдѣхѣ. и на вечерѣхѣ. **иже** сѣиѣдають дѣмы вѣдовицѣ. и виною далече молать са (Мар. 292, Остр. 115).

Местоимение в именительном, а имя в творительном падеже. бѣ же нарицаемы варава **съ своими ковѣники** сѣвазанѣ. **иже** вѣковѣ оубиство сѣтвориша (Мар. 179).

и-елико же ихѣ **приать** и. дасть имѣ область **чадомѣ бжии-емѣ** быти вѣроующемѣ въ има его. **иже** ни отъ крѣви. ни отъ похоти плѣтѣскыа. ни отъ похоти мужьскы. нѣ отъ ба родиша са (Сстр. 2—3, Мар. 315).

Конструкции, в которых имя стоит в именительном падеже, а местоимение в косвенных.

Имя в именительном, а местоимение в винительном падеже. аще кѣто сѣиѣсть отъ хлѣба сего. живѣ **будеть** въ вѣкъ хлѣбѣ бо **иже** азѣ дамѣ. **плѣть** моаі-есть. **юже** азѣ дамѣ. за животь вѣсего мира (Остр. 21, Мар. 340).

³⁴ Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 16.

³⁵ В. Н. Мигирин, Происхождение придаточного определительного предложения в русском языке, стр. 88.

бѣ же единѣ възлежа отъ оученикѣ его на лонѣ исвѣ. егоже люблѣаше ис (Мар. 373).

да слово исаи-а пророка събудеть са 1-еже рече... (Остр. 43, Мар. 369).

Имя в именительном, а местоимение в родительном падеже. възва же въ цркви оуча ис. и гла. мене вѣсте и вѣсте. отъ кудуо есмѣ. и о себѣ не приде. нѣсть истиненѣ посълавим ма. егоже вы не вѣсте (Остр. 27, Мар. 344).

и разгнѣувъ кѣнигы. обрѣте мѣсто идеже бѣ написано. дхъ гнѣ на мнѣ. 1-егоже ради помаза ма благовѣстити нищимѣ. (Остр. 211, Мар. 207).

бѣ же мариѣ. помазавъшиѣ га мврою. 1 отъръши нозѣ власы своими. еа же братръ ла(за)ръ болѣаше (Мар. 360).

В последнем примере местоимение еа же, вероятно, следует рассматривать как личное, а второе предложение считать самостоятельным.

Конструкции, в которых как имя существительное, так и местоимение стоят в косвенных падежах. Примеры немногочисленны.

Так, местоимение стоит в винительном, а имя существительное в дательном падеже.

паки подобно есть црствие нбское. сѣкровицю сѣкрвеноу (на) на селѣ. еже обрѣтъ члвкъ сѣкры... (Мар. 46).

Имя существительное в винительном падеже, а местоимение в родительном и дательном.

онѣ же рече къ нимѣ. азѣ брашно имамѣ ѣсти егоже вы не вѣсте (Мар. 328, Остр. 31).

а слышавы и не сътвори. подобенѣ есть члвкоу. сѣздвѣшоу храмину на земли без (о)снованиѣ. еиже прирази са рѣка и абие разори са (Мар. 220).

Имя существительное стоит в родительном падеже, а местоимение в винительном.

да придетъ на вы всѣка кръвь праведна. проливаема на землю отъ крѣве авела праведнааго. до крѣве зари снѣ варахиина. егоже оубисте между црквию и олтаремѣ (Мар. 86, Остр. 215).

Конструкции с определяемым словом в главном предложении

В памятниках старославянского языка широко представлены конструкции, в которых имеется определяемое слово. Придаточное предложение в них соединяется с главным при помощи местоимений иже, яже, еже как в форме именительного, так и в форме косвенных падежей.

Возникновение конструкций, в которых придаточное присоединяется к главному при помощи указательных местоимений, А. А. Потебня относил к глубокой древности. «Но так как в них местоимение вполне заменяет существительное предыдущего предложения (что предполагает память о предшествующем акте мысли при совершении актов последующего, причем оба акта относительно тесно связаны), то эти обороты по характеру новее предыдущих, в коих, в силу повторения существительного при местоимении, связь последующего с предыдущим слабее, иначе — последующее более самостоятельно».³⁶

Примеров, в которых при местоимении повторялось бы имя существительное главного предложения, в исследуемых памятниках не обнаружено. Однако широко употребляются такие, в которых, выражаясь словами А. А. Потебни, местоимение «вполне заменяет существительное предыдущего предложения».

Э. И. Коротаева также считает, что данный тип предложения является более поздним синтаксическим образованием, когда «вместо повторяющегося существительного с указательным местоимением при нем во втором предложении появляется местоимение, личное (3-го лица) или тоже указательное, которое подчиняет по смыслу второе предложение первому и создает, таким образом, синтаксически единое целое».³⁷ Говоря о замене имени существительного местоимением, А. И. Сумкина справедливо замечает, что эта замена «свидетельствует о том, что выражение связи между частями предложения не нуждается более в лексической поддержке, появляются зачатки собственно грамматического выражения связи».³⁸

Характерной чертой рассматриваемых конструкций является то, что придаточное предложение следует непосредственно за определяемым словом, которое в большинстве случаев выражено именем существительным.

1. Среди них следует, в первую очередь, выделить такие предложения, в которых падеж определяемого слова совпадает с падежом относительного местоимения.

а) Относительное местоимение стоит в именительном падеже.

свѣдѣтельствовааше **народъ иже** бѣ съ нимъ егда лазара възгласи отъ гроба въскрѣси его отъ мрътвыхъ (Остр. 143, Мар. 367).

Структура данной конструкции, а именно расположение второго предложения непосредственно после имени существительного, которое оно поясняет, способствовала развитию подчинительных отношений.

³⁶ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 332.

³⁷ Э. И. Коротаева, К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке. Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, вып. 14, 1949, стр. 45.

³⁸ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., стр. 151.

В приведенном примере можно выделить главное и придаточное предложение, начинающееся относительным местоимением **иже**, которое заменяет имя существительное **народ**, названное в главном предложении и определяемое придаточным. Местоимение **иже**, стоящее в именительном падеже, выполняет функцию подлежащего придаточного предложения. В этой же функции выступает определяемое слово **народ** в главном предложении. Наличие определяемого имени существительного в первой части сложного предложения устраняет в относительном местоимении **иже** ту диффузность, которая была характерна для него в конструкциях типа **блажень есть иже не съблазнить са о мнѣ**. Если ранее функция относительного местоимения **иже** заключалась в том, чтобы заменять, с одной стороны, определяемое слово (**тот**) и, с другой стороны, играть роль союзного слова (**который**), то при наличии соотносительного слова — имени существительного первая функция отпадает сама собой, и местоимение начинает восприниматься только как союзное слово **который**. Непосредственная близость местоимения к существительному позволяет воспринимать его (местоимение) в качестве союзного слова, а существительное — в качестве определяемого слова.

Таким образом, осознание имени существительного в главной части как определяемого слова становится возможным при двух конструктивных условиях: 1) наличии существительного в главной части и 2) непосредственной близости его к относительному местоимению. Подобные предложения обычно рассматриваются исследователями уже как грамматически оформленное относительное подчинение.

Для подтверждения этого можно привести также следующие примеры, в которых определяемое слово и относительное местоимение стоят в именительном падеже.

народи же глааху ꙗко съ есть ис пророкъ **иже** отъ назарета галилеискааго (Мар. 74, Остр. 141).

бѣ оуча ис. и бѣаху сѣдяще фарисеи и законооучител-е. **иже** пришли отъ всакоа вси (Остр. 9%, Мар. 212).

по сихъ же моли пилата **иосифъ иже** бѣ отъ ариматѣа сын оученикъ исвѣ. таинъ же за страхъ иудейскъ. да възметь тѣло исво (Мар. 396, Остр. 194).

видѣвъ же фарисеи. възъвавы 1-его. рече въ себѣ гла. съ а бы былъ пркъ. вѣдѣлъ оубо бы кѣто и какова **женщина. 1-аже** прикасать са 1-емъ яко грѣшница 1-есть (Остр. 222, Мар. 224).

они же рѣша емоу... ис тебе бо изъдетъ **влка иже** оупасеть люди моа изл1-а (Мар. 4, Остр. 252).

В роли определяемого слова в подобных конструкциях отмечены субстантивированное прилагательное и причастие. Но случаи редки.

нъ **суть** отъ васъ **друзии** **иже** не вѣроуютъ (Остр. 24, Мар. 341).

се **суть** **послѣднии** **иже** будутъ прѣднии. и **суть** прѣднии **иже** будутъ послѣднии (Мар. 262).

събысть са **писаное** **еже** глѣть. и съ **безаконьника** причтенъ бысть (Мар. 181, Остр. 188).

не оубоите са оубо ихъ. ничтоже бо естъ **покръвено** **еже** не оукръвено **будеть**. и таино **еже** не оувѣдѣно **будеть** (Мар. 32).

б) Относительное местоимение выступает в форме косвенных падежей. Падеж определяемого слова и местоимения совпадает.

Нередко относительное местоимение стоит в форме винительного падежа единственного или множественного числа.

оуже вы чисти есте. **за слово** **еже** глѣхъ вамъ (Мар. 379, Остр. 49).

помыите **слово** **и-еже** азъ рекохъ вамъ (Остр. 170, Мар. 380).

и приближаша са **въ** **всь** **въ** **нюже** иди-ааста (Остр. 5, Мар. 310).

и рече **и-емоу** **иис.** виждь **никому** **же** не повѣждь нъ шѣдъ покажи са **персови** и **принеси** **даръ.** **иже** повелѣ **моуси** **въ** **свѣдѣние** **имъ** (Остр. 68, Мар. 21—22).

радоуйте са съ **мною.** **ѣко** **обрѣтъ** **драгму** **юже** погоубихъ (Мар. 268).

бысть же егда глааше се. въздвигши гласъ **едина** **жена** **отъ** **народа** **рече** **емоу.** **блаженое** **чрѣво** **ношъша** **та.** и **съсца** **ѣже** еси **съсаль** (Мар. 248, Остр. 217).

и по **немъ** **иди-ааше** **народъ** **многъ** **и-ако** **види-аахъ** **знамени-а.** **и-аже** **твори-ааше** **на** **недужьныхъ** (Остр. 15, Мар. 335).

и-ако **тако** **сътвори** **мнѣ** **гъ** **въ** **дни** **въ** **наже** **призрѣ** **отъати** **поношени-е** **мои-е** **въ** **члвцѣхъ** (Остр. 269, Мар. 191).

Во всех приведенных примерах относительное местоимение согласуется в роде и числе с определяемым именем существительным. Падежная форма относительного местоимения определяется глаголом-сказуемым придаточного предложения.

Реже относительное местоимение находится в других косвенных падежах.

въскрсь же **исъ** **за** **оутра** **въ** **пръвы** **суботѣ.** **ѣви** **са** **прѣжде** **марии** **магдалини** **иже** **неа** **же** **изгъна** **ж** **бѣсь** (Мар. 184).

по томъ же **въли** **воду** **въ** **оумывальницу.** и **начать** **оумывати** **нозѣ** **оученикомъ.** и **отирати** **лентиемъ.** **имъже** **бѣ** **прѣпоѣсанъ** (Мар. 371).

иисъ **же** **рече** **имъ** **не** **вѣста** **са** **чесо** **просаща** **можеша** **ли** **пити**

чашу юже азъ пию. ли **кръщенимь имже** азъ крышу са (Остр. 135—136, Мар. 157).

2. Конструкции, в которых относительное местоимение и определяемое слово стоят в разных падежах.

Данный тип сложных предложений встречается гораздо чаще, чем предыдущий.

а) Нередко относительное местоимение стоит в именительном падеже, а определяемое слово в косвенных падежах.

остави же водонось свои жена. I иде въ градъ. I гла члкмъ. придѣте и видите **члка Iже** рече ми всѣ елико сътвори хъ (Мар. 327, Остр. 31).

възиде же иосифъ отъ галилеа. Из града назаретъска. въ июдео въ градъ **двъ. Iже** нарицаеть са витлеемъ (Мар. 196, Остр. 249).

Приде же и симонъ петръ въ слѣдъ его. I въниде прѣжде въ гробъ. I видѣ ризы лежаша. I **сударь иже** бѣ на главѣ его (Мар. 397).

I рече имъ ангель не боите са. се бо **благовѣштаю** вамъ. **радость велию.** **ѣже** будетъ всѣмъ людемъ... (Мар. 197, Остр. 250).

и елико не примуть васъ ни послушати васъ. исходяще отъ **тудоу** отърасѣте **прахъ иже** г-сть подъ ногами вашими. въ свѣдѣтельство имъ (Остр. 290, Мар. 135).

възъпиша же вси народи **глюште.** възми сего отъпусти же намъ **вараву Iже** бѣ за едину крамолу бывшую въ градѣ и оубиство въврженъ въ темьницу (Мар. 304).

В приведенных примерах определяемое слово находится в винительном падеже.

В следующих предложениях определяемое слово стоит в родительном падеже, а относительное местоимение в именительном.

еда ты болен еси **отца нашего авраама. Iже** оумръѣтъ. и прци оумръѣша (Мар. 352, Остр. 33).

Внемлѣте отъ **лжихъ пророкъ Iже** приходатъ къ вамъ въ одеждахъ овчачъ. вънутрь же суть влѣци хыштьници. отъ плодъ ихъ познаите **А** (Мар. 20).

и събъраша же и испльниша двѣа на десате коша оукроухъ. **отъ пяти хлѣбъ ачъныхъ. Iже** избыша ѣдъшиимъ (Мар. 336, Остр. 35).

Определяемое слово выступает в форме дательного падежа и является дополнением главного предложения, а относительное местоимение выполняет функцию подлежащего придаточного предложения.

и помануша причастникови. иже бѣаху въ друзѣмъ ко-
рабли (Остр. 90, Мар. 211).

глаша 1-еому зълы зълѣ погоубить А и виноградъ прѣдасть
инѣмъ дѣлателі-емъ иже въздадать. 1-еому плоды въ врѣмена
свои-а (Остр. 79, Мар. 77).

и съ же рече имъ. сего ради всѣхъ кѣнижъникъ наоучь са.
црствию нбскоумоу. подобенъ естъ члвкоу домовитоу. Иже из-
носить отъ сѣкровища своего нова и ветъхаа (Мар. 47).

тогда оуподоби са црстви-е небеснои-е. ꙗ̄. дѣвъ аже при-
имъша сѣвѣтильники своа и изидоша противу женихоу (Мар.
92, Остр. 148).

Сего ради оуподобило са естъ црствие нбское члвкоу цсрю.
Иже възхоте сѣтазати са о словеси. съ рабы своими (Мар. 64).

б) Относительное местоимение может стоять в косвенных па-
дежах, а определяемое слово в именительном. Наиболее распро-
страненными являются конструкции, в которых относительное
местоимение выступает в форме винительного падежа.

не дивите са семоу 1-ако градетъ година. въ нюже вси сущи
въ гробѣхъ оуслышать гласъ 1-его . . . (Остр. 14, Мар. 333).

се рекъ иіс. изиде съ оученикы своими на онъ полъ потока
кедрьска идеже бѣ въртъпъ. въ ньже вѣиде самъ и оученици
1-его (Остр. 176, Мар. 387).

се ли 1-есть сынъ ваю. і-егоже вы глї-ета 1-ако слѣпъ роди са
(Остр. 39, Мар. 354).

кѣто бо 1-есть вѣрныи рабъ и мудрыи. 1-егоже поставитъ гъ
надъ домоу своимъ (Остр. 147, Мар. 91).

Прѣжде шести дѣни пасхы приде иісъ въ витанию. идеже бѣ
лазарь оумьрыи. 1-егоже възскрѣси изъ мѣртвыхъ (Остр. 141, Мар.
366).

другы приде гла ги се мѣнась твоѣ. юже имѣхъ. положену
въ оуброусѣ. боѣахъ бо са тебе (Мар. 285).

приде же дѣнь опрѣснькъ. въ ньже подобно бѣ жрѣти пасху
(Мар. 297).

Относительное местоимение в родительном падеже.

Молѣаше же са емоу мужъ Із негоже изиду бѣси. да би съ
нимъ былъ (Мар. 231).

бѣ же етеръ цсрь мужъ. егоже снѣ болѣаше въ каперъ-
наоумѣ (Мар. 329, Остр. 18).

Последнее предложение отличается от предыдущего тем, что
после местоимения следует имя существительное снѣ. Возможно,
здесь егоже — личное местоимение, и тогда второе предложе-
ние, начинающееся этим местоимением, следует рассматривать
как самостоятельное.

Относительное местоимение в местном падеже.

и сегласть съ нбсе гла. се1-есть **снѣ мои възлюблены. О нѣ-емъже** благоволихъ (Остр. 260, Мар. 7).

видѣвъ же иіс натанаила. градуша къ себѣ рече се въистину **излиѣнниъ въ нѣ-емъже** лъсти нѣсть (Остр. 128, Мар. 318).

Бѣ же на мѣстѣ идеже и распаша вѣртѣпъ. и въ вѣртѣпѣ **гробъ новъ. въ нѣ-емъже** николиже никъто же не бѣ положенъ (Остр. 195, Мар. 396).

в) Кроме рассмотренных выше конструкций, можно выделить такие, в которых как относительное местоимение, так и определяемое слово выступают в форме косвенных падежей. При этом чаще всего встречаются предложения, в которых относительное местоимение стоит в винительном падеже, а определяемое слово — в других косвенных падежах.

Относительное местоимение в винительном, а определяемое слово в родительном падеже.

гла имъ иіс принесѣте **отъ рыбѣ. аже** асте нынѣ (Остр. 21, Мар. 401).

и желааше насытити чрѣво свои-е **отъ рожьць аже** ѣдѣаху свиниа (Остр. 118, Мар. 268).

Приде же ись въ градъ. самарьскъ нарицаемы **сахарь. Искръ вьси юже** дасть иѣковъ иосифоу сноу своему (Мар. 325, Остр. 29).

глю вамъ не вѣмъ васъ бѣдите оубо. како не вѣсте дъне **ни часа въ нъже** сынъ чловѣчьскыи придетъ (Остр. 86).

Интересно отметить, что в Марииинском евангелии последняя конструкция кончается словом **часа**, т. е. отсутствует придаточное определительное предложение.

Относительное местоимение в винительном падеже, а определяемое слово в дательном.

паки рече комоу оуподоблю **цѣсрствие бжие.** подобно естъ **квасоу. иже** приемъши жена съкры въ муцѣ трии сать. дондеже вькысѣ вьсѣ (Мар. 261, Остр. 237).

подобно естъ црѣстви-е нбсьной-е **зрѣноу гороушьноу. и-еже** примъ члвкъ. вѣврѣже въ врьтѣградъ свои. и въздрате (Мар. 261, Остр. 108).

ѣвихъ има твое члв кмъ. **А же** далъ еси мнѣ отъ мира (Мар. 385, Остр. 47).

Егда оубо вѣста отъ мрѣтвыхъ. помѣнуша оученици его **ѣко** се глаше вѣру аса кънигамъ и **словеси еже** рече ись (Мар. 321, Остр. 9).

Относительное местоимение в винительном падеже, а определяемое слово в местном.

се же рече о дсѣ иже хотааху приимати вѣроующии въ ни-его (Остр. 54, Мар. 345).

и аби-е бысть корабль на земли. въ юже ѣди-ааху (Остр. 16, Мар. 337).

начать все мнѡжство оученикъ. радоующе са хвалити ба гласомъ велиемъ о всѣхъ силѣхъ. юже видѣша (Мар. 287).

В следующихъ конструкциях определяемое слово стоит в винительном падеже, а относительное местоимение — в местном или дательном.

открыша покровъ идеже бѣ и прокопавъше. съвѣсиша одръ. на ни-емъже ослабл-еныи сълежааше (Остр. 130, Мар. 120).

положите оубо на срдцихъ вашихъ. не прѣжде поучати са отвѣщати азъ бо дамъ вамъ оуста и прѣмудрость и-еже не възмогутъ противл-ающии са вамъ (Остр. 225, Мар. 294).

Определяемое слово в родительном, а относительное местоимение в местном падеже.

и въставъше изгнаша и вонъ из града і вѣса и до врѣхоу горы. на неже градъ ихъ създанъ бѣаше (Мар. 208, Остр. 277).

Анализ конструкций с определяемым словом в главном предложении показывает, что относительное местоимение согласуется с именем в роде и числе, однако их падежи могут как совпадать, так и не совпадать.

3. Конструкции, в которых отсутствует согласование относительного местоимения с определяемым словом.

Отмечены отдельные примеры, в которых отсутствует согласование в роде. Ср.:

благовѣстоую вамъ. радость велию и-аже будетъ всѣмъ людемъ і-ако роди са вамъ дньсь. спсѣ і-еже і-есть хъ гъ въ градѣ давидовѣ (Остр. 250).

Местоимение **еже** в приведенном примере относится к определяемому имени существительному мужского рода. Интересно отметить, что в Мариинском евангелии здесь употреблено **иже**. Ср.:

і рече имъ англъ не боите са се бо благовѣштаю вамъ радость велию. ѣже будетъ всѣмъ людемъ. ѣко роди са вамъ дньсь спсѣ. иже есть хъ гъ. въ градѣ двѣ (Мар. 197).

В другом предложении местоимение **иже** относится к определяемому имени среднего рода (т. е. **иже** употреблено вместо **еже**).

да слово иісово събудетъ са иже рече на знаменаа коі-ею съмъртию хотѣаше оумрѣти (Остр. 181).

Однако в Мариином евангелии, как и в предыдущем случае, согласование не нарушено. Ср.:

да слово **исво** събудеть са **еже** рече клепла коею съмрътью хотѣше оумьрѣти (Мар. 391).

Нарушение согласования союзного слова с определяемым в старославянском языке было отмечено уже В. Вондраком. Он писал: «Некоторые формы местоимения относительного имеют тенденцию употребляться в качестве застывших выражений безотносительно к роду и числу, а позднее даже и падежу». ³⁹

Анализируя аналогичные случаи в древнерусском языке, А. И. Сумкина отмечает, что конструкции, в которых «относительные местоимения употреблены без согласования в роде и числе с определяемым словом, свидетельствуют о том, что относительные местоимения постепенно окаменевают, превращаются в неизменяемые относительные местоимения, употребляющиеся безотносительно к числу и роду определяемого слова, не подчиняющиеся управлению глагола зависимой части предложения». ⁴⁰

К подобным выводам приходит и А. Н. Стеценко. При этом он считает, что «конструкции определительного придаточного предложения, в котором относительные местоимения употреблены без согласования в роде и числе с определяемым словом, появились несколько позже, чем конструкции, где имеется согласование в роде и числе относительного местоимения с определяемым словом». ⁴¹ В. В. Назаретский несогласованное употребление союзных слов в придаточных определительных предложениях связывает с разрушением склонения общеславянских местоимений **и, я, е**, которое началось уже в древнейшие времена. «Ранняя утрата форм именительного падежа этих местоимений, вероятно, и привела сначала к тому, что истинное значение форм именительного падежа относительных местоимений **иже, еже** стало забываться, и формы **иже, еже** начали употребляться одна вместо другой без согласования с определяемым словом главного предложения». ⁴²

Малочисленность примеров с нарушением согласования в исследуемом материале не позволяет нам сделать каких-нибудь выводов. Однако отсутствие согласования только в Остромировом евангелии, вероятно, свидетельствует о дальнейшем развитии подчинительных связей.

³⁹ В. Вондрак, Древнецерковнославянский синтаксис. Казань, 1915, стр. 47.

⁴⁰ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., стр. 155.

⁴¹ А. Н. Стеценко, Определительные придаточные предложения в древнерусском языке, стр. 180.

⁴² В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, вып. 1, стр. 31.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ИНТЕРПОЗИЦИЕЙ ЗАВИСИМОЙ ЧАСТИ

При анализе данных конструкций также встречается два вида сложных предложений: с отсутствием и наличием определяемого слова.

Конструкции без определяемого слова в главной части.

Здесь можно выделить те же типы предложений, что и в конструкциях с постпозицией придаточного определительного.

1 а) Сложные предложения, в которых падеж относительного местоимения не совпадает с падежом, в котором должно было бы стоять определяемое слово в главной части.

Относительное местоимение в именительном падеже.

Егда же мръзость оузърите запоустѣниѣ. реченую даниломъ пркмъ. стоашту идеже не подобаать. чѣты да разоумѣать. тѣгда иже **буду**ть въ юдеи да бѣгають на горы (Мар. 169).

В приведенном примере относительное местоимение **иже**, стоящее в именительном падеже множественного числа, выступает в функции подлежащего зависимой части; ту же самую функцию должно было бы выполнять и определяемое слово в главной части. **Иже** нерасчлененно сочетается в себе функцию союзного и соотносительного слова. Это обстоятельство не позволяет четко делить данное предложение на главное и придаточное. Сами термины «зависимая» и «главная» части могут быть употреблены только условно.

Аналогичны приведенному и следующие примеры:

і слышавъше **иже** бѣаху оу него изиду Ати и глаху бо ѣко неистовъ естъ (Мар. 125).

і гънаша и симонъ и **иже** бѣаху съ нимъ. і обрѣтъше и глаша емоу. ѣко вьси иштутъ тебе (Мар. 119, Остр. 129).

отвѣштавъ англь рече еи. дхъ стѣи наидеть на та. і сила вышнѣаго осѣнить та. тѣмъ же **еже** родить са сто наречеть са снѣ бжии (Мар. 192, Остр. 270).

видѣвъше же и **иже** бѣаху о ни-емъ бываи-емои-е. рѣша емоу (Остр. 293, Мар. 300).

сусѣди же и **иже** и бѣаху видѣли прѣжде ѣко слѣпъ бѣ. глааху не съ ли естъ сѣдаи и проса (Мар. 357, Остр. 38).

Егда же бысть единъ въпросиша и **иже** бѣаху съ нимъ съ обѣма на десате притѣчу (Мар. 127).

сѣтъникъ же и **иже** бѣху съ нимъ стрѣгуште иса. видѣвъша трусь и бывъшаа. оубоѣша са зѣло глюще... (Мар. 110, Остр. 191).

шдь же примѣи. ·ѣ· талантъ дѣла о нихъ. и приобрѣте дроугую ·ѣ· талантъ такожде и **иже** дѣва приобрѣте дроуга-а дѣва (Остр. 149, Мар. 93).

В последнем примере в зависимой части пропущен глагол, который ясен из предыдущего предложения.

В следующих примерах местоимение стоит в косвенных падежах и выступает в качестве дополнения зависимой части.

азъ **ѣже** видѣхъ оу отца моего. глѹ. і вы оубо **ѣже** видѣсте оу отца вашего творите (Мар. 350, Остр. 29).

мънози же отъ июдеи пришѣдъшеи къ марии. і видѣвъше **еже** сътвори ис. вѣроваша въ него (Мар. 364, Остр. 140).

шдѣша же оученика и сътвориша **ѣже** повелѣ има ис. привѣсте осьла и жрѣба. і възложиша врѣхоу ризы своа і въсѣде врѣхоу ихъ. (Мар. 740, Остр. 140).

б) Кроме отмеченных случаев, встречаются такие, в которых падеж относительного местоимения не совпадает с падежом, в котором должно было бы находиться определяемое слово.

онъ же изгнавъ вса поатъ отца отроковица и мать и **иже** бѣша съ нимъ. і въниде идеже бѣ отроча лежа (Мар. 134).

і обрѣте(с)та съвъкоупльша са единого на десате. и **иже** бѣаху съ ними глѹшта (Мар. 311, Остр. 5).

жена же оубо-авѣши са и трепещущи вѣдуши **і-еже** бысть **і-еи** приде и припаде къ нѣ-емоу и рече **і-емоу** всу истину (Остр. 243, Мар. 133).

В приведенных примерах относительное местоимение стоит в именительном падеже и является подлежащим зависимой части.

Относительное местоимение может выступать и в косвенных падежах:

і абие вставъ прѣдъ ними. възем(ъ на) **немъ же** лежааше. иде въ дом(ъ) свои слава ба (Мар. 213, Остр. 91).

і аште въ заимъ даате **отъ нихъ же** чаате въсприати каѣ вамъ хвала естъ (Мар. 218, Остр. 91).

а отъ неимущааго и **і-еже** мнѣи са имы възато **будетъ** отъ нѣ-его (Остр. 85, Мар. 95).

в) Среди рассматриваемых конструкций без определяемого слова можно выделить предложения, где в зависимой части стоит имя существительное, с которым относительное местоимение согласуется в роде, числе и падеже.

ѣко бо бѣху въ дъни прѣжде потопа. ѣдуше и пѣюште. женаше са и посагаюште. **до негоже дъне** въниде ное въ ковчегъ. і не ощутиша **дондеже** приде вода и възать вса. тако **будетъ** и пришествие сна члвчскааго (Мар. 90, Остр. 83).

въ 1-единныи же суботы. зѣло рано придоша жены на гробъ. несуща. **аже** уготоваша **ароматы** и **нѣкыа** съ ними обрѣтоша же камень . . . (Остр. 206, Мар. 307).

егда же оуслыша ѣко болить. тогда же прѣбысть **на немъже бѣ мѣсте** дѣва дѣни (Мар. 361, Остр. 137).

и вы будѣте готови 1-ако **въ нъже часъ** не мѣните. сынъ члвчъскыи придетъ (Остр. 107, Мар. 256).

тогда приступиша къ исви **иже бѣаху** въ имѣ **книжъници** и **фарисѣи** глѹште (Мар. 51).

В последнем предложении два существительных **книжъници** и **фарисѣи** стоят в зависимой части и согласуются с относительным местоимением **иже**.

Такие примеры отмечались нами и в предложениях с позицией зависимой части. В некоторых из них имя следует непосредственно за местоимением, которое является по отношению к нему определением. В других предложениях имена существительные служат для уточнения местоимений. Но во всех случаях местоимение, вероятно, еще не расчленено.

II. В данную группу входят конструкции, в которых имя оторвано от относительного местоимения другими членами предложения. Однако сама структура предложения, в отличие от конструкций с постпозицией придаточного, не дает возможности составным частям сохранять относительную самостоятельность. Поэтому о недостаточном грамматическом оформлении подчинительных отношений свидетельствует лишь тот факт, что между зависимой частью и именем, к которому она относится, вставляются другие слова. Примеры немногочисленны.

1 се **жена** въ градѣ **ѣже бѣ** грѣшница 1 оувѣдѣвши ѣко възлежитъ. въ храмѣ фарисѣовѣ. принесѣши алавастръ мироу и ставѣши зади при ногуу его. плачушти са начать мочити нозѣ его слъзами (Мар. 224, Остр. 222).

1 приду **садоукеи** къ нему **иже** глглють не быти въскрѣшению и въпросиша и глѹште . . . (Мар. 164).

1 **жена** сушти въ точении крѣве. отъ дѣвою на десѣтъ лѣтоу **ѣже** балиѣмъ издаѣвши все имѣние. ни отъ единого же не може исцѣлѣти. приступиши съ слѣда косну са въскрилии ризы его. 1 абие ста токѣ крѣве еа (Мар. 231—232, Остр. 100).

В приведенных примерах относительное местоимение и имя существительное стоят в именительном падеже.

Относительное местоимение может выступать в форме косвенных падежей. В том же падеже находится и имя, которое поясняется этим местоимением.

егда крѣпкы оуоружъ са хранить свои дворъ. в мирѣ сущь имѣниѣ его. а понеже крѣплеи его нашедъ побѣдитъ и **всѣ**

оружиѣ его отъметъ **на нѣже** оупъвааше и користъ его раздаатъ (Мар. 248).

Пилать же посуди быти прошение ихъ. отъпоусти же имъ **въсажденаго** въ темницу. за крамолу и оубиство **егоже** прошааху и иса прѣдасть воли ихъ (Мар. 304).

Падеж относительного местоимения и имени может не совпадать. Так, в следующей конструкции имя существительное стоит в именительном падеже, а местоимение — в родительном:

Слышавъши бо **жена** о немъ. **еаже** дъшти имѣше дхъ нечистъ. пришедъши припаде къ ногама его (Мар. 142).

Возможно, здесь местоимение **еаже** выступает как личное.

Конструкции с определяемым словом в главном предложении

Конструкция с определяемым словом в главном предложении при интерпозиции придаточного довольно многочисленны и разнообразны. В роли определяемого слова преобладают имена существительные. Характерной особенностью данных конструкций является то, что придаточное предложение следует непосредственно за определяемым именем.

1. Прежде всего нужно выделить такие предложения, в которых относительное местоимение, выступающее в функции союзного слова, и определяемое имя стоят в одном и том же падеже.

а) Предложения с относительным местоимением в форме именительного падежа.

въдѣаше же **июда иже** прѣдааше. мѣсто 1-ако мьногошды събирааше са иіс тоу съ оученикы своими (Остр. 176, Мар. 387).

Относительное местоимение **иже**, стоящее в именительном падеже единственного числа, выступает в роли подлежащего придаточного предложения. Эту же синтаксическую функцию выполняет и определяемое имя существительное **июда** в главном предложении. Местоимение **иже** в приведенной конструкции лишено той диффузности значения, которая была характерна для него в предложениях без определяемого слова. Оно утрачивает значение указательного местоимения и приобретает чисто союзную функцию. В связи с этим части сложного предложения уже отчетливо осознаются как главная и придаточная. Для подтверждения этого приведем и другие подобные примеры.

въ оутрѣи же днь. **народъ иже** стоааше обонъ поль морі-а. видѣвше 1-ако кораблі-а иного не бѣ тоу. тькмо 1-единъ ть... (Остр. 16, Мар. 337).

въ слѣдъ же шедъша **жены аже** бѣаху пришли съ нимъ отъ галилеа видѣша гробъ... (Мар. 307).

Нъ въ ты дњи по скрѣби тои слънъце помрачить са. 1 лоуна

не дасть свѣта своего. і звѣзды начьнутъ падати съ нбсе.
і **силы аже** суть на нбсхъ. подвижать са (Мар. 170).

азь есмь пастырь добры. пастырь добры дшУ свою полагаать за овца. а **наимьникъ иже** нѣсть пастырь. емоуже не **суть** овца своА видить влъка градуща. і оставлѣать овца бѣгаать (Мар. 357, Остр. 213).

В последнем примере к придаточному определительному огносится еще одно придаточное с союзным словом **емоуже**, которое еще больше разъединяет части главного предложения.

б) Относительное местоимение в косвенных падежах.

Чаще всего встречаются конструкции, в которых относительное местоимение и определяемое слово стоят в винительном падеже единственного или множественного числа.

В оно врѣма видѣвъше народи **знамени-е і-еже** створи ис глааху... (Остр. 16, Мар. 336).

и азь **славу юже** даль і-еси мѣнѣ дахъ имъ да будутъ і-едино і-ако же и мы і-едино (Остр. 52, Мар. 386).

Глы аже азь **глюю** вамъ о себѣ не **глюю** (Мар. 375, Остр. 165).

Видѣвъше же архиереи и кѣнижъници **чоудеса і-аже** сътвори иіс. и отроки зовуща въ цркви и **глюшта** ѡсана сыноу давидовоу негодоваша (Остр. 141, Мар. 74).

иіс же видѣвъ матери и **оученика** стоаща. **і-егоже** люблі-ааше. гла матери своі-еи. се снѣ твои (Остр. 220, Мар. 395).

обращаже са петръ виде **оученика і-е** **гоже** люблі-ааше иісѣ идуща въ слѣдъ. иже и възлеже по вечери на пьрси его и рече (Остр. 53, Мар. 402).

В последнем примере к имени существительному **оученика** относятся два придаточных определительных, в первом из которых падеж относительного местоимения совпадает с падежом определяемого слова, во втором придаточном относительное местоимение выступает в функции подлежащего, в то время как определяемое имя существительное является дополнением главного предложения.

В следующей конструкции внутрь главного предложения вставляется два придаточных определительных, каждое из которых имеет свое определяемое слово:

придеть гнѣ раба того. **въ день въ нъже** не чаеть. і **въ часъ въ нъже** не вѣсть. і протешеть і полъма. і часть его съ впокрыты положить (Мар. 91, Остр. 147).

Аналогично этому и следующее предложение:

ис же рече има. не вѣста са чесо просашта. можета ли пити **чашу юже** азь **пию** ли **кръщениемъ имъже** азь **кръштю** са **кръстити** са (Мар. 157, Остр. 135).

Только здесь первое придаточное занимает постпозицию по отношению к главному, а второе вставляется в середину его.

2. Шире представлены конструкции с интерпозицией придаточного, в которых имеется несовпадение падежей относительного местоимения и определяемого слова.

а) Относительное местоимение стоит в именительном падеже и, следовательно, выступает в роли подлежащего придаточного предложения, а определяемое слово — в косвенных падежах, т. е. является дополнением главного предложения.

і призваша же въторицею **чка иже** бѣ слѣпъ. і рѣша емоу даждь славу боу (Мар. 355, Остр. 40).

і коупль плаштаницу и сънемы обиты и въ плаштаницу. і въложи **въ гробъ. иже** бѣ исѣченъ отъ камене. і привали камень на двъри гробу (Мар. 183, Остр. 194).

і егда приближи са въ имъ. въ витьфаѣлю. і витанию къ горѣ елеоньсѣ. посла дъва отъ оученикъ своихъ. і гла има. идѣта **въ весь ѣже** (е)сть прѣмо вама. і абие обраштета осьла привазана и жрѣба съ нимъ. і отрѣшъша приведѣта ми е (Мар. 73, Остр. 140).

како вы можете вѣровати славу **другъ** отъ друга приемлюште славы **ѣже** отъ единааго ба не ищите (Мар. 334, Остр. 15).

сии же приступиша **къ филипоу иже** бѣ отъ видъ(в)саиды галѣлѣйскыа і молѣху и глѣюште. ги хоштемъ иса видѣти (Мар. 368, Остр. 41).

і приемъ тѣло иосифъ. обить е плаштаницею чистою. і положи е **въ новѣмъ своемъ гробѣ иже** исѣче въ камени. і възваль камень велии на двъри гроба и отиде (Мар. 110, Остр. 202).

и се **мужи** носаше на одрѣ **члвка иже** бѣ ослабленъ. и искааху вънести и. и положити прѣдъ нимъ (Остр. 90, Мар. 212).

что же видиши **сучьць иже** і-есть въ очеси брата твоего. а бръвна і-же і-есть въ очеси твоемъ не чоу-еши (Остр. 59, Мар. 18).

Интересно отметить, что в Мариинском евангелии в последнем примере нет первого определительного придаточного предложения. Ср.:

что же видиши **сучьць** въ оцѣ брата твоего. а бръвна еже естъ въ оцѣ твоёмъ не чоуеши (Мар. 18).

Этот факт также может свидетельствовать в определенной степени о становлении относительных конструкций в рассматриваемый период.

Развитие придаточного определительного возможно было и на базе причастного оборота. Так, в одном месте евангелия мы встречаем конструкцию с причастным оборотом:

вси-ако оубо дрѣво не творяще-е плода добра посѣкають и в огонь вмѣтають (Остр. 258, Мар. 203).

В другой части памятника на этом месте стоит сложное предложение с придаточным определительным:

всако дрѣво 1-еже не гворить плода добра посѣкають и въ огонь вмѣтають (Остр. 231, Мар. 20).

Подобное явление отмечалось и в конструкциях с постпозицией зависимой части.

Как переходный случай в развитии подчинительных отношений можно, видимо, рассматривать следующую конструкцию:

есть же въ и 1-ероусалимѣхъ на овъчи коупѣли. 1-аже нарица-еть са еврейскы витезда. путь притворь имуши. въ тѣхъ лежааше множество болащихъ. слѣпъ . . . (Остр. 22, Мар. 330).

Возможно, структура предложений подобного типа также служила базой для развития конструкций с относительным подчинением. Указательное местоимение **въ тѣхъ** как бы подчиняет предложение **въ тѣхъ лежааше множество болащихъ** предыдущему **путь притворь имуши**.

б) Относительное местоимение выступает в форме косвенных падежей, а определяемое слово — в именительном. Их синтаксические функции, по сравнению с предыдущими конструкциями, меняются: относительное местоимение выступает в роли дополнения придаточного, а определяемое имя — в роли подлежащего главного предложения.

и се звѣзда юже видѣша на встоцѣ идѣаше прѣдъ ними донѣдеже пришьдѣши ста върхоу идеже бѣ отроча (Остр. 252, Мар. 4).

а не любай мене словесь моихъ не съблюдаеть и слово 1-еже слышасте нѣсть мой-е нѣ посѣлаавшааго ма оца (Остр. 274, Мар. 377).

гла же оученикъ. 1-егоже любли-ааше иис. петрови гъ 1-есть. (Остр. 209, Мар. 401).

въспомѣнувъ петръ гла емоу равви. виждь سموковница юже проклатъ оусъше (Мар. 161).

глаголы 1-аже азъ глаголахъ вамъ. доухъ суть и животь суть. (Остр. 24, Мар. 341).

1 сказахъ имъ има твое и съкажу. да любви еюже ма еси възлюбилъ въ нихъ будеть и азъ въ нихъ (Мар. 387, Остр. 176).

Рядом с относительным местоимением в косвенном падеже отмечен союз **аще**, придающий придаточному предложению условный оттенок.

ли кто естъ отъ васъ **члвкъ**. **егоже аще** просить снъ свои хлѣба. еда камень подасть емоу (Мар. 19).

в) Конструкции, в которых относительное местоимение и определяемое слово стоят в форме косвенных падежей, немногочисленны. В них падеж союзного слова не совпадает с падежом определяемого имени.

тече же и приде къ симону петроу и **къ другоуоумоу оученикоу** **егоже** любл-ааше иис. і гла има . . . (Остр. 207, Мар. 397)

вѣру емъ **члвкъ словеси** **еже** рече емоу ис і (и)идѣаше (Мар. 329, Остр. 18).

і аште не би гъ прѣкратилъ дѣнии. не би была съпасена вѣсѣка плѣть. **нѣ избѣранныхъ** ради **аже** избѣра прѣкратитъ дѣни (Мар. 169).

іродъ же четрътовластьникъ обличаемъ имъ. о иродидѣ женѣ брата своего. і **о всемъ зълѣ** **еже** сътвори иродъ. приложи и се надъ вѣсѣми і заклепе иоана въ темьници (Мар. 204).

изиду же видѣтъ бывшааго і приду къ исви. і обрѣту **сѣдашта чка** **из негоже** бѣси изиду облъчена и съмыслашта при ногоу ивою оубоѣша са (Мар. 230, Остр. 99).

приде иис въ назареть. въ нѣ-емъ же въспитанъ и въниде по обычаю свои-емоу. въ днь **суботный** въ събориште. и вѣста чистъ (Остр. 211, Мар. 207).

Рассмотрение данных предложений с определяемым словом показывает, что относительное местоимение всегда согласуется в роде и числе с определяемым словом. Синтаксическая функция их может не совпадать.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЕПОЗИЦИЕЙ ЗАВИСИМОЙ ЧАСТИ

Конструкции с препозитивной зависимой частью в исследуемом материале не имеют широкого распространения, и во многих из них сильно выступает условное значение. По мнению А. Сумкиной, «предложения с препозитивной зависимой частью с *иже*, *яже*, *еже* начали появляться по аналогии с относительными предложениями с местоимениями вопросительных корней». ⁴³ В. Н. Мигирин, придерживаясь этой же точки зрения, добавляет, что относительные предложения с местоимениями указательных корней, в свою очередь, могли оказывать влияние на предложения с местоимениями вопросительных корней, способствуя их постпозитивности. ⁴⁴

⁴³ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., стр. 171.

⁴⁴ В. Н. Мигирин, Происхождение придаточных определительных предложений в русском языке, стр. 81.

Среди конструкций с препозитивной зависимой частью встречаются такие, в которых отсутствует определяемое слово, и предложения, в которых в главной части есть определяемое слово. Поскольку определяемым именем являются различные местоимения, выполняющие функцию соотносительного слова, то в данной статье мы будем рассматривать только первую группу конструкций. Препозитивные придаточные определительные с соотносительными словами анализируются в другой работе. Особенностью конструкций, где в главной части отсутствует определяемое слово, является то, что падеж относительного местоимения обычно совпадает с падежом, в котором должно было бы стоять определяемое слово.

а) Относительное местоимение в именительном падеже.

рече гь. **иже** хошетъ по мьнѣ ити. да отъвржеть са себе. и възьметь кръсть свои. и градеть по мьнѣ (Остр. 131, Мар. 147).

иже і-есть отъ бѣ. глаголь бжии послушают сего ради (Остр. 33, Мар. 351).

иже бо нѣсть на вы по васъ естъ (Мар. 152, Остр. 249).

і-азъ і-есмы лоза а вы рожди-е. **иже** будетъ въ мьнѣ. а азъ въ нѣ-емъ сътворитъ плодъ мьногъ. і-ако без мене не можете творити ничесоже (Остр. 49, Мар. 378).

и рече имъ... ѣко **еже** естъ въ члвцхъ високо мръзость прѣдъ бгьмъ естъ (Мар. 272, Остр. 112).

Слышасте і-ако речено бы древнимъ. не оубиі-еши **иже** бо оубиі-еть повинень і-есть суду (Мар. 11).

азъ же глѹ вамъ. іако всѣкъ гнѣваа са на брата своі-его без оума повинень і-есть суду **иже** бо речеть братоу своі-емоу рака повинень і-есть соньмишоу. а **иже** речеть боуі-е. повинень і-есть гешиѣ ѡгньнѣи. (Мар. 11, Остр. 213).

Относительное местоимение **иже**, стоящее в именительном падеже, выполняет роль подлежащего в зависимой части. Оно объединяет в себе значение указательного местоимения и союзного слова. И это обстоятельство свидетельствует о том, что относительная связь здесь грамматически выражена недостаточно ясно.

Относительное местоимение может иметь оттенок неопределенного значения. Например:

ѣко же прилежааху въпрашаюште и. въсклони са и рече имъ. **иже** васъ без грѣха естъ прѣжде врзи камень на ню (Мар. 347).

Встретился единственный случай, в котором перед второй частью сложного предложения стоит сочинительный союз **и**.

безоумни не **иже** ли естъ сътворилъ вьнѣштнее. і вьнутрнее сътвори (Мар. 250).

А. А. Потехня, рассматривая союзы, стоящие между причастием и глаголом, придаточным и главным предложением, замечает, что они «как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения». ⁴⁵ Е. С. Истрина, развивая эту мысль, пишет, что синтаксические отношения соединяемых предложений «не всегда находят себе достаточно ясное выражение в союзных словах, и нередко в сложном предложении подчинительный и сочинительный союзы выступают параллельно один другому» и что подобные конструкции «представляют собой переход по способу подчинения и соединением их по способу сочинения». ⁴⁶ По мнению Н. А. Широковой, союз **и**, находящийся между придаточным препозитивным и главным предложением в конструкциях с относительными местоимениями вопросительных корней несет исключительно объединительную функцию. «Название этого союза — связать в одно целое две части сложного предложения и обеспечить их единство». ⁴⁷ Несомненно, что союз **и** свидетельствует о еще большей недифференцированности частей данной конструкции. Поэтому справедливо замечание В. Н. Мигириня о том, что употребление сочинительного союза между главным предложением и придаточным говорит «о слабой формальной разграниченности главного и придаточного, а также сложносочиненных и сложноподчиненных предложений в древнерусском языке». ⁴⁸

В рассматриваемых конструкциях зависимой части могут предшествовать сочинительные союзы **а**, **и**, назначение которых связать данные предложения с предыдущими. ⁴⁹ И. А. Попова, занимавшаяся исследованием значений и функций данных союзов, отмечает, что одним из древнейших значений союза **а** было соединительное. Особенно употребительно было начинательное и начинательно-соединительное значение **а**. Однако такому значению, как замечает И. А. Попова, «сопутствует противительный оттенок значения в той мере, в какой все новое как-то противостоит предшествующему». ⁵⁰

обрѣты дшу свою погубить ю а иже погубить дшу свою мене ради обращеть ю (Мар. 33, Остр. 67).

а болей вась да будетъ вамъ слоуга. а иже възнесеть са съмѣрить са. съмѣрѣаи са възнесеть са (Мар. 83, Остр. 80).

⁴⁵ А. А. Потехня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 197.

⁴⁶ Е. С. Истрина, Синтаксические явления Синаодального списка 1-ой Новгородской летописи. Петроград, 1923, стр. 188.

⁴⁷ Н. А. Широкова, Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 79.

⁴⁸ В. Н. Мигирин, Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке, стр. 20.

⁴⁹ Э. И. Коротяева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 16.

⁵⁰ И. А. Попова, Значение и функции союза «а» в древнерусском языке. Научный бюллетень ЛГУ, № 2, 1945, стр. 31.

есть же въ ерсмѣхъ на овъчи купели... анѣль бо гнѣ на всѣхъ лѣта съхождааше въ купѣль. і възмуштааше воду і иже прѣвѣе вѣлажааше по възмуштении воды. съдравъ бывааше (Мар. 330, Остр. 23).

онъ же отъвѣштавъ рече имъ. по чѣто вы прѣстуете запо- вѣдь бжю. за прѣдание ваше. бѣ бо заповѣда гла. чѣти отца и матеръ. і иже зълословить отца и матеръ. сѣмрътью оумьретъ (Мар. 51).

аминь глю вамъ ѣко всѣхъ отъпоустать са смъ члвчѣскомъ. сѣгрѣшениѣ и власфимиа. елико аще власфимисають. а иже власвимисаатъ на сты дхъ. не имать отъпоуштениѣ въ вѣкъ. нъ повиненъ естъ вѣчноумоу судоу (Мар. 126).

азъ же глю вамъ ѣко всѣхъ поуштааи жену свою раз- вѣ словесе любодѣинааго творить ю прѣлюбы дѣати. і иже подѣ- пѣгу поемлетъ прѣлюбы творить (Мар. 12—13).

отъвѣшта ись и рече еи. всѣхъ пиаи отъ воды сеа вѣжаж- деть паки. а иже пиетъ отъ воды юже азъ дамъ емоу. не вѣждааатъ са въ вѣкъ (Мар. 326, Остр. 30).

Особенностью последней конструкции является разрыв глав- ной и зависимой части еще одним предложением, что намного больше ослабляет связь частей предложения.

В нижеприведенных примерах первый союз и устанавливает связь с предыдущим простым предложением, а второй связы- вает две сложных конструкции между собой. При этом в неко- торых конструкциях компонентом связи в главной части явля- ется служебное слово да, которое, по словам В. Назаретского, совмещает в себе значение модальной частицы со значением коррелята.⁵¹

тѣгда суштеи въ юдеи да бѣгають на горы. і иже на кровѣ да не сълазить възати еже естъ въ храмѣ его. і иже на селѣ такожде да не възвратить са възпатъ. възать ризъ своихъ (Мар. 88, Остр. 144).

тогда суштеи въ юдеи да бѣгають въ горы. і иже по срѣдѣ его да исходить. и иже въ странахъ да не вѣходатъ вѣнъ (Мар. 294).

Союз и может служить только для связи сложных предло- жений.

Иже вы приемлетъ ма приемлетъ. і иже приемлетъ ма прием- летъ посълавѣшааго ма (Мар. 33, Остр. 67).

Иже любить отца ли матеръ паче мене нѣстъ мене достоинъ и иже любить снѣ ли дѣштеръ паче мене. нѣстъ мене достоинъ.

⁵¹ В. В. Назаретский, К истории сложноподчиненного предложения в русском языке, стр. 213.

и **иже** не приметъ крста своего и въ слѣдъ мене градеть. нѣсть мене достоинъ (Мар. 33, Остр. 67).

В нескольких случаях союз, стоящий перед относительным местоимением в Мариинском евангелии, отсутствует в Остромировом.

да вси чтать сна ѣкоже чтуть отца. и **иже** не чтеть сна не чьтеть отца. посылъшааго и (Мар. 332).

дхъ есть бѣ. и **иже** клані-ать са емоу дхмъ и истинною достоить кланѣти са (Мар. 327).

и рече имъ шедъше въ весь миръ. проповѣдите еванѣлиѣ въсеи твари. и **иже** вѣру иметь и крѣститъ са съпасенъ будетъ (Мар. 184).

Сравни Остр. ев.:

да вси чьтуть сна. и-ако же чьтуть оца. **иже** не чьтеть сна. не чьтеть оца... (Остр. 13).

дхъ есть бѣ. **иже** кланіа-еть са емоу дхмъ и истинною достоить клані-ати са (Остр. 31).

и рече имъ шедъше въ весь миръ. проповѣдайте евангліе въсеи твари **иже** вѣру иметь и крѣститъ са спсенъ будетъ (Остр. 205).

Факт наличия сочинительного союза в Мариинском евангелии и его отсутствие в Остромировом, по всей вероятности, не случаен. Это говорит о том, что чем древнее период, тем больше подчинение связано с сочинением. Здесь, как правильно отметила Э. И. Коротаева, недостаточная функция подчинительных союзов восполнялась помощью сочинительных.⁵²

В следующих конструкциях главная часть противопоставлена зависимой по смыслу:

іс же рече... **иже** бо нѣсть на вы по васъ есть (Мар. 152, Остр. 249).

иже нѣсть съ мньою на ма есть. и **иже** не събираатъ съ мньою растачаатъ (Мар. 248).

Это противопоставление помогает подразумевать соотносительное слово (**тог**) в главной части.

В предложениях с препозицией зависимой части относительное местоимение **иже** обычно начинает зависимую часть. Исключение составляет приведенный ниже пример, в котором **иже** стоит не в начале зависимой части, а внутри ее:

рече же имъ. нъ нынѣ **иже** иматъ вълагалиште да възьметъ также и пиру. и **иже** не иматъ да продасть ризу свою и коупитъ ножъ (Мар. 299).

⁵² Э. И. Коротаева, Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века, стр. 16.

Положение подчинительного союза внутри придаточного предложения отмечает и Э. И. Коротаяева в русских памятниках XVII века. При этом она полагает, что в этих случаях еще отчетливее выступает паратактический строй предложения.⁵³

Тем более паратактичность речи можно отметить в данном случае, где **иже** еще нельзя рассматривать как союзное слово.

В рассматриваемых конструкциях, наряду с определительными отношениями, существуют отношения условия и следствия, так как последующая (главная) часть обусловлена предыдущей (зависимой). Поэтому провести четкую дифференциацию условных и препозитивных относительных конструкций почти невозможно. Такая же особенность была характерна и для древнерусского языка.⁵⁴ Нередко на условное значение этих предложений указывает союз **аще**, стоящий после относительного местоимения **иже**. Т. П. Ломтев пишет, что такое «словоупотребление может свидетельствовать о недостаточной семантической яркости каждого этого союза в отдельности».⁵⁵ Я. Бауэр считает, что старославянские выражения **иже аште** являются кальками с греческого языка, поэтому обобщающая функция **ašte** оказывается вторичной и неидиоматической.⁵⁶

амин **глю** вамъ. **иже аште** не приметъ црствѣ **бжиѣ**. **ѣко** отроча не имать вѣнити въ не (Мар. 155).

речено же бысть. **иже аште** поустить жену свою. да дасть ей кѣнигы распоустына (Мар. 12).

Глю же вамъ. **ѣко иже аще** поустить жену свою. развѣ словесе прѣлюбодѣина. творить **ю** прѣлюбы творити. і жени **са** подѣбѣгою прѣлюбы творить (Мар. 66, Остр. 74).

Союз **ѣко**, стоящий перед относительным местоимением **иже**, по мнению И. Курца, никакого дополнительного оттенка в конструкцию не вносит, так как по своему значению он близок к частице **вог**.⁵⁷

Главная часть может быть оторвана от зависимой другим предложением, что также ослабляет их связь.

иже бо аште напоить вы чашу воды. въ **има** **ѣко** хръстовови есте. амин **глю** вамъ. не погоубить мѣзды своеа (Мар. 152, Остр. 249).

Две относительных части сложной конструкции, начинающиеся с **иже аще**, соединяются между собой сочинительным союзом **и**:

⁵³ Там же, стр. 27.

⁵⁴ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв., стр. 167.

⁵⁵ Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка. Изд. МГУ, 1956, стр. 535.

⁵⁶ Я. Бауэр, К вопросу о происхождении союзов. Sbornik prací filosofické fakulty Brněnské university, ročn. IX A8, 1960, стр. 6.

приемъ отроча постави е по срѣ (дѣ) ихъ и обѣмъ е рече имъ. **иже аште** едино таковыхъ отрочать прииметь въ има ное. **ма** приимлетъ і **иже** аще мене приимлетъ. не мене приимлетъ нъ посылавъшааго **ма** (Мар. 152, Остр. 248).

не тако оубо **будетъ** въ васъ. нъ **иже аще** хоцетъ ваштии быти въ васъ. да **будетъ** вамъ слоуга. і **иже аще** хоцетъ въ васъ быти прѣднии. да **будетъ** вамъ рабъ... (Мар. 72, Остр. 136).

глаше же къ всѣмъ... **иже бо аште** хоцетъ дшу свою съпати погоубить ю. і **иже аште** погоубить дшу свою мене ради спстъ ю (Мар. 235, Остр. 224).

Во второй части сложной конструкции союз **аще** может и не повторяться.

Поминаите жену лотову. **и иже аще** възштитъ дша своеа. ю спсти погоубить ю. і **иже** погоубить ю живить ю (Мар. 278).

Горе вамъ вожди слѣпни глѹштеи. **иже аще** клънетъ ѡа црквю. ничтоже естъ. **а иже** клънетъ сА златомъ црквнымъ длъжень естъ (Мар. 84).

И, наоборот, во второй части сложной конструкции стоит один союз **аще**, а местоимение **иже** отсутствует.

гла имъ. **иже аште** поуштитъ жену свою. і оженить са иною прѣлюбы творить на ю. і **аште** жена поуштыши мужа посагнетъ за инъ прѣлюбы творить (Мар. 154).

б) Относительное местоимение в форме косвенных падежей.

Предложения с относительными местоимениями в форме косвенных падежей, по сравнению с предыдущими, встречаются реже. При этом падеж относительного местоимения совпадает с падежом, в котором должно стоять определяемое слово:

аминь вѣмъ глѹ тебѣ. ѣко **еже** вѣмъ. глмъ. і **еже** видѣхомъ съвѣдѣтельствуемъ (Мар. 322, Остр. 8).

В данном примере местоимение **еже**, стоящее в винительном падеже, выполняет роль дополнения зависимой части. Оно сочетает в себе две функции — союзного и определяемого слова. Сочинительный союз **и** связывает две конструкции с препозитивной зависимой частью между собой.

В винительном падеже стоит местоимение и в следующих примерах:

еже глѹ вамъ въ тѣмѣ рѣцѣте въ свѣтѣ. і **еже** въ оухо слышите. проповѣдите на кровѣхъ (Мар. 32, Остр. 224).

отвѣшта ис и рече емоу. **еже** азъ творю ты не вѣси нынѣ. разоумѣиши же по сихъ (Мар. 371, Остр. 154).

еже оубо бѣ съчеталь естъ. чкъ да не разлоучаатъ (Мар. 154, Остр. 74).

еже дльжьни бѣхомъ сътвори. сътворихомъ (Остр. 113, Мар. 277).

а еже вамъ глглю. всѣмъ глю. (Мар. 171, Остр. 229).

Рядом с относительным местоимением, выступающим в качестве дополнения, встречается союз аще или слово колиждо.

гла мати его слоугамъ. еже аште глетъ вамъ съворите. (Мар. 319, Остр. 12).

прѣдъ нимъ идете иѣковъ и (и)оанъ. сына зеведеова глюшта емоу. оучителю хоштеве да егоже аще просивѣ сътвориши нама (Мар. 157).

Рече же марѣта къ исоу... нъ нынѣ вѣмъ. ѣко егоже колиждо просиши оу ба дасть тебѣ бѣ (Мар. 282, Остр. 138).

Главная часть может быть отделена от зависимой другим предложением:

... рече емоу прилежи емъ. и еже аште прииждивеши. азъ егда възвращу са въздамъ ти (Мар. 244, Остр. 103).

Между главной и зависимой частью отмечен союз и.

отвѣштавъ же ис рече имъ. въпрошу вы и азъ единого словесе. еже аште речете мнѣ и азъ вамъ реку. коею властью си творю (Мар. 75).

Придаточное предложение имеет скорее не определительное, а условное значение, а союз и по своему значению приближается к соотносительному слову то. Наличие еще одного придаточного (дополнительного), относящегося к главному азъ вамъ реку, вероятно, и лишает первое придаточное определительного оттенка.

в) Среди рассматриваемых конструкций отмечено несколько примеров, в зависимой части которых имеется имя существительное, согласующееся в роде, числе и падеже с относительным местоимением.

рече емоу ис. оубо свободни суть снве. нъ да не съблзнимъ ихъ. шедъ въ море възврзи удицу. и юже имееши прѣжде рыбу възми и отвръзъ оуста еи. и обратиши статиръ (Мар. 60, Остр. 72).

сего ради глю вамъ всѣкъ грѣхъ и хоула отпоуститъ са чловѣкомъ. а же на дхъ хоула не отпоуститъ са члкмъ (Мар. 39, Остр. 69).

и глаше имъ. блюдете са чѣто слышите. въ нюже мѣру мѣрите намѣритъ са вамъ. и приложитъ са вамъ слышаштиимъ (Мар. 128).

Рече гъ. не осужаите да не осуждени будете имже бо судомъ судите судитъ са вамъ (Остр. 59, Мар. 18).

Эти конструкции также свидетельствуют о грамматической

неоформленности относительной связи, но, в отличие от предыдущих, в них уже появляется слово, уточняющее значение нерасчлененного относительного местоимения.

Проведенный анализ предложений с атрибутивной зависимой частью в памятниках старославянского языка позволяет сделать некоторые выводы:

1. В исследуемом материале значительно преобладает позиция (включая интерпозицию) зависимой части над препозицией.

2. Среди рассматриваемых конструкций, в первую очередь, следует выделить конструкции без определяемого слова. Для них характерна недифференцированность главной и зависимой частей, так как относительное местоимение сочетает в себе в нерасчлененном виде функцию союзного слова и указательного местоимения. При этом в конструкциях, в которых наблюдается логическое несоответствие падежа относительного местоимения падежу определяемого слова, по всей вероятности, первоначально и создавались условия для появления соотносительного слова в главном предложении.

3. В зависимой части может находиться имя существительное, полностью согласующееся с местоимением. Однако и в таких случаях местоимение отличается, вероятно, нерасчлененностью своего значения.

4. Наряду с конструкциями без определяемого слова, в которых относительное местоимение сочетает в себе функцию и указательного местоимения, и союзного слова, встречаются предложения переходного характера от сочинения к подчинению.

5. Наличие определяемого слова в главном предложении свидетельствует о дальнейшем развитии подчинительных связей и их более четком грамматическом оформлении. Оно устраняет диффузность относительного местоимения, которое начинает восприниматься уже как союзное слово. Широкое распространение конструкций с определяемым словом в исследуемом материале говорит о том, что относительная связь в старославянском языке была достаточно развита.

6. О развитии подчинительных отношений в рассматриваемый период свидетельствуют также случаи несогласованного употребления относительного местоимения, встречающиеся в Остромировом евангелии и отсутствующие в Маринском.

Список сокращений

Мар. — Маринское четвероевангелие, с примечаниями и приложениями И. В. Ягича, СПб., 1883.

Остр. — Остромирово евангелие (1056—1057 года) с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым, СПб., 1843.

УПОТРЕБЛЕНИЕ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

На материале памятников старославянского языка

Е. И. Гурьева

Соотносительные слова являются важным элементом в структуре сложного предложения. Более того, вся система соотносительных слов тесно связана с эволюцией этих конструкций.¹ О значении соотносительных слов в подчинении предложений в современном русском языке упоминается в ряде исследований. А. Н. Суровцев указывает, что они играют ведущую роль в «превращении главного предложения в составную часть сложной конструкции, в ликвидации главного как самостоятельного предложения».² Указательные слова, по выражению В. В. Бабайцевой, создают особенность структуры главного предложения, усиливают его связь с придаточным и являются одним из лексико-грамматических средств подчинения.³ Как своеобразное союзное средство, вводимое в сложное предложение для осуществления более тесной связи между главной и придаточной частью, рассматривает соотносительные слова В. К. Покусаенко.⁴

Ценные замечания о роли соотносительных слов в процессе формирования подчинительных конструкций в древнерусском языке мы находим в работах Б. В. Лаврова⁵ и особенно Э. И. Коротаевой, которая полагает, что «в процессе формиро-

¹ В. Н. Мигирин, Эволюция придаточного и различные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке. Автореферат докт. дисс. Симферополь, 1955, стр. 44.

² А. Н. Суровцев, Функции придаточных причины в современном русском языке. Ученые записки ЛГУ, № 180, серия филологических наук, вып. 21, 1955, стр. 192.

³ В. В. Бабайцева, Роль указательных слов в подчинении предложений. Сб. «Вопросы русского языка и методики его преподавания». Курск, 1960, стр. 24.

⁴ В. К. Покусаенко, Сложноподчиненные предложения с придаточным места в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. М., 1962, стр. 10.

⁵ См. Б. Н. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. Л., 1941.

вания системы подчинительных конструкций роль соотносительных и ссылочных средств значительна: иногда они служат единственным средством уточнения взаимоотношений частей сложного предложения». ⁶

Общепризнанно, что соотносительные слова появились в языке в период становления подчинительных конструкций и служат показателем их недостаточной оформленности, а, следовательно, недостаточной развитости подчинительных функций у союзов и союзных слов. В. Н. Ярцева пишет, что корреляция — «это средство передать связи подчинения при недостаточно развитых формах выражения этих связей». ⁷ И далее: «Корреляция указывает нам, что функции подчиняющих союзов были еще недостаточно четко определены и что эти последние нуждались в подкреплении, поддержке, которую и давала коррелирующая частица». ⁸ Позднее, когда подчинительные союзы, развиваясь, дифференцируясь и уточняя свою семантику, берут на себя роль основных показателей подчиненности, употребление соотносительных слов постепенно сокращается. Б. В. Лавров считает, что начало процесса их отпадения относится к далекому прошлому. «Так именно и нужно понимать тексты из др.-рус. письменности с подчинительным союзом, но без соотносительного слова, как уже некоторое отступление от первоначального строя подчинения с особыми союзами, где первоначально был и подчинительный союз и соотносительное слово». ⁹

Рассмотрим употребление соотносительных слов в памятниках старославянского языка. В работе приводятся все примеры с соотносительными словами, встретившиеся в Остромировом и Мариинском евангелиях.

Соотносительные слова в сложных предложениях с постпозицией придаточного

В роли соотносительных слов в указанных конструкциях чаще всего выступают указательные местоимения. По мнению П. П. Якубинского, в древнерусском языке, как и в любом другом, они могли употребляться в двух оттенках значения, двух функциях: в собственно указательной и соотносительной, релятивной, анафорической. ¹⁰ При этом, как замечает В. Л. Покусаенко, между указательным местоимением, выступающим в ка-

⁶ Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.—Л., 1964, стр. 36.

⁷ В. Н. Ярцева, Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., 1940, стр. 11.

⁸ Там же, стр. 11.

⁹ Б. В. Лавров, Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 19.

¹⁰ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка. М., 1953, стр. 195.

честве соотносительного слова, и придаточным предложением устанавливаются отношения тождества. Значение тождества заложено уже в самом значении этих слов.¹¹

а) Среди конструкций с постпозицией придаточного можно выделить такие, в которых в качестве соотносительного слова выступает указательное местоимение **тъ** (**та**, **то**). При этом важно отметить, что местоимение **тъ** в большинстве случаев встречается в предложениях, в которых наблюдается несовпадение падежа относительного местоимения и соотносительного слова. Въ оутрѣи днь народъ иже стоѣаше об онъ поль морѣ видѣвъ ѣко корабль иног не бѣ тоу. тѣкмо единъ **тъ**. въ **нѣже** вниду оученици его (Мар. 337, Остр. 16).

В данном примере указательное местоимение **тъ** выступает субстантивированно в качестве замены имени существительного **корабль** и выполняет роль подлежащего главного предложения. Относительное местоимение стоит в винительном падеже и является дополнением придаточного предложения. Оно согласуется с указательным местоимением только в роде и числе, в то время как падеж его зависит от управления глагола-сказуемого придаточного предложения.

В следующем примере указательное местоимение также выполняет функцию подлежащего главного предложения, но, в отличие от предыдущего, оно стоит не непосредственно перед придаточным, а оторвано от него сказуемым.

нападъ же **тъ** тако на прѣси исвы гла емоу ги кто есть. отвѣшта ис. **тъ** есть **емоуже** азъ омочъ хлѣбъ подамъ (Мар. 373).

Указательное местоимение может выступать в форме косвенных падежей, как и союзное слово, но согласование их опять-таки наблюдается только в роде и числе, сами же косвенные падежи не совпадают.

азъ о сихъ молю. не о всемъ мирѣ молю. нѣ о тѣхъ **аже** даль еси мнѣ. ѣко твои **суть** (Мар. 385, Остр. 174).

Рече же къ оученикомъ не възможно есть да не придуть сканѣдали. горе же **тому** **имѣже** придуть (Мар. 274).

и ти оумълчаша и никоумоуже не възвѣстиша въ ты дни ничесоже о тѣхъ. **1-аже** видѣша (Остр. 284, Мар. 237).

В последнем предложении в Мариинском евангелии стоит местоимение **еже**, т. е. вместо множественного употреблена форма единственного числа.

И только в одном случае отмечено совпадение падежей соотносительного слова и относительного местоимения:

¹¹ В. К. Покусаенко, Синтаксические связи придаточной части сложноподчиненного предложения. «Русский язык в школе», 1962, № 1, стр. 25.

отвѣща ӣсѣ и рече имъ. се естѣ дѣло бжїе. да вѣроуиѣ **въ**
тъ егоже посылѣ оны (Мар. 338, Остр. 19).

Указательное местоимение может выступать при существительном в роли его определения.

Блаженъ **рабъ** **тъ. егоже** пришедь гѣ свои обратиѣ тако
творашта (Мар. 91, Остр. 147).

Блажени **раби** **ти. аже** гѣ пришедь обратиѣ бѣдашта
(Мар. 256, Остр. 107).

Местоимение **тъ (ти)** служит для большего уточнения, конкретизации выражаемых логических отношений между частями сложного предложения. Оно так же, как и имя существительное **рабъ (раби)**, стоит в именительном падеже.

Указательное местоимение может также стоять в препозиции по отношению к имени существительному и даже быть оторвано от него.

разоумѣ же (о)оцѣ. ѣко **та** бѣ година. **въ нюже** рече емоу ис
ѣко снѣ твои живѣ естѣ (Мар. 330, Остр. 19).

Характерно, что отрыв местоимения **та** от имени существительного **година** имеется только в Мариинском евангелии. Возможно, это и не случайно, так как удаление указательного местоимения от имени существительного свидетельствует о более древнем характере данных конструкций.

Указательное местоимение, выступающее в качестве определения при существительном, встречается и в форме косвенных падежей. При этом падеж его также не совпадает с падежом союзного слова.

снѣ же члвѣчскы идиѣтъ. ѣкоже естѣ писано о немъ. горе же
члвку томоу имъже снѣ чскѣ прѣдаѣтъ са (Мар. 99, Остр. 158).

и снѣ оубо члчскы по нареченоумоу идиѣтъ. обаче горе **члвкоу**
томоу имъже прѣданѣ будѣтъ (Мар. 298).

и быстѣ егда са възврати. приимѣ црствїе и рече да пригласиѣ
емоу **рабы ты. имъже** даѣтъ сѣребро. да оувѣстѣ каку
коуплю сугѣ сѣтворили (Мар. 285).

Горе всемоу миру отъ сканѣдѣлъ. неволѣ бо естѣ прити
сканѣдаломъ. обаче горе **члкоу томоу. имъже** сканѣдаль приходиѣтъ
(Мар. 61, Остр. 72).

б) Роль соотносительного слова может выполнять также указательное местоимение **съ**:

и начаса помышлѣти кнїижъници и фарисѣи глшѣте. кѣто
естѣ **съ иже** глѣтъ власфимию (Мар. 212, Остр. 91).

Наличие местоимения **съ** подчеркивает, что данное лицо находится вблизи; указание на это отсутствовало в конструкциях

типа **кѣто естъ иже** . . . , так как в данном случае **иже** объединяет в себе значения союзного слова **который** и указательного местоимения **тот**, обозначающего предмет или лицо, находящееся не вблизи, а несколько отдаленно.¹² Местоимение **съ** в приведенной конструкции стоит непосредственно перед союзным словом, выступающим в качестве подлежащего придаточного предложения.

В двух случаях соотносительное слово оторвано от придаточного определительного:

а **си суть** сѣннии на добрѣ земли. **иже** слышать слово и приемлють е. и плодаты сА на три десати и шесть десать сѣто (Мар. 128).

и начаса възлежашей съ нимъ глати въ себѣ. кто **съ** естъ **иже** и грѣхы отъпоуштаатъ (Мар. 225).

Характерно, что в Остромировом евангелии в последнем предложении вместо **иже** стоит **і-ако**:

и начаша възлежашей съ нимъ глати въ себѣ кѣто **съ і-есть і-ако** и грѣхы отъпоушца-еть (Остр. 223).

Это свидетельствует о том, что **і-ако** мог выступать в относительных конструкциях в значении союзного слова.

В других предложениях, в отличие от предыдущих, падеж относительного местоимения не совпадает с падежом соотносительного слова:

і рече предъ іоана азъ оуслѣкнувъ. кто же естъ **съ о немъже** азъ слышу таковаа . . . (Мар. 234).

Реша же отъ оученикъ его къ себѣ. что естъ **се еже** глеть намъ. въ малѣ и оузърите ма і ѣко иду къ отцю (Мар. 382, Остр. 50).

і отвъшставъ ись рече къ нимъ. ни ли **сего** есте чѣли **еже** сътвори двдъ. егда възалка сА самъ. и иже съ нимъ бѣаху (Мар. 215, Остр. 93).

Местоимение **съ** встречается также при имени существительном в роли его определения:

рече же къ нима. чѣто суть **словеса си. о нихъже** сътазаата сА къ себѣ идуца. і еста драхла (Мар. 309, Остр. 4).

съ приде къ немуо ноштию и рече емоу раввию. вѣмъ ѣко отъ ба пришелъ еси оучитель. никтоже бо не можетъ **знамени сихъ** творити. **ѣже** ты твориши аште не бѣудеть бѣ съ нимъ (Мар. 321, Остр. 7).

¹² Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, стр. 192-193.

онъ же начать ротити саи клати са. ꙗко не вѣмъ члѣвка сего егоже глте (Мар. 178, Остр. 292).

І бысть ꙗко отиду отъ нихъ англи ннбо. и члѣвци пастыри рѣша прѣидѣмъ друогъ къ друогу. оубо до витлеема. і видимъ глѣ съ бывъшии. иже сказа намъ гъ (Мар. 197, Остр. 250).

в) В роли определяемого слова иногда выступает указательное местоимение он в форме косвенных падежей.

коль узъка врата. и тѣснъ путь въводи въ животь и мало ихъ естъ. иже и обрѣтають (Мар. 19, Остр. 230).

отче стын. съблуди а въ има твои-е аже далъ і-еси мнѣ да будутъ і-едино і-акоже и мы (Остр. 48, Мар. 385).

і паки друогыа кнѣигы глѣють. възрѣтъ на нь егоже пробаса (Мар. 396, Остр. 201).

г) Относительным словом является определительное местоимение **всь**.

По мнению В. К. Покусаенко, в тех случаях, когда соотносительное слово выражено определительным местоимением, между ним и придаточным предложением устанавливаются отношения общего и частного. При этом «всеобъемлющее значение, которое вне контекста имеет слово **все**, ограничивается более конкретным значением придаточного предложения, таким образом устанавливается настоящий объем значения слова **все** для данного контекста». ¹³

ни възжизади свѣтилникъ (ъ) постави-а-еть і-его подъ спудомъ. нь на (свѣщъ)ъницѣ. да свѣтитъ **всѣмъ иже** въ хра(минѣ) суть (Мар. 11, Остр. 228).

і ть рече къ нима. ѿ несъмысльнаа и мудънаа сдѣмъ. въровати **о всѣхъ ѣже** глаша прци (Мар. 310, Остр. 5).

І възвратиша са пастыри славаше и хвалаше ба. **о всѣхъ еже** видѣша и слышаша. ꙗкоже глано бысть къ нимъ (Мар. 198).

Встретился единственный пример, где в Мариинском евангелии в качестве союзного слова выступает **елико**, а в Остромировом — **і-аже**. Ср.:

параклитъ же дхъ сты егоже посълетъ оцъ въ има мое. ть вы наоуть въсемоу. і възпомѣнетъ вамъ **всѣ еликоже** рѣхъ вамъ (Мар. 377).

... ть вы наоучитъ въсемоу. и възпоманеть вамъ **всі-а і-аже** рекохъ вамъ (Остр. 167).

¹³ В. К. Покусаенко, Синтаксические связи придаточной части сложноподчиненного предложения. «Русский язык в школе», 1962, № 1, стр. 26.

Особый интерес представляет следующая конструкция из Маринского евангелия:

оужась бо одръжааше и. и **вса** **суцаа** съ нимъ о ловитвѣ рыбь **аже аса** (Мар. 211).

В Остромировом евангелии на месте **суцаа съ нимъ** стоит придаточное определительное с союзным словом **иже**, которому в главном предложении соответствует определяемое слово **вса**. Ср.:

оужась бо одръжааше и и **вса** **иже** бѣаху съ нимъ. о ловитвѣ рыбь **аже аша** (Остр. 90).

Этот пример в какой-то степени подтверждает вывод А. Потебни о том, что придаточные определительные могли развиваться на месте причастия с относящимися к нему словами.¹⁴

Соотносительные слова в сложных предложениях с интерпозицией придаточного определительного

Конструкции с интерпозицией придаточного в отношении употребления соотносительных слов имеют некоторые особенности по сравнению с предыдущими предложениями.

а) В этих предложениях в роли соотносительного слова также встречается указательное местоимение **тъ**, выполняющее функцию определения при имени существительном. При этом оно может стоять как после существительного, так и перед ним.

Изиде же **оученикъ тъ**. **иже** бѣ знаемъ архиереови. і рече двьрьници. і въведе петра (Мар. 389, Остр. 178).

тсю бо **мѣрюю еюже** мѣрите възмѣритъ са вамъ (Мар. 218).
та дѣла **ѣже** творю сѣвѣдѣтельствоують о мнѣ. **ѣко** отць **ма** посылъа (Мар. 334, Остр. 15).

Особо нужно остановиться на предложении:

и **та** **въдова** до осми десать и четырь **лѣтъ**. **ѣже** не схождааше постомъ и молитвами слоужашти **день** и **ношь**. і **та** въ съ часъ приставши исповѣдааше са гви. і глаше о немъ. всѣмъ чаюштимъ избавлениѣ въ имѣ (Мар. 200, Остр. 265).

В нем указательное местоимение **та** в роли определения стоит в первой части главного предложения, причем оно оторвано от придаточного другими словами, затем во второй части снова повторяется это же указательное местоимение, представляющее собой анафорическую ссылку на имя существительное **въдова**. Кроме того, часть главного предложения, следующая за придаточным, начинается сочинительным союзом **и**, который свиде-

¹⁴ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 187—188.

тельствует о недостаточной связанности двух частей главного предложения. Вероятно, стремление обеспечить единство всей конструкции и вызывает необходимость повторения соотносительного слова после придаточного определительного.

Однако в большинстве случаев указательное местоимение в роли соотносительного слова стоит только во второй части главного предложения, а в первой находится определяемое слово, выраженное именем существительным, реже другими частями речи. Придаточное предложение следует или непосредственно за определяемым словом, или отделено от него другими членами главного предложения. Определяемое слово употреблено в форме именительного падежа и является подлежащим главного предложения. В том же падеже стоит указательное местоимение. Относительное местоимение выступает в роли дополнения придаточного определительного.

отвѣшта имъ ис. рѣхъ вамъ и не вѣроуйте. дѣла ѣже азъ творю въ има отца моего. та свѣдѣтельствуютъ о мнѣ (Мар. 359, Остр. 36).

п^араклитъ же дхъ сты егоже посылеть оцъ въ има мое. ть вы наутъ всемоу і вспомѣнетъ вамъ всѣ еликоже рѣхъ вамъ (Мар. 377, Остр. 274).

отметади са мене и не приемла гль моихъ иматъ судаштааго емоу. слово еже глахъ то судить емоу въ послѣднии днь (Мар. 370).

Азъ убо кршаю вы водою въ покаани-е. грады бо по мнѣ крѣпльи мене і-есть. і-емоуже нѣсѣмъ достоинъ сапога понести. тьи вы кртитъ дхомъ стымъ и огнемъ (Мар. 7, Остр. 259).

егда же придетъ параклитъ егоже азъ посылю вамъ. отъ отца дхъ истинны. іже отъ отца исходить. ть свѣдѣтельствуюутъ о мнѣ. і вы же свѣдѣествуйте. ѣко искони съ мною есте (Мар. 380, Остр. 170).

В последней конструкции особенно необходима постановка указательного местоимения как анафорическая ссылка на имя существительное, стоящее до придаточного предложения, так как перед второй главной частью находится еще одно придаточное определительное, вводимое относительным местоимением *иже*. Вследствие этого части главного предложения оказываются оторванными друг от друга. Это сложное предложение вообще может служить примером расчлененности предложения на недостаточно грамматически связанные части, так как приложение *дхъ истинны*, относящееся к определяемому имени *параклитъ*, стоит после придаточного, а от этого приложения, в свою очередь, зависит еще одно придаточное определительное *иже отъ отца исходить*.

Еще в большей мере несвязанность отдельных частей сложной конструкции проявляется в следующем примере:

ли **они осмь на десате на наже** паде стлѣпъ силоуамьскѣ. поби **а**. мьните ли ѣко **ти** длѣжнѣише бѣша паче всѣхъ члкъ живуштихъ в ерлмѣ (Мар. 259, Остр. 288).

В данном случае в качестве определяемого слова выступает сочетание указательного местоимения **они** с числительным **осмь на десате**. Соотносительное слово **ти** повторяется уже в другом придаточном дополнительном, которое по смыслу является продолжением главного предложения. В свою очередь второе придаточное зависит от глагола **мьните ли**, стоящего после придаточного определительного.

Падеж указательного местоимения может не совпадать с падежом определяемого имени, стоящего перед придаточным предложением.

еште же емоу глѣштю. се облакъ свѣтель осифа. і се гласъ из облака глѣ. се естъ **снѣ мои възлюблены о немъже** благоизвоихъ. **того** послушанте (Мар. 58, Остр. 285).

глаше народуу. **шесть дънии** і-есть. **въ нѣ-аже** достоить дѣлати. **въ ты** оубо приходаше цѣлите са а не въ днь суботънии (Остр. 105, Мар. 260).

Особый интерес представляет следующий пример:

отвѣща имъ иоанъ глѣ. азъ крышаю въ водѣ. посрѣдѣ же васъ стоить **і-егоже** не вѣсте. **тъ** і-есть грады по мнѣ. і-ако і-есть пѣрвѣи мене бѣ. **і-емоуже** нѣсмъ достоинъ да отрѣшу ремень сапогу і-его (Остр. 4, Мар. 316).

Здесь мы имеем как бы две конструкции. В первой из них отсутствует определяемое слово (посрѣдѣ же васъ стоить **егоже** не вѣсте), при этом падеж относительного местоимения не совпадает с падежом, в котором должно было бы стоять соотносительное слово. Однако вторая конструкция начинается именно с этого соотносительного слова, выраженного указательным местоимением **тъ** (среди вас стоит (тот), которого вы не знаете. Он-то и идет ко мне...). Относительное местоимение, объединяющее в предыдущем предложении функцию указательного местоимения (**тот**) и союзного слова (**которого**), как бы расчленилось. К определяемому слову **тъ** во второй конструкции относится два придаточных определительных, первое из которых вводится союзом **і-ако**, имеющим значение **который**, второе начинается относительным местоимением **і-емоуже**.

Перед указательным местоимением, находящимся во второй части главного предложения, встречается сочинительный союз **и**:

нынѣ разоумѣша всѣ елико далъ еси мнѣ отъ тебе **суть**. ѣко **глы** аже далъ еси мнѣ дахъ (тъ) имъ. і **ти** приа са (Мар. 385, Остр. 47).

І **ины овъца** имамъ. Аже не **суть** отъ двора сего. І **ты** ми подобаать привести (Мар. 358, Остр. 214).

Въ врѣма оно въходашоу входящоу иусви въ вьсь нѣкую и сѣрѣте и. ·. **прокаженъ мужъ иже** сташа издалече и ти възнесоша гласъ глѹще ... (Остр. 109, Мар. 276).

І се приде **мужъ** къ исоу. **емоуже бѣ** има наиръ. і ть кѣназь сѣньмишту бѣ. і падъ при ногоу исоу. молѣаше и вѣнити въ домъ свои (Мар. 231).

Члкъ етеръ бѣ богатъ. **иже** имѣаше приставникъ. і ть оклеветанъ бысть къ немуу. ꙗко растачаа имѣние его. і призывавъ рече емоу (Мар. 270—271).

Рассмотренные конструкции по своей структуре неоднородны. Среди них выделяются такие, в первой части которых обычно находится одно определяемое имя. Это предложения типа **дѣла ѣже азъ творю въ** има отца моего. **та** свѣдѣтельствууть о мнѣ (Мар. 359, Остр. 36). В других конструкциях часть главного предложения, стоящая до придаточного, представляется логически более законченной. Ср.: **Члкъ етеръ бѣ богатъ. иже** имѣаше приставникъ. і ть оклеветанъ бысть къ немуу... (Мар. 270—271).

Употребление плеонастического местоимения, т. е. местоимения, которое является лишним с точки зрения современного русского языка, было отмечено в древнерусских памятниках еще А. А. Потебней. При этом прообразом оборотов с плеонастическим местоимением он считал именительный самостоятельный с аппозитивным причастием, а также именительный самостоятельный в виде существительного, за которым следует местоимение. (Например: А князь Андрѣй Михайлович Шуйской, а онъ былъ злодѣй).¹⁵ Рассматривая конструкцию, состоящую «из самостоятельного подлежащего с развитым придаточным предложением при другом подлежащем главного сказуемого» типа **конь, егоже любиши и ѣдиши на немъ. отъ того ти оумрети**, А. А. Потебня пишет: «Действие такого построения состоит в том, что оно сосредотачивает внимание на первом именительном, выдвигая его из ряда прочих членов предложения».¹⁶

В. А. Иванова, исследуя конструкции с плеонастическим употреблением местоимений в современном русском языке, вслед за А. А. Потебней указывает, что синтаксическое значение подобных местоимений состоит в подчеркивании, акцентировании внимания говорящего.¹⁷ М. В. Федорова справедливо добавляет,

¹⁵ См. А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 203—204.

¹⁶ Там же, стр. 204.

¹⁷ См. В. А. Иванова, О конструкциях с плеонастическим употреблением местоимений в современном русском языке. Ученые записки Волгоградского пед. института им. А. С. Серафимовича, вып. 14, 1961, стр. 46.

что «местоимение грамматически освобождает имя, делает его формально свободным от участия в синтаксической организации предложения». ¹⁸

Исследователи древнерусского языка (А. И. Сумкина, Н. А. Широкова, Г. Н. Акимова) приводят случаи с повторением указательного местоимения в конструкциях с союзными словами, происходящими из вопросительных местоимений. По мнению А. И. Сумкиной, подобные предложения соединяют в себе черты конструкций с препозитивной и постпозитивной зависимыми частями. Она высказывает предположение, что такие конструкции «являлись одной из переходных ступеней от предложений с препозитивной зависимой частью к предложениям с постпозитивной зависимой частью». ¹⁹ Г. Н. Акимова считает, что причиной появления двух определяемых слов — существительного, стоящего до зависимой части, и указательного местоимения во второй главной части — является «значительная распространенность всей конструкции и интерпозиция придаточного». ²⁰ Несомненно, что такая синтаксическая структура отражает недостаточную связанность древнерусской речи, ее способность распадаться на отдельные отрезки. ²¹

Предложения с плеонастическим местоимением отмечает и В. Н. Ярцева в английском языке. По ее мнению, исходными для данных конструкций были два самостоятельных, логически как-то связанных между собой предложения. Затем в одном из них появляется указательное местоимение, развившееся в дальнейшем в относительное. «При приобретении этим указательным элементом функций относительного местоимения <...> получилось придаточное относительное предложение, но личное местоимение во втором предложении, когда-то самостоятельном, но сейчас, благодаря перегруппировке, ставшем лишь второй частью главного предложения, естественно оставалось некоторое время как пережиток, реликт старой конструкции». ²² Кроме того, повторение плеонастического местоимения обусловлено, по ее словам, и «общей неувязкой в построении всего предложения

¹⁸ М. В. Федорова, Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1965, стр. 23.

¹⁹ А. И. Сумкина, К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. Труды Института языкознания, т. V, 1954, стр. 191.

²⁰ Г. Н. Акимова, Определительно-описательные предложения с относительным местоимением *который* (По материалам научной прозы М. В. Ломоносова). Ученые записки ЛГУ, № 235, серия филологических наук, вып. 38, 1958, стр. 93.

²¹ Н. А. Широкова, Относительное подчинение в русском литературном языке XVII века. Ученые записки Казанского гос. университета им. В. И. Ульянова-Ленина, т. 112, кн. 6. Сборник работ кафедры русского языка, 1952, стр. 87.

²² В. Н. Ярцева, Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., 1940, стр. 38.

в целом, из-за которого возникает опасность потери общего смысла, благодаря нагромождению придаточных предложений». ²³ Интересно, что такие конструкции автор считает переходными от сочинения к подчинению. ²⁴

Выводы В. Н. Ярцевой могут быть использованы при объяснении сходных явлений и в старославянских памятниках. Поэтому можно говорить в какой-то степени о единых путях становления сложного предложения в индоевропейских языках.

В исследуемом материале встречаются конструкции без придаточного предложения, которые, на наш взгляд, представляют интерес для понимания рассмотренных выше примеров с указательным местоимением во второй части главного предложения.

1) Это случаи с причастным оборотом и указательным местоимением типа:

и посылavy MA отцъ. ть съвѣдѣтельствъ(а) о мнѣ (Мар. 334, Остр. 15).

ѣко азъ о себѣ не глахъ. нъ послavy MA отцъ. ть мнѣ заповѣдь дасть (Мар. 370).

отцъ же прѣбываи въ мнѣ ть творить дѣла (Мар. 375, Остр. 46).

онъ же отъвѣщавъ рече. омочивыи съ мнѡЮ въ солило рукѹ ть MA прѣдасть (Остр. 158, Мар. 99).

имѣаи заповѣди моа и съблюдаа А. ть естъ любаи MA. (Мар. 376, Остр. 166).

и азъ не вѣдѣахъ его. нъ посылavyи MA крѣститъ въ водѣ. ть мнѣ рече (Мар. 317, Остр. 261).

гдаи о себѣ славы своеа иштеть. а иштаи славы посылавъшаго и. съ истиненъ естъ (Мар. 343, Остр. 261).

аминъ амнь глЮ вамъ. не вѣходаи двѣрьми въ дворъ овъчии. нъ прѣлаза инудоу. ть тать естъ и разбоиникъ (Мар. 356, Остр. 35).

Вероятно, на месте причастия с относящимися к нему словами в таких конструкциях могли развиваться придаточные определительные, а вторая часть с указательным местоимением сохранялась без изменения и в дальнейшем. Поэтому в предложениях с интерпозицией придаточного имеется два определяемых слова, из которых второе, стоящее после придаточного, обязательно указательное местоимение.

2) Но отмечены и примеры другого типа:

се елисаветъ ужика твоѣ. і та зачатъ сна въ старость свсю (Мар. 192, Остр. 270).

²³ Там же, стр. 39.

²⁴ Там же, стр. 37.

се мужь именовъ нарицаемъ закъхен. і съ бѣ старѣи мы — гаремъ. і тѣ бѣ богатъ. і искаше видѣти іса кѣто естъ. і не можааше народомъ (Мар. 283, Остр. 113).

и гласъ бысть из облака гла се і-есть снѣ мои възлюблены. того послушайте (Остр. 284, Мар. 237).

Интересно отметить, что в последнем предложении в евангелиях встречается и придаточное определительное. Ср.:

се гласъ из облака гла. съ естъ снѣ мои възлюблены. **о немъ же благоизволихъ**. того послушайте (Мар. 58, Остр. 285).

Этот факт в какой-то мере может свидетельствовать о том, что придаточные определительные, по-видимому, могли появиться и в подобного рода конструкциях. Эти случаи объясняют также и наличие указательного местоимения, стоящего после придаточного предложения.

б) Реже в роли определяемого слова встречается указательное местоимение **съ**.

посъласте же сестрѣ его къ нему глѣшти. гѣ **се** егоже любииши болить (Мар. 300, Остр. 136).

Здесь местоимение **се** выступает субстантивированно в функции подлежащего главного предложения в значении мужского рода. Относительное местоимение **егоже** стоит в косвенном падеже и является дополнением придаточного определительного.

В следующем примере указательное местоимение употребляется в качестве дополнения главного предложения, но части этой конструкции представляются недостаточно связанными между собой.

і единѣмъ глѣштемъ о цркви. ѣко каменемъ добромъ и съсуды оукрашена естъ. рече. **си ѣже** видите. придутъ днье въ наже не останеть. камень на камне. иже не разорить са. (Мар. 293).

(Буквальный перевод: и когда некоторые говорили о церкви, что она хорошими камнями и вкладками украшена, он сказал: то, что вы видите, придут дни, в которые не останется камень на камне, который не разорится).

Местоимение **съ** в функции определения при имени существительном:

отвѣщаша имъ фарисѣи. еда и вы прѣльштени бисте. еда кто отъ князь во нь. ли отъ фарисѣи нь **народось**. **іже** не вѣсть закона проклати сугъ (Мар. 346, Остр. 55).

Соотносительное слово **съ** встречается также в начале второй части главного предложения:

Онъ же възрѣвъ на на рече. что оубо писаное се. **камень** егоже неврѣдоу сътвориша зиждаштеи. **съ** бысть въ глву угълоу (Мар. 289, Остр. 79).

Падеж определяемого имени **камень**, как и соотносительного слова **съ**, не совпадает с падежом относительного местоимения **егоже**, являющегося дополнением придаточного предложения. Аналогичен этому и следующий пример:

Въ врѣма оно. бѣ нѣкни **цесарь мужь** **і-егоже сынъ** болѣше въ каперѣнаоумѣ. **съ** слышавъ **і-ако** **исоусъ** приде отъ **июдеи-а** въ **галилею** иде къ **немоу** (Остр. 18, Мар. 329).

В одном случае падеж определяемого имени существительного, а также указательного местоимения совпадает с падежом союзного слова.

приде **члкъ** **богаты** отъ **ариматеа**. **именемъ** **иосифъ** **иже** и **тъ**. **оучиса** **оу** **иіса**. **съ** **приступль** къ **пилатоу** **проси** **тѣла** **иісова**. (Остр. 202, Мар. 110).

В отличие от предыдущего предложения, придаточное определительное в этом примере отделено от определяемого слова целой группой слов.

Соотносительное слово может находиться и в середине второй части главного предложения.

вѣроуаи въ **ма** **дѣла** **і-аже** азъ **творю**. и **тъ** **сътворить** и **больша** **сихъ** **сътворить** (Остр. 166, Мар. 375).

Остановимся на следующей конструкции:

се **мужь** **именемъ** **иосифъ**. **свѣтъникъ** **сы**. **мужь** **благъ** и **правденъ**. **съ** не бѣ **присталъ** **свѣтъ** и **дѣлѣ** **ихъ**. отъ **ариматѣа** **града** **июдеиска**. **иже** **чааше** и **тъ** **цсарствиѣ** **бжиѣ**. **съ** **приступъ** къ **пилатоу** **испроси** **тѣло** **исво** (Мар. 307).

В данном примере в части главного предложения, находящейся до придаточного, стоит два определяемых слова, одно из которых имя существительное **мужь**, другое — указательное местоимение **съ**. По всей вероятности, постановке этого **съ** способствовал тот факт, что определяемое имя существительное имеет при себе распространенное определение, которое оторвало другие члены этой части от подлежащего **мужь**. Отрыв определяемых слов от относительного местоимения свидетельствует о недостаточном развитии подчинительных отношений.

Еще более слабую связь составных частей можно отметить в такой конструкции:

і се бѣ **чкъ** въ **илмѣ**. **емоуже** **има** **сумеонъ**. і **чкъ** **съ** **правденъ** и **чъстивъ** **чаа** **оутѣхы** **издрвы**. і **дхъ** бѣ **стъ** въ **немъ** (Мар. 198, Остр. 264).

Имя, определяемое придаточным в начале конструкции, в последней части повторяется вместе с указательным местоимением **съ**, которое выступает уже не как заместитель определяемого слова **чкъ**, а в качестве его определения. Определяемое

имя стоит перед придаточным в том же падеже, в котором оно употребляется и во второй части. Относительное местоимение **емоуже** является второстепенным членом придаточного предложения в отличие от определяемого слова, выступающего в функции подлежащего главного предложения. Наличие сочинительного союза **и** после придаточного предложения еще больше расчленяет сложную конструкцию на самостоятельные отрезки, указывает на паратактичность речи.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что отсутствие «подлинного единства и централизации»,²⁵ характерное для древнего индоевропейского предложения, находит отражение и в старославянском языке.

Иногда определяемое имя существительное перед придаточным бывает опущено, а имеется лишь одно указательное местоимение во второй части главного предложения.

мъного имамъ о васъ глати и судити. нъ посылавы ма истиненъ естъ. і азъ ѣже слышахъ отъ него си глѣю въ мирѣ (Мар. 349, Остр. 28).

в) В роли соотносительного слова выступает указательное местоимение **онъ** в формах косвенных падежей. Перед придаточным обычно стоит определяемое слово, выраженное именем существительным.

рече же исъ петрови. внъзи ножъ въ ножъницу. Чашу юже дасть мнѣ отцъ не имамъ ли пити еа. (Мар. 388, Остр. 177).

дхъ истинъны. егоже миръ не можеть приати. ѣко не видитъ его ни знаать его. вы же знаате и. ѣко въ васъ прѣбываать. и въ васъ будеть (Мар. 376, Остр. 166).

се отрокъ мои і-егоже изволихъ възлюбл і-ены мои. на нъ же благоволи дша мои-а (Остр. 245, Мар. 38).

сию же дъштеръ аврамлѣ сушту юже съваза сотона се осмое на десате лѣто. не достои-аше ли раздрѣшити еа отъ узы въ день соботны (Мар. 260, Остр. 105).

г) В конструкциях с интерпозицией зависимой части в качестве определяемого слова встречается определительное местоимение **всѣкъ**. В. К. Покусаенко пишет, что «в сложноподчиненном предложении местоименные указательные слова обобщенно обозначают явления действительности, тождественные тем, которые обозначаются придаточным предложением, конкретизирующим их».²⁶ Г. Н. Акимова отмечает, что местоимение

²⁵ Г. С. Кнабе, Еще раз о двух путях развития сложного предложения. «Вопросы языкознания», 1955, № 1, стр. 112.

²⁶ В. К. Покусаенко, Синтаксические связи придаточной части сложноподчиненного предложения. «Русский язык в школе», 1962, № 1, стр. 25.

всяк отличается от **тот** обобщенностью значения. Если **тот**, по ее мнению, «имеет выделительно-избирательный оттенок, то местоимение **всяк** этой избирательности и единичности не имеет». ²⁷

Употребление определительного местоимения в качестве соотносительного слова свидетельствует о большом обобщении, так как сочетание **всякий, иже** более абстрактно по сравнению с **тот, иже**.

В исследуемых памятниках можно отметить такие конструкции, в которых определительное местоимение согласуется с союзным словом в роде, числе и падеже.

іудеи же въпиѣх(ху) глѹште. аште сего поустиши нѣси другъ кесарови. **всѣкъ иже** са творить црѣ. противить са кесарови (Мар. 393, Остр. 184).

азъ же глѹ вамъ. ѣко **всѣкъ иже** възрѣть на жену съ похотию юже любви сътвори съ нею въ срѣци своемъ (Мар. 12).

і гла имъ. тако ли и вы не разоумиви есте. не разоумѣате ли ѣко **всѣко еже** извъноу въходить въ члѣвка. не можетъ его оскврѣнити (Мар. 142).

отвъѣща ис... **всѣкъ иже** есть истины послоушаатъ гласа моего (Мар. 391, Остр. 182).

і **всѣкъ иже** оставить братрию ли сестры. ли отца ли матеръ. ли жену ли дѣти. ли села ли храмы. імене моего ради. съторицею приметъ. і животь вѣчны наслѣдить (Мар. 69, Остр. 59).

Несколько отличаются от приведенных такие предложения:

і ако же далъ і-емоу і-еси власть всі-акоа плѣти. да **всі-ако і-еже** і-емоу і-еси далъ. дасть имъ животь вѣчныи (Остр. 173, Мар. 384).

всѣкъ иже слышитъ словеса царствіѣ. і не разоумѣваатъ. приходитъ же неприѣзнь (Мар. 43).

Любопытно, что определительное местоимение здесь полностью согласуется с относительным местоимением **иже**. Эту же особенность можно отметить и в других примерах, отличие которых состоит лишь в том, что во второй части главного предложения находится соотносительное слово, выраженное указательным местоимением **он** в различных косвенных падежах.

Всѣкъ оубо **иже** слышитъ словеса моѣ си и творить ѣ. оуподоблю и мужу мудроу (Мар. 20, Остр. 61).

всѣкому же **емоуже** дано бысть много. много изиштеть са отъ него (Мар. 257).

²⁷ Г. Н. Акимова, Сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями *кто* и *что* (на материале научной прозы М. В. Ломоносова). Ученые записки ЛГУ, № 302, серия филологических наук, вып. 61, 1962, стр. 83.

і **всьѣкъ** иже речеть слово на снѣ члвскыи. отъпоуститъ **са** емоу (Мар. 253).

Э. Благова пишет, что местоимение ***јь** может указывать на обособленный член предложения, который чаще всего находится в начале конструкции, после него следует относительное предложение, а затем главное с анафорическим ***јь** в соответствующем падеже.²⁸

В двух случаях после придаточного стоит сочинительный союз **и**:

Глю же вамъ **всьѣкъ** иже колиждо исповѣсть **ма** прѣдъ члвкы. **и** снѣ члвскы исповѣсты **и** прѣдъ. анѣлы бжии (Мар. 253, Остр. 235).

всакъ иже исповѣсть мнѣ прѣдъ члвкы. **и** исповѣмъ **и** и азъ прѣдъ оцѣмъ моимъ. иже есть на небесехъ (Остр. 58, Мар. 32).

Кроме **всьѣкъ**, в функции определяемого слова употребляется определительное местоимение **всь** «как показатель исчерпывающего охвата явлений реального мира, известных говорящему».²⁹

всье **і-еже** дасть мнѣ отць. къ мнѣ придетъ и градуцааго къ мнѣ не иждену **внѣ** (Остр. 20, Мар. 329).

юже не **глю** васъ рабъ. рабъ бо не вѣсть что творить гъ **і-его** вы же рекохъ другы. **і-ако** **вса** **і-аже** слышахъ отъ оца мой-его сказахъ вамъ (Остр. 169, Мар. 379).

сѣбраша **вса**. **аже** обрѣтоша злыа же и добрыа и наплъниша бракъ възлежащихъ (Остр. 81, Мар. 79).

да **всье** **і-еже** дасть мнѣ отць не погоублю отъ н-его. нъ **вскрѣшу** **и** въ послѣдний днь (Остр. 20, Мар. 339).

В последнем примере после придаточного стоит еще одно соотносительное слово, выраженное указательным местоимением **онъ** в форме винительного падежа единственного числа. Кроме того, в Марииинском евангелии вместо **всье** употреблено определительное местоимение **всьѣко**. Уже Ф. И. Буслаев отмечал их близость и взаимозаменяемость в древнейших церковнославянских памятниках.³⁰

²⁸ См. Э. Благова, К значению и употреблению местоимения ***јь** в старославянском языке. «Вопросы славянского языкознания», вып. 7, 1963, стр. 40.

²⁹ М. В. Федорова, Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений, стр. 137.

³⁰ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 339.

Соотносительные слова в конструкциях с препозицией придаточного

В роли определяемых слов в конструкциях с препозицией придаточного определительного главным образом выступают указательные местоимения.

а) Из указательных местоимений в качестве соотносительного слова чаще всего встречается местоимение **тъ**. При этом в четырех случаях относительное местоимение является подлежащим придаточного предложения, согласуясь в роде, числе и падеже с соотносительным словом.

онъ же отъвѣшта имъ. **иже** ма сътвори цѣла. **тъ** мнѣ рече. възми одръ твои и ходи (Мар. 331, Остр. 23).

і призъвавъ снѣ отроча. постави е по срѣдѣ ихъ и рече... **иже** бо са смѣритъ ѣко отроча се. **тъ** есть болей въ црствии нбсцѣмъ (Мар. 61, Остр. 72).

и придоша къ иоану и рѣша емоу равви. **иже** бѣ съ тобою. обонъ поль иордана. і-емоу же ты свѣдѣтельствова. се **тъ** крыша-еть и вси градугъ къ н-емоу (Остр. 9, Мар. 324).

В последнем примере главное предложение оторвано от придаточного еще одним придаточным определительным. При этом в Маринском евангелии вместо **тъ** стоит указательное местоимение **съ**, указывающее на близость действующего лица. Однако имеются и обратные случаи, когда в Маринском евангелии употреблено **тъ**, а в Остромировом — **съ**. Ср.:

... а **иже** сътворитъ и наочитъ. **съ** великъ наречетъ са въ црствии нбснѣмъ (Остр. 213).

иже бо разоритъ едину заповѣдии **сихъ** малыихъ. и наочитъ тако члкъ. мнни наречетъ са въ црствии **бжии**. а **иже** сътворитъ и наочитъ. **тъ** велии наречетъ са въ црствии нбсенѣмъ (Мар. 11).

Появление соотносительного слова **тъ** в данных конструкциях указывает на расчленение относительного местоимения **иже**. При этом в последнем сложном предложении можно проследить два этапа развития относительной связи. В первой части этой конструкции относительное местоимение **иже** еще нерасчлененно совмещает в себе и указательное, и относительное значение. Относительная связь здесь выражена довольно слабо. Во второй части, начинающейся союзом **а**, местоимение **иже** уже расчленено, на что указывает постановка в главном предложении соотносительного слова **тъ**. Причем появлению указательного местоимения, возможно, способствовало противопоставление по смыслу частей сложной конструкции.

Во всех приведенных выше предложениях имеем совпадение падежей относительного и указательного местоимений. В некоторых случаях этого совпадения не наблюдается, например:

і рече кѣ нима. что ѣко искаашета мене. не вѣста ли ѣко **ѣже** суть оца моего **въ тѣхъ** достойтъ ми быти (Мар. 201, Остр. 257).

Еще же емоу глѹшту. се народъ и нарицаемы июда. единъ **тъ** есть. имѣте **и** отъ обою на десате прѣдъ ними идѣаше. и приступи кѣ исви лобъзатъ его се бо бѣ знамение далъ имъ **егоже** лобъжу. **тъ** есть (Мар. 300, Остр. 293).

Одним примером представлена конструкция, в которой перед указательным местоимением находится сочинительный союз **и**: оче. **1-аже** далъ 1-еси мѣнѣ. хошу да иде же 1-есмь 1-азъ **и** **ти** будутъ съ мѣною (Остр. 52, Мар. 387).

Однако здесь между главным и придаточным определительным вставляется другое предложение **хошу да идеже есмь азъ**.

Соотносительное слово, выраженное указательным местоимением **тъ**, встречается также в конструкциях, в которых при относительном местоимении стоит условный союз **аще** в сочетании с частицей **бо**.

І простеръ **руку** на оученикы своа **рече**. се мати моѣ и братръѣ моѣ. **іже бо аще** творить волю **отца** моего **іже** есть на нбсхъ **тъ** братръ мой и сест(р)а и мати есть (Мар. 41).

В этом примере главное предложение отделено от придаточного препозитивного выражением **іже есть на нбсхъ**, которое относится к сложившимся штампам церковной фразеологии. В другой части Мариинского евангелия вместо указательного местоимения **тъ** в подобной конструкции употреблено **съ** (см. Мар. ев., стр. 126).

В одном случае две относительных конструкции стоят рядом и противопоставлены друг другу по смыслу. Соотносительное слово **тъ** употребляется только во второй из них.

іже бо аште хошетъ **дшу** сво(ю) спсти погоубить **ю**. **іже бо аште** погоубить **дшу** свою мене ради и евнѣлиѣ **тъ** спсть **ю** (Мар. 147).

В Остромировом евангелии это противопоставление выражено дополнительно еще противительным союзом **а**, причем условный союз во второй конструкции отсутствует. Ср.:

іже бо аште хошетъ. **дшу** свою съспасти. погоубить **ю**. **а іже** погоубить **дшу** свою мене ради и евангели-а. **тъ** спсть **ю**. (Остр. 131).

Видимо, это свидетельствует о том, что в рассматриваемый

период не всегда существовала четкая дифференциация условных и препозитивных относительных конструкций.

Во всех рассмотренных предложениях как относительное местоимение, так и соотносительное слово выступают в форме именительного падежа. И только в одном примере союзное и соотносительное слово стоят в винительном падеже:

егоже колиждо просите въ **има** мое **то** сътворю. да прославить са оцъ о **снѣ** (Мар. 376, Остр. 46).

Двумя случаями представлены конструкции, в которых падеж соотносительного слова и относительного местоимения не совпадает. Например, в предложении «**нѣ** **еже** **аште** дасть **са** вамъ въ **тѣ** часъ **то** глаголете. не вы бо **будете** глаголюштеи. **нѣ** **дхъ** **сты** (Мар. 169)» местоимение **еже** находится в именительном, а указательное слово **то** в винительном падеже.

В другом примере относительное местоимение стоит в винительном, а соотносительное слово в именительном падеже.

прѣдади же и дасть имъ знамение **гдѣ**. **егоже** **аште** **любжу** **тъ** **есть**. **имѣте** **и** (Мар. 101, Остр. 161).

При этом в данной конструкции к одному придаточному относятся два главных предложения: **тъ** **есть** и **имѣте** **и**.

Соотносительным словом во втором из них является указательное местоимение **онѣ** в форме винительного падежа единственного числа.

б) В функции соотносительного слова, кроме местоимения **тъ** (**та**, **то**), употребляется также указательное местоимение **сѣ**. Соотносительное слово **сѣ**, как и относительное местоимение, может стоять в форме именительного падежа.

и рече имъ... **иже** бо мнѣи **есть** во **всѣхъ** **васѣ**. **сѣ** **есть** **ваштеи** (Мар. 238, Остр. 102).

В качестве определяемого слова выступает также полная форма местоимения **сѣ**. Примеры единичны.

а **иже** на **земли** **добрѣ**. **сии** **суть**. **иже** **добрѣмъ** **срдць** и **благѣмъ** **слышаще** слово **дрѣжати**. и **плодѣтворати** въ **трѣпѣнии** (Остр. 95, Мар. 228).

Особенностью приведенной конструкции является то, что от главного предложения здесь зависит еще одно придаточное определительное, вводимое местоимением **иже**, но стоящее в постпозиции по отношению к указательному слову **сии**.

В трех следующих предложениях как относительное местоимение, так и соотносительное слово находятся в одном и том же косвенном падеже.

и-еже **имѣ** **си** **сътвори** (Остр. 230, Мар. 172).

И **и-еже** **видѣ** и **слыша** **се** **сѣвѣдѣтельствоуоути** (Мар. 325, Остр. 10).

отвѣшта же ись и рече имъ... **иже** бо онъ творить. **си** и **снѣ** такожде творить (Мар. 332, Остр. 13).

В некоторых случаях падеж относительного местоимения и соотносительного слова не совпадает.

нѣ пославыи **ма** крестить въ водѣ. тѣ мнѣ рече. **надѣ** **нѣже** оузриши **дхъ** съходашть. **и** прѣбываюшть на немъ. съ есть крѣстан **дхмь** стымъ (Мар. 317, Остр. 261).

и-егоже тѣ посла **семоу** вы вѣры не емлѣте (Остр. 15, Мар. 334).

Рядом с относительным местоимением встречается условный союз **аште** и частица **бо**.

Иже бо аште постыдить са мене и моихъ словесъ. **сего** снѣ члскы постыдить са (Мар. 236, Остр. 224).

От всех рассмотренных конструкций с соотносительным словом **сѣ** отличается следующая:

слышавъ же иродъ. рече. **и-ако и-егоже** азъ осѣкнувъ **иоана се** есть. **тѣ** вѣста отъ мѣртвыхъ (Остр. 287—287, Мар. 136).

Здесь в придаточном предложении стоит имя существительное **иоана**, с которым согласуется в роде, числе и падеже относительное местоимение **егоже**. Подобные случаи отмечались нами и в конструкциях с постпозицией придаточного определительного предложения. Но этот пример интересен и тем, что в нем после главного предложения, начинающегося указательным местоимением **се**, следует еще одно главное предложение, в котором роль соотносительного слова выполняет местоимение **тѣ**.

в) В качестве определяемого слова выступает указательное местоимение **онѣ** в форме косвенных падежей. В большинстве случаев относительное местоимение выполняет функцию подлежащего придаточного предложения, согласуясь в роде и числе с указательным местоимением, стоящим в косвенном падеже и являющимся дополнением главного предложения.

иже отвѣржеть са мене прѣдъ чкы. отвѣрѣгу са **его** и азъ прѣдъ отъщемъ(мѣ) **иже** есть на нѣсхъ (Мар. 32, Остр. 59).

и всѣкъ **иже** речеть слово на снѣ члвскыи. отъпустить са **емоу**. а **иже** власвимисаатъ на **дхъ** сты. не отъпустить са **емоу** (Мар. 253, Остр. 235).

Блюдѣте са оубо како слышите. **иже** бо иматъ дасть са **емоу** а **иже** не иматъ. **и** еже мѣнить с имѣа отъиметь са **отъ него** (Мар. 228, Остр. 98).

В последнем примере главное предложение **отъиметь са отъ него** оторвано от придаточного **а иже не иматъ** другим придаточным предложением **еже мѣнить са имѣа**. Вторая часть этой

сложной конструкции противопоставлена по смыслу первой, на что указывает также противительный союз **а**.

Еще больший отрыв главного предложения от придаточного определительного можно видеть в таком примере:

аминь глю вамъ. ꙗко **иже** речеть горѣ сеи. двигни са и въврзи са въ море. і не оусумьнить са въ срѣци своемъ. нъ вѣру иметь. ꙗко **еже** глѣть бываать. будеть **емоу**. **еже** **аште** речеть (Мар. 161, Остр. 285).

Кроме того, к главному предложению здесь относится еще постпозитивное придаточное определительное. Характерно, что, несмотря на постпозитивное положение придаточного, после относительного местоимения в Мариинском евангелии стоит условный союз **аште**. Такие случаи вообще встречаются очень редко. В Остромировом евангелии условного союза после **еже** нет, а он находится рядом с **иже**. Ср.: аминь бо глю вамъ. і-ако **иже** **аше** речеть горѣ сеи. двигни са и въврзи са въ море и не оусумьнить са въ срѣци свои-емъ нъ вѣру иметь. і-ако і-еже глѣ-еть бываи-еть. будеть **і-емоу** **і-еже** речеть (Остр. 285).

Аще, а также **колиждо** отмечены и в других препозитивных определительных предложениях.

і **иже** **аше** съблзнить единого отъ малыхъ сихъ вѣроуш-тиихъ в ма. добрѣе **емоу** есть паче. аше обложить камень жръновъвы о выи его. і въврѣгутъ і въ море (Мар. 152—153).

і **иже** **колиждо** речеть слово на снѣ члвчскы. отъпоустить са **емоу**. а **иже** речеть на дхъ сты не отъпоустить са **емоу**. ни въ сѣ вѣкъ ни въ будущи (Мар. 40, Остр. 69).

В первом из приведенных примеров от главного предложения зависит еще одно придаточное, стоящее в постпозиции.

Между придаточным препозитивным, начинающимся сочетанием **иже бо аште**, и главным встречается союз **и**.

иже бо аште постыдить са мене и моихъ словесъ. въ родѣ семь прѣлюбодѣмь и грѣшнѣемъ і снѣ члвчскъ постыдить са **его**. егда придетъ въ славѣ отца своего. съ анѣлы стыими (Мар. 147—148, Остр. 131).

К главному здесь относится еще придаточное предложение времени.

Несколькими случаями представлены конструкции, в которых относительное местоимение стоит в косвенных падежах. В трех из них наблюдается несовпадение падежей относительного местоимения и соотносительного слова.

Всѣкъ пады на камене томъ съкрошить са. а **на** **немъже** падеть съгреть І (Мар. 289).

и **емоуже** прѣдаша мѣного лишѣша просатъ **отъ него** (Мар. 257).

отъвѣща ис. . . ѣко **і-же** далъ еси мнѣ не погоубихъ никого **отъ нихъ** (Мар. 388, Остр. 177).

Случаи совпадения падежных форм относительного местоимения и соотносительного слова единичны.

имъже отъпустите грѣхы. отъпустатъ са **имъ**. и **имъже** държите държатъ са **имъ** (Остр. 10—11, Мар. 399).

г) В функции соотносительного слова зафиксировано относительное местоимение **іже**.

вы же глте. **іже** колиждо речеть отцю ли матери даръ. **іже** колиждо отъ мене пользевалъ са еси. **іже** не почтеть отца ли матери своеа (Мар. 51).

В приведенном примере к главному предложению **іже не почтеть отца ли матери своеа** относятся два придаточных определительных. Местоимение **іже** в главном предложении выступает в качестве соотносительного слова (**тот**). Возможность употребления **іже** в роли соотносительного слова объясняется тем, что первоначально оно совмещало в себе два значения — указательное и относительное. В данной конструкции налицо расчленение этих первоначальных значений: относительное значение осталось за **іже**, которое выполняет функцию союзного слова, являющегося подлежащим придаточного предложения, а **іже**, стоящее в главном, приняло на себя роль указательного местоимения **тот**.

* *
*

Анализ конструкций с соотносительными словами в исследуемых памятниках старославянского языка показывает, что:

1) Большинство таких предложений имеют несовпадение падежей относительного местоимения и соотносительного слова. Особенно это характерно для конструкций с постпозицией (и интерпозицией) придаточного определительного, в которых соотносительные слова встречаются чаще, чем в конструкциях с препозитивным придаточным. Это позволяет, во-первых, предположить первоначальное появление соотносительных слов в предложениях с указанным несовпадением падежей; во-вторых, это подтверждает мнение Е. Ф. Корша о том, что конструкции с постпозицией придаточного — более ранний тип развития сложного предложения. Кроме того, данные предложения в количественном отношении также значительно преобладают над препозитивными.

2) Наличие плеонастического местоимения может быть объяснено, с одной стороны, несвязанностью отдельных отрезков

речи, а с другой — реликтовым употреблением указательного местоимения в случаях, когда определительное придаточное предложение развивается на месте причастия с зависящими от него словами или именительного самостоятельного (в виде существительного), а также из независимого предложения типа **се есть сн̄ь мои възлюбл̄-еныи того послушаите** (Остр. 284, Мар. 237). Причем сохранение местоимения в обоих случаях, в свою очередь, объясняется той же недостаточной оформленностью всего сложного предложения.

Список сокращений

- Мар. — Маринское четвероевангелие, с примечаниями и приложениями И. В. Ягича, СПб., 1883.
- Остр. — Остромирово евангелие (1056—1057 года) с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым, СПб., 1843.

ЗАВИСИМОСТЬ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ОТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛА

М. Д. Лесник

В современном русском языке сильный тип глагольного предложного управления определяется двумя факторами: 1) общим лексическим значением глагола и 2) лексико-грамматическими особенностями структуры глагола. Подчиненность предложно-падежной конструкции структуре глагола, в свою очередь, может быть двоякого типа: а) предлог и падеж управляемого слова находятся в непосредственной зависимости от приставки глагола (*добежать до поворота, вбить в стену, примкнуть к гостям*), б) необходимость определенного предложно-падежного сочетания вызывается другим структурным элементом глагола — суффиксом *-ся* (*ссориться с друзьями, здороваться с приятелем*).

Однако управление, продиктованное морфологическим строением глагола, как правило, не выражает чисто грамматической зависимости между господствующим и подчиненным словом. Требование определенного предлога и падежа вызывается не просто наличием той или иной приставки, но связано с тем новым лексическим значением, которое получает глагол после ее присоединения¹ (ср.: *приделать к чему-либо*; основное значение глагола *делать* — 'заниматься чем-либо, выполнять какую-либо работу'; приставка *при-* изменяет это значение на 'прикреплять что-либо к чему-либо, прочно соединять с чем-либо', употребление определенной конструкции *к + дат. п.* становится обязательным именно благодаря вновь возникшему семантическому значению).

Таким образом, императивная обусловленность предложно-падежной конструкции глаголом вызывается его лексико-грамматическими особенностями. Исключением из этого общего правила являются те случаи, когда лексическое содержание приставки и предлога ослабевает или совсем теряется, а управляе-

¹ Это новое лексическое значение глагола, привносимое приставкой, усиливается одинаковым по смысловой функции предлогом.

мая конструкция получает соответствующую форму по существующей в языке модели: напр., *влететь в копеечку, подкапываться под начальство, натолкнуться на равнодушие, доходить до бешенства* и т. п. Заметим, что при потере семантической мотивированности в употреблении приставки и предлога (что наблюдается и в наших примерах) словосочетания воспринимаются как фразеологические.

Ш. Корбе в интересной статье «Префиксация и строение глагола в русском языке»² делит семантическое влияние приставки у русских глаголов на среднее, сильное и нулевое. По этому принципу он находит в русских префиксах три семантических значения: 1) префиксы, влияющие на смысл глагола таким же образом, как и обстоятельство, и не изменяющие его управления: *Он испил чашу страданий*; 2) префиксы, проникающие в глубину смысла простого глагола, что часто отражается на его управлении: *Он пропил дочь*; 3) приставки, не затрагивающие ни смысла, ни управления простого глагола: *Он попил и лег*.

Такое деление русских приставок слишком обще и не охватывает всех семантических значений, им присущих. Однако среди них можно выделить группы, указанные Ш. Корбе, и признать правильными данные им соотношения между смыслом приставки и управляемой падежной формой.

Приставка, не влияющая на семантическое содержание глагола, изменяющая только видовое, следовательно, грамматическое его значение, не отражается и на управляемой форме (ср. *влиять на кого-, что-либо* и *повлиять на кого-, что-либо*; *думать* и *подумать о ком-, чем-либо*; *здороваться* и *поздороваться с кем-нибудь*). Приставки с обстоятельственным значением, придающие глаголу оттенки интенсивности, полноты проявления действия или, наоборот, неполной меры действия, но не изменяющие его основного семантического значения, в большинстве случаев также не преобразуют глагольного управления. К таким приставкам можно отнести приставку *по-* в значении ограниченной длительности действия, незначительной или неполной меры действия: *ухаживать за кем-, чем-либо* и *поухаживать за кем-, чем-либо*; *сердиться* и *посердиться на кого-, что-либо*; *следить* и *последить за кем-, чем-либо*; *рыться* и *порыться в чем-либо*. Приставка *раз-* также не изменяет формы управляемого слова, если употребляется в значении интенсивности действия, доведения его до получения результата: *сердиться, злиться на кого-, что-либо*, *рассердиться, разозлиться на кого-, что-либо*. Приставка *на-* может обозначать полноту, чрезмерность, полную завершенность действия: *глумиться, издеваться над кем-, чем-либо* и

² Charles Corbet, *Préverbation et construction des verbes en russe*. Revue des études slaves, tome 34. Paris, 1957, стр. 37.

наглумиться, наиздеваться над кем-, чем-либо и т. п. И в этом случае управляемый субстантив сохраняет свою форму³.

Способность глагола к сильному предложному управлению может проявиться не только при присоединении приставки, но и при возникновении возвратной формы (образования с суффиксом *-ся*). Если суффикс *-ся* вносит в значение глагольной основы представление о взаимности или совместности действия, глагол приобретает способность к сильному управлению конструкцией *с + твор. п.*

«Отец, разумеется, *повидался со старостой*, обо всем расспросил и все записал». С. Акс. Детские годы Багров-внука; «Она даже и при мне не решалась выражать желание *увидеться с дочерью*». Дост. Униж. и оскорбл.; «Марийка все еще *обнималась* у телеги *с младшей сестренкой Фаей*». Бубенн. Белая береза⁴.

В подобных случаях форма управляемого субстантива также определяется лексико-грамматическими признаками глагола: наличием суффикса *-ся* и семантикой обоюдности, совместности действия, которую он вносит в глагол. При этом важную роль играет сама лексическая основа глагола, она подсказывает возможность возникновения такой семантики при присоединении *-ся*.

* *
*

В данной статье рассматривается первый из указанных выше типов зависимости управляемого слова — зависимость от общего лексического значения глагола.

Не следует думать, что влияние на управляемую форму в чисто лексическом плане имеют только глаголы с непроемной основой, т. е. для нашего случая глаголы, которые образованы без участия приставок или суффикса *-ся*. Морфологическая структура подобных глаголов может быть весьма разнообразной: наряду с бесприставочными невозвратными глаголами типа *гармонизировать* здесь встречаем и приставочные глаголы типа *взыскивать* и, наконец, возвратные глаголы приставочного и бесприставочного типа — *гоняться, заглядываться*.

³ В дальнейшем изложении при подсчете глаголов образования с приставками подобного типа нами не учитывались.

⁴ Необходимость употребления конструкции *с + твор. п.* при взаимных глаголах преимущественно зависит от числового выражения подлежащего в предложении. Если подлежащее (или субъект действия в безличном предложении) имеет форму мн. ч., то управляемая форма становится возможной, но не обязательной.

«Поздним вечером Чернышевский проводил меня до ворот, мы обнялись на прощание». Короленко, Воспоминания о Чернышевском; (Джочич:) «А ты помнишь, Богуслав, как мы с тобой увиделись впервые?» Симонов, Под каштанами Праги.

Из этого положения не вытекает, однако, что управление глаголов остается безразличным к присоединению семантически значимой приставки или к образованию возвратной формы. Наоборот, сравните: *интересовать* — 'привлекать чье-либо внимание, любопытство', глагол не нуждается в предложном управлении, *заинтересовать* (*заинтересовывать*) в значении 'привлекать кого-либо выгодой, пользой' требует определенной предложно-падежной конструкции — *в + предл. п.* Или глагол *обладать*, в бесприставочной форме не имеющий закрепленного предложного управления, но приобретающий его с приставкой *воз-*: *возобладать над + твор. п.* У глагола *удоверять* возникает сильное предложное управление только при образовании возвратной формы (появление новой лексемы): *удоверяться* (в значении 'убеждаться самому в чем-либо, в достоверности, в долнительности чего-либо') *в чем-либо*.

Таким образом, морфологические элементы обуславливают развитие нового лексического значения глагола и этим опосредствованно влияют на характер управления. Прямой зависимости управляемой формы от структурных элементов глагола здесь не наблюдается⁵.

Итак, характер и особенности строения подобных словосочетаний нельзя вывести из грамматических или семантических свойств морфологических элементов глагола. Следовательно, управление такого типа мотивируется общим лексическим значением каждого из них.

Перед тем, как обратиться к анализу словосочетаний подобного рода, необходимо уточнить понятие зависимости формы субстантива от лексического содержания глагола.

Неоднократно обращалось внимание на некоторую условность в определении лексического, т. е. «внутреннего» господства глагола над управляемой падежной формой⁶. Такую зависимость в большинстве случаев трудно обосновать, так как даже

⁵ Ср. бесприставочный глагол *бежать* имеет вариантыные возможности сочетаний с предложными конструкциями, причем на равных основаниях, что исключает сильный тип управления (*бежать от врага, бежать на гору, бежать к реке* и т. п.). При сочетании этого глагола с приставками *в-*, *на-*, *от-*, *при-*, *до-* управление преобразуется в сильный тип, причем каждая приставка «выбирает» соответствующий ей по значению предлог и падеж управляемого слова (*вбежать в + вин. п.*, *отбежать от + род. п.*, *прибежать к + дат. п.*). Однако ни одно из значений приставки *за-* или приставки *воз-* не объяснит управления: *заинтересованность* (*на кого-, что-либо*) в отличие от управления его невозвратной формой *заглядывать во что-либо*, нельзя вывести непосредственно из его структуры.

⁶ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. 1. Братислава, 1954, стр. 133.

в языках одной системы возможны расхождения в формальном выражении одних и тех же «внутренних» отношений.

Восприятие одних и тех же смысловых единиц в различных языках может быть очень своеобразным. При сохранении единого мыслительного содержания в слове его «ведущий», активный признак может ощущаться говорящими на разных языках неодинаково. Причины такого расхождения в осознании главных и второстепенных черт в семантике слова детерминированы историей каждого языка. Восстановить эти причины не всегда представляется возможным.

Подобные широко распространенные факты несовпадения «ведущего» смыслового элемента в слове сказываются и на особенностях формирования синтаксической системы языков, в частности, на структуре отдельных словосочетаний.

Так, напр., глагол *шпионить* в русском языке попадает в один семантический ряд с глаголами типа *гнаться, следовать, следовать, наблюдать* и требует предложно-падежной конструкции *за + твор. п.* В этом ряду можно проследить деривационные связи, развитие семантического значения от конкретного 'идти, бежать по чьим-то следам, следом за кем-либо' до абстрактного, переносного 'следить, наблюдать, шпионить'. В польском языке глагол *szpiegować* употребляется с винит. п.: *szpiegować zdążyć*, в такой конструкции подчеркивается активная направленность действия на объект. В русском языке управление глаголов *любезничать, заигрывать, фамильярничать* сочетанием *с + творит. п.* показывает, что при назывании данных действий обращается внимание на обязательную связь с другим лицом, аналогичное управление (*с + творит. п.*) находим у чешских глаголов: *laškovati, zabrávati si* 'заигрывать', в польском языке предлогом *с + твор. п.* управляет глагол *sroufalac się* 'фамильярничать': *sroufalac się z dyrektorem*. Однако польский глагол *zalecac się* 'любезничать' требует конструкции *до + род. п.*, а с чешскими *lichotiti se* 'любезничать', *familiarně se chovati* 'фамильярничать' употребляется сочетание *к + дат. п.*, т. е. на первый план у этих глаголов выступает признак направленности действия к лицу.

Группа семантически однородных глаголов: *насмехаться, подшучивать, издеваться, глумиться* — в русском языке получает управление конструкцией *над + твор. п.*, в польском языке — сочетанием *с + род. п.*: *paśmiewac się, żartowac, pokpiwac, patrzacac się, szydzić (z kolegi)*. Такое управление трудно объяснить, исходя из собственно лексического содержания этих глаголов в современном русском и польском языках. В чешском языке эти глаголы требуют *винит.* или *дательн. п.*, т. е. семантически обоснованно указывают на переход или направленность действия на объект: *vysmívati se, posmívati se (дат. п.), škádliti, dobírati si (вин. п.)*.

Такие, казалось бы, не играющие большой роли отличия в структуре управления родственных языков создают особый колорит, своеобразие и синтаксической и, отчасти, семантической системы каждого из них.

Глаголы *дружить*, *знакомить*, *обручать*, предполагающие совместность действия, имеют одинаковый тип сочетаемости управляющего слова с зависимым (*с + твор. п.*) и в русском, и в польском, и в чешском языках; польск. — *przyjaźnić się (z sąsiadem)*, *znajomić (z powym przykładem)*; чешск. — *katarađiti (se)* или *přáteliti (se)* — 'дружить', *seznatovati* 'знакомить', *zasnubovati* 'обручать' — *с кем-либо*.

Такое же совпадение управляемой формы находим для русских глаголов *контрастировать*, *отождествлять*, *гармонизировать*, *граничить* (*с + твор. п.*), соответствующих польским *kontrastować*, *utożsamiać*, *harmonizować*, *granicyć*, напр.: *kolor czerwonu harmonizuje z czarnym*, и чешским *kontrastovati*, *ztotožňovati*, *souladiti*, *hraničiti* (*с + твор. п.*). В этих случаях синтаксическая конструкция для всех трех языков выявляет прежде всего необходимость двух объектов (для сопоставления, сравнения, указания на смежность).

Таким образом, мотивированность падежной формы лексическим значением глагола очень часто может быть признана условной, традиционной⁷.

Влияние других языковых систем, переосмысление значения слова, ассоциативные связи со словами, имеющими иную структуру словосочетания, — все эти движущие силы взаимодействуют и определяют характер синтаксических связей слова в том или другом языке. Поэтому обусловленность управляемой формы лексическим значением господствующего слова понимается нами, вслед за В. В. Виноградовым, как зависимость, определяющаяся «внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы»⁸.

В. Фалькенхан в статье «К вопросу о движущих силах, формирующих польское глагольное управление»⁹ предлагает следующий метод исследования синтаксической связи управления: он разделяет все глаголы на группы, аналогичные по значению и управлению. В современном польском языке он выделяет 90 подобных групп. В каждой группе он стремится найти наиболее типичную, вытекающую из лексической стороны гла-

⁷ Ср. также данные русских диалектов. Напр., в говоре Пинежья (Архангельская область) находим следующие словосочетания: *ухаживать перед кем*, *слинять в лице* (в лице краска не слиняла); глагол *судачить* 'говорить, осуждая' получает управление *винит. п.* (Я не судачила девок-то).

⁸ В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 16.

⁹ V. Falkenhahn. Zur Frage nach den treibenden Kräften bei der Gestaltung der polnischen Verbalrektion. Zeitschrift für Slawistik, 1956, Bd. 1, H. 3, стр. 22—39.

гола, связь с управляемым падежом. Приняв этот типичный случай за основу, В. Фалькенхан пытается объяснить и все остальные, проложив между группами семантические мостики. Такой эксперимент он проделывает с управлением беспредложным творительным падежом.

В. Фалькенхан полагает, что определить движущие силы управления можно, исходя из различия «знака» и «обозначаемого понятия», а также четкого разграничения обозначаемого и подразумеваемого. «С самого начала глагольное управление формируется подразумеваемым, подразумеваемое нуждается в определении и выражении» (стр. 37—38). Так, напр., в значении творит. п. *iść drogą* — 'идти дорогой' В. Фалькенхан находит первоначально подразумеваемое орудие: в первобытных дремучих лесах можно были идти только при помощи дороги (отсюда творит. п.).

Работа В. Фалькенхана интересна, некоторые его построения можно признать правильными, другие — остроумными, однако общий замысел — свести все употребления творит. п. к инструментальному значению и таким путем найти общее, хотя бы и видоизмененное, лексическое начало, на наш взгляд, автору не удастся. Так, в сочетании *być sędzię*, по Фалькенхану, инструментальное значение творит. п. в современном польском языке абстрагировано, но оно имело место в первоначальном представлении: *идти путем судьбы*, т. е. действовать в границах, которые даны судьбе. Такое толкование представляется нам искусственным и слишком прямолинейным.

В заключение автор устанавливает две движущие силы, формирующие управление: 1) силы подразумеваемого, 2) силы различных темпераментов народов, различная интенсивность их чувств, создающие знак и обозначаемое.

Безусловно, «в правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка»¹⁰, но попытка В. Фалькенхана доказать, что синтаксические связи в языке непосредственно отражают психологию народа, представляется нам невозможной.

* *
*

Степень и характер зависимости управляемой предложно-падежной конструкции от лексического значения глагола весьма различны, они определяются теми отношениями, в которые вступает глагол с управляемыми им словами. Принимая за основу силу спаянности предложного сочетания с глаголом, можно выделить несколько ступеней синтаксической подчиненности субстантива.

¹⁰ В. В. Виноградов, Вопросы изучения словосочетаний. «Вопросы языкознания», 1954, № 3, стр. 4.

1. Глагол и управляемая форма имени связаны отношениями необходимости.

Характерным признаком словосочетаний такого рода является органическая связанность глагола с определенным предложением и падежом. Употребление глагольной формы неизбежно влечет за собой появление закрепленной за ним конструкции¹¹. При этом следует различать обусловленность строгими синтаксическими формами сочетаемости глагола как целой лексикограмматической единицы и способность к таким устойчивым словосочетаниям его отдельных семантических значений.

Закрепление за глаголом управляемой формы независимо от совмещения в нем ряда значений называем фиксированным управлением.

В современном русском языке глаголов с фиксированным управлением сравнительно немного, они подразделяются на два класса:

1. Глаголы, которым присуще только одно значение и только одна управляемая предложно-падежная конструкция. Таких глаголов, по Словарю современного русского литературного языка (изд. АН СССР, 1948—1965 г.), насчитывается около 70¹².

Приведем ряд наиболее распространенных глаголов этой группы, располагая их по форме управляемой ими конструкции:

на + вин. п.

абонироваться
влиять
клеветать
положиться
польститься
походить
подразделять(ся)
рефлексировать
ссылаться
зариться (простореч.)
смахивать (разговор.)

в + вин. п.

глядеться
засматривать
замешивать
набалтывать
окунуть
посвящаться
посмотреться
рядить

¹¹ При изучении словосочетаний подобного типа необходимо учитывать, что предложно-падежная конструкция может опускаться, если она легко восстанавливается внешней обстановкой или общим контекстом речи, напр., в диалоге: «Ты ухаживаешь за Марией?» — «Ухаживаю».

¹² Известна трудность различения семантических элементов в составе слова, что приводит к расхождениям при определении их количества в различных толковых словарях (См. по этому поводу: В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5; А. В. Исаченко, О грамматическом значении. «Вопросы языкознания», 1961, № 1; С. Д. Кацнельсон, Содержание слова, значение и обозначение. М.—Л., 1965, и др.). Не касаясь проблемы полисемии слова и спорности выделения в отдельных случаях значения или оттенка значения у того или иного глагола, пользуемся системой глагольных значений, данных

у + род. п.

вымогать
вымаливать
выпрашивать
выпытывать
выклянчивать
(*клянчить*)

над + твор. п.

возобладать
глумиться
издеваться
подшучивать
подтрунивать

измываться (простор.)

за + твор. п.

гоняться
поухаживать
приволакиваться

в + предл. п.

вываливаться
вязнуть
закоренеть
недриться
обваливать(ся)
растворяться
рыться
участвовать

(*под/по*) *нагореть* (простор.)

о + предл. п.

скорбеть

от + род. п.

предохранять(ся)
самоустраняться

с + твор. п.

ассоциироваться
(*дис*)*гармонизировать*
любезничать
ознакомлять(ся)
поссорить
флиртовать

перед + твор. п.

благоговеть
подхалимничать

на + предл. п.

базировать
проектироваться

к + дат. п.¹³

наведываться

Несмотря на однозначность, глаголы данного разряда пол-

в указанном выше словаре. Считаем, что ошибки, допущенные словарем, не могут изменить общей картины соотносительности и частотности типов словосочетаний предлагаемой классификации.

¹³ Значения глаголов с пометой *устаревшее* нами опускаются, т. к. в настоящей статье анализируются глагольные словосочетания в синхронном плане. Глаголы с пометой *разговорное* или *просторечное* нами учитываются. Не помещаем отдельно глаголов с приставками обстоятельного значения, кроме тех случаев, когда присоединение приставки ограничивает количество семантических элементов в слове, напр., глагол *ухаживать* употребляется в трех значениях, *поухаживать* — только в одном.

ностью конкретизируют свое содержание в сочетании с объектом, на который распространяется их действие. Так, например, вполне, казалось бы, определенное значение глагола *издеваться* 'зло высмеивать кого-, что-либо, глумиться над кем-, чем-либо' получает своеобразный оттенок в зависимости от одушевленности или неодушевленности управляемого им субстантива. Ср.: «Егорка, прозванный зубоскалом, — потому что сидел все в девичьей и немилосердно *издевался над горничными*, отпер ему двери». Гонч. Обрыв; «Дмитрий Степанович был старым либералом и теперь с горькой иронией *издевался над прошлым «святым»*. А. Н. Толст. Восемнадцатый год. В глаголе *окунуть* 'погружать на некоторое время в воду, во что-либо жидкое' развивается новый оттенок значения 'опускать, погружать на время во что-либо', если глагол сочетается с существительным, обозначающим предмет, не находящийся в жидком состоянии. «(Комар) сел на щеку Половинкина и вот *окунул хоботок в потную мякоть тела*». Леон. Барсуки.

Оттенок значения может измениться и от общей ситуации речи. Ср.: «Когда этот мальчик появлялся на улице, ребятишки *гонялись за ним* и бросали в него камнями». М. Горьк. Трое (здесь *гоняться* = 'догонять, ловить') и «Где нам, необразованным старикам, *за вами гоняться!* . . Вы молодежь светская, гордая». Лерм. Максим Максим. (В этом предложении *гоняться* употреблено как 'состязаться с кем-либо').

Таким образом, семантическая устойчивость монозначных глаголов относительна, она в меньшей степени подчинена речевой ситуации, чем у глаголов с явной полисемией, но не абсолютна.

И только несколько глаголов этой подгруппы имеет узкое семантическое содержание конкретного действия и вступает в словосочетания с лексически ограниченным кругом слов. Таковы, например, глаголы *обваливать* — 'поворачивая с боку на бок, покрывать чем-либо сыпучим, густым' (*обваливать в сухарях, в песке*), *обваливаться* — 'пачкаться, валяясь в чем-либо или упав во что-либо', *глядеться* — 'смотреть на свое отраженье, разглядывать себя, напр., в зеркале' и т. п.

Подобные глаголы в наименьшей степени связаны с ситуацией речи, особенно это относится к переходным глаголам. Винительный прямого объекта (*обвалить котлеты, рыбу*) в какой-то мере уже подсказывает и содержание косвенного объекта (в сухарях, в муке). Однако такие глаголы единичны.

Указанные словосочетания следует отличать от фразеологических, ограниченность возможных сочетаний глагола с существительными зависит в них от недостаточной широты самой глагольной лексемы, а не от его связанного употребления. Оба компонента такого словосочетания сохраняют свободное номинативное значение.

Примерно $\frac{1}{4}$ часть глаголов данной группы имеет двойное управление: кроме предложной конструкции, требует распространения прямым объектом, т. е. является переходными глаголами. Для большинства же глаголов предложно-падежная конструкция выступает единственным необходимым уточнителем действия.

Около половины от общего количества рассматриваемых глаголов принадлежит возвратным формам. Тенденцию к закреплению за возвратными глаголами определенных управляемых форм можно объяснить тем, что 1) возвратная форма приобретает более узкий смысл по сравнению с невозвратным глаголом, несколькими значениям глагола соответствует в возвратной форме только одно (причем возвратная форма сохраняет присущее этому значению управление). Так, напр., глагол *посвящать* обладает тремя значениями. Первому из них — 'возводить в сан' — соответствует управление сочетанием *в + вин. п.* (*посвящать в дьяконы, священники* и т. п.). Возвратной форме этого глагола присуще только одно значение: 'принимать посвящение в какой-либо сан, в какое-либо звание', формой с фиксированным управлением остается та же конструкция *в + вин. п.* (— А это кто с вами? — Да так ... псаломщик хочет сплыть на караване в Пермь, *посвящаться во дьякона.*» Мам.-Сиб. Бойцы). Глаголу *посматривать* свойственны два значения: 1) 'смотреть время от времени, поглядывать', 2) 'наблюдать за кем-либо, присматривать'. Первое значение не имеет закрепленной формы управления, но в числе возможных встречается и сочетание *в + вин. п.* Глагол *посмотреться* (форма несовершенного вида *посматриваться*; встречается редко) получает только одно значение ('посматривать на свое отражение в чем-либо') и фиксированный тип управления: *посмотреться во что-нибудь*. («Я посмотрелся в зеркало; тусклая бледность покрывала лицо мое». Лерм. Кн. Мери). То же явление семантически и синтаксически суженных в употреблении форм можно наблюдать в отношении невозвратных и возвратных глаголов *глядеть* и *глядеться*, *вываливать* и *вываливаться*.

2) Возвратная форма приобретает новое значение, часто переносное, теряя семантические связи с созвучным глаголом невозвратной формы, при этом глагол получает новую фиксированную форму управления. Ср.: *польстить кому-, чему-либо* и *польститься на кого-, что-либо* 'соблазниться, прельститься чем-либо', *приволакивать что-нибудь* и *приволакиваться за кем-нибудь* 'слегка ухаживать за кем-нибудь'.

Давно замечено, что слова, объединенные семантически, легко образуют группы с однородной синтаксической сочетаемостью. На нашем материале выделяется несколько семантических рядов глаголов с ассоциативными способами построения словосочетаний внутри каждой группы:

а) глаголы с синонимичным значением 'зло высмеивать, выражая неуважение, презрение к кому- или чему-либо' управляют сочетанием *над + твор. п.*: *глумиться, издеваться, измываться, подшучивать, подтрунивать над кем-, чем-нибудь*;

б) глаголы, включающие общий семантический элемент совместности действия: *любезничать, ознакомлять, поссорить, флиртовать*, — сочетаются с конструкцией *с + твор. п.*, к этой группе примыкают и близкие по «ведущему» признаку глаголы: *гармонизировать, ассоциироваться, ознакомляться*;

в) глаголы, связанные общим значением 'добиваться чего-либо усиленными просьбами (угрозами)': *вымогать, вымаливать, выпрашивать, выпытывать, выклянчивать* закрепляют за собой форму *у + род. п.*

Как видно из приведенной выше классификации управляемых конструкций, только один глагол получает фиксированное управление дательн. падежом с предлогом *к* (*наведываться к кому-либо*). Нам встретился еще один глагол аналогичного управления: *подлизываться* (разгов.) *к + дат. п.*, но его место в данной группе глаголов спорно, можно предполагать, что на употребление предлога *к* оказало влияние лексическое значение, приставки *под-* ('приближение к кому-, чему-либо').

Легко заметить, что почти все указанные глаголы имеют четко выраженный объектный характер управляемых форм, обстоятельственные отношения здесь чрезвычайно редки и не бесспорны: *глядеться во что?* или *куда?*, *засматривать, окунать, поглядываться во что?* или *куда?*, *наведываться к кому?* или *куда?*.

2. Вторую группу с фиксированным управлением составляют глаголы, смысловое содержание которых раскрывается как совокупность ряда значений. Сюда относится свыше 30 глаголов, каждый из них имеет свою, для всех значений единую, форму управляемого субстантива.

Приведем ряд таких глаголов, классифицируя их в соответствии с управляемой ими предложно-падежной конструкцией:

на + винит. п.

Посягать — 1) 'пытаться лишить чего-либо, причинить ущерб, вред кому-, чему-либо'. «Толпа хотела обезоружить солдат, посягнуть на честь оружия». Саян. Лена; 2) 'пытаться предпринять, совершить что-либо, решиться, отважиться на что-либо (обычно трудное, недозволенное, необычное и т. п.)'. «Его служебное положение и умение устроиться тоже нравилось многим дамам, но на такую чересчур дорогую собственность, как жена, Иван Петрович пока не посягал». Серг.-Ценск. Ближний).

Претендовать — 1) 'предъявлять требования, права на обладание чем-либо, притязать на что-либо'. «Я нисколько не претендую на вашу открытость». Дост. Село Степанчиково; 2) 'добиваться признания за собой какого-либо качества, осо-

бенности (нередко отсутствующей)'. «Его пребывание у Шуминых, людей богатых и претендующих на аристократизм, причиняло постоянную боль его самолюбию». Чех. Володя; 3) 'выражать претензию на что-либо, недовольство кем-, чем-либо'. «Случалось, что крестьяне ловили его с поличным, а ночью даже слегка бивали, но он на это не претендовал». Салт. Пошехонск. старина.

Сменять (разгов.) — 1) 'произвести обмен кого-, чего-либо на кого-, что-либо, обменять, поменять'. — «На мне штанов нет, — выпалил он. — Мы их третьего дня на сало сменяли». Леон. Скутаревский; 2) 'предпочсть кому-, чему-либо, променять на кого-, что-либо'. «— Волю мою ни на какую жену, ни на какие хаты не сменяю». М. Горьк. Тоска.

В + винит. п.

Веровать — 1) 'быть уверенным в ком-либо, убежденным в чем-либо'. «В свое погубельное счастье Ты дерзкой веровал душой, Тебя пленяло самовластье Разочарованной красой». Пушкин. Наполеон; 2) 'быть убежденным в реальном существовании чего-либо сверхъестественного, фантастического и т. п.' — «В их бога он (Гаджи-Мирза) не веровал, и в какого веровал, неизвестно». Гриб. Пуг. зап.

Облекаться — 1) 'одеваться в какую-либо одежду'. — «Что-то вроде улыбки показалось на его лице в то время, когда он облекался в свой шелковый халат цвета лягушечьей спинки. Герцен, Кто виноват?; 2) 'покрываться, окутываться чем-либо, обволакиваться; облекаться, облечься чем, во что'. «Деревья облеклись в какой-то дым плавучий». Полонский, Туман; 3) 'получать, находить выражение в какой-то форме, воплощаться в чем-либо'. — «Все, все с приветом жаркой ласки В младую грудь втеснилось вдруг И облеклось в живые краски, В деянье, в слово, образ, звук». Бенед. Идеалы.

Окунаться — 1) 'погружаться на некоторое время в воду, во что-либо жидкое'. — «(Гаврила) ... подбежав к Челкашу, упал перед ним и стал ворочать его на земле. Его рука окунулась в теплую красную слизь». М. Горьк. Челкаш; 2) *Перен.* 'всцело, полностью отдаваться чему-либо (какой-либо деятельности, образу жизни и т. п.)'. «Мало-помалу он окунулся в московскую жизнь, уже с жадностью прочитывал по три газеты в день...» Чех. Дама с собачкой.

Утыкаться — 1) 'упираться чем-либо во что-либо. Натыкаться, наталкиваться'. — «Землемер вдруг остановился. Сердюков с размаху уткнулся ему в спину». Купр. Болото; 2) 'погружать, прятать куда-либо голову, лицо и т. п., зарываться головой, лицом и т. п.' — «А Наденька между тем, уткнувшись в подушку, обливала ее горячими слезами». Салт. Невинн. рассказы; 3) *Перен.* 'надолго задерживать взгляд на чем-либо'. «Боро-

дулин сел за стол и уткнулся взглядом в бумаги». Уксусов, После войны.

от + род. п.

Зависеть — 1) 'быть в зависимости или под влиянием кого-либо'. — «Украинские рабочие и крестьяне.. сами хотят управлять своей страной и не зависеть от каких-то там германских генералов или капиталистов». Вс. Иванов. Пархоменко; 2) 'быть следствием какой-либо причины, быть обусловленным чем-либо'. — «Позже я узнал, что именно от укладки парашюта зависит: раскроется он в воздухе при прыжке или нет». Вершигора. Люди с чист. совестью.

с + род. п.

Взыскивать — 1) 'получать, требовать плату, долг и т. п., заставлять платить'. «Взыскивать долги с кредиторов»; 2) 'налагать наказание, подвергать наказанию за что-либо, высказывать неодобрение, осуждать'. — «Ведь человек не совершил ничего предосудительного, за что же с него взыскивать?» Федин, Братья.

С + творит. п.

Граничить — 1) 'быть смежным по месту, территориально, соприкасаться, сходиться'. — «Дом против двора был сломан, и двор с северной стороны граничил с отвесным обрывом». А. Н. Крыл. Мои восп.; 2) *Переносно*. 'Быть близким к чему-либо, доходить до чего-либо (о чувствах, переживаниях и т. п.)'. — «Моя страстная, дикая натура не умеет иначе любить. И потому с моей любовью так близко граничит и моя ненависть». Белинск. Письмо Боткину, 24 февр. — 1 марта 1840.

Заигрывать — (разгов.) 1) 'шутливо, весело затрагивать кого-либо, вызывая на ответ'. — «(Итальянские матросы) оказались общительными и веселыми молодцами. С какой-то легкой, пленительной развязностью заигрывали они в этот вечер в пивных залах и в винных погребках с рыбаками». Купр. Листригоны; 2) *Перен.* 'Стараться расположить кого-либо в свою пользу, заискивая, угодливо льстя'. — «Краевский дичился Кукольника и искоса посматривал на него, несмотря на то, что Кукольник приятно заигрывал с ним». Панаев, Литер. восп.

Знакомить — 1) 'делать людей знакомыми между собой'. — «Я стал знакомить Карпухина уже не с машинами, а с людьми». Горбат. Карпухин с Поленыи; 2) 'давать кому-либо сведения, знания о чем-либо'. «Через два дня (я был) в том самом Чемезове, с которым я уже столько раз знакомил читателя». Салт. Благонамер. речи.

Миндальничать — (разгов.) 1) 'нежничать, любезничать с кем-либо, быть приторно чувствительным'. — «Не прошло и часа,

как я уже сидел во флигеле управляющего, миндальничал с его женой, пил и играл в карты». Чех. То была она; 2) проявлять излишнюю мягкость, снисходительность к кому-либо, деликатничать'. — «Базарова любит прислуга, любят ребятишки, несмотря на то, что он с ними не миндальничает и не задаривает их ни деньгами, ни пряниками». Писар. Базаров.

Нячнуться — 1) ('ухаживать за ребенком, пестовать'. — «Гайдар сидел, нянчась с ребенком». Марл. Расск. офицера; 2) *Перен., разгов.* 'Проявлять усиленную заботу, внимание о ком-, чем-либо, возиться с кем-, чем-нибудь'. — «Нарывы на ноге еще не прошли, я не мог с ними нянчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать». Микл.-Макл. Путешествия.

Поравняться — 1) 'приблизившись к кому-, чему-либо, оказаться с ним наравне, на одной линии'. — «Стой! Подождешь, — сказал Туробоев, когда поравнялись с высоким забором, и прыгнул в снег раньше, чем остановилась лошадь». М. Горьк. Жизнь Кл. Самгина; 2) *разгов.* 'Оказаться равным, одинаковым с кем-, чем-либо в каком-нибудь отношении'. «— Вот она из всех сил и бьется, чтобы нарядиться. Да не одна она, а много их, горемык, рвутся по нарядам с дружкой поравняться». Гл. Успен. Стар. бурмистр.

Разделяться — 1) *Разгов.* 'Закончив какие-либо дела с кем-либо где-либо, отделяться, избавляться от кого-, чего-либо'. «Как только капитан разделался с таможенными и портовыми чиновниками, он отпустил половину матросов на всю ночь на берег». Л. Толст. Франсуаза; 2) *Разгов.* Расправляться с кем-, чем-либо, наказывать кого-либо'. «Фашисты решили разделяться с нашим одиноким кораблем». В. Кожевн. Последний рейс.

Расправляться — 1) 'производить расправу над кем-либо, наказывать кого-либо'. — «Случилось, что Карл Иванович, в минуту досады, лично расправлялся с нами линейкой или помочами». Л. Н. Толст. Отрочество; 2) *Перен., разгов.* 'Распоряжаться, управляться'. «С прокуренным, пыльным помещением, заваленным книгами, расправился он, как в конюшне: выкинул вороха мусора, обмел пыль, все вымыл, вещи свалил в углы». А. Н. Толст. Ег. Абовов.

за + винит. п.

Ухватываться — 1) 'хвататься, крепко братья рукой (руками), цепляться за кого-, что-либо'. — «Он встал, но пошатнулся и должен был ухватиться за спинку стула, чтоб не упасть». Купр. Счастливая карта; 2) 'проявлять особый интерес к кому-, чему-либо, готовность воспользоваться чем-либо, получить, использовать кого-, что-либо в своих интересах, целях'. — «Понятно, я ухватился с жадностью за такое невинное развлечение, как обучение грамоте полесовщика Ярмолы». Купр. Олеса.

Хвататься — 1) *Разг.* 'Брать, хватать рукой (руками) кого-, что-нибудь, поспешно братья рукой (руками) за что-нибудь'. — «Мародер в капоте уже рвал с шеи армянки ожерелье, .. и молодая женщина, хватаясь руками за шею, кричала пронзительным голосом». Л. Толст. *Война и мир*; 2) *Разгов.* 'Хватать друг друга. Хвататься друг за друга'. — «Целуюсь и хватаясь за руки, они, как будто борясь, сделали еще несколько неловких шагов». Березко, *Сильнее атома*; 3) *Перен.* 'С усердием, жадностью, без разбору приниматься за все (доступное, достижимое)'. — «А ты мне расписку напиши...» — настаивала старуха, хватаясь за последнее средство. Мам.-Сиб. *Золото*.

за + творит. п.

Ухаживать — 1) 'заботиться о ком-либо, присматривать за кем-либо, оказывая помощь, услуги и т. п.'. «Если не было домашней работы, он на дворе рубил дрова про запас, копал гряды, ухаживал за своей лошадей». Мам.-Сиб. *Зеленые горы*; 2) 'Оказывать внимание женщине, проявлять к ней особый интерес, добиваясь ее расположения'. — «Надо вам сказать, что до свадьбы я любил Машу безумно и ухаживал за нею два года». Чех. *Страх*; 3) *Перен.* 'Вести себя угодливо, подобострастно по отношению к кому-либо с целью добиться чего-либо'. — «Полозов все это время ухаживал за агентом, по старинной привычке общения с нужными людьми, и все время приглашал его к себе обедать». Черныш. *Что делать?*

к + дат. п.

Льнуть — 1) 'приставать к чему-либо, приклеиваясь, липнуть'. — «Палый лист льнет к ногам». Б. Полевой, *Золото*; 2) 'нежно прижиматься к кому-либо, ласкаться'. — «Девушки льнули к Рогову, хотя его никак нельзя было назвать красивым». Попов, *Сталь и шлак*.

Относиться — 1) 'быть в соотношении, в соответствии с чем-либо'. — «Образ в поэтическом произведении точно так же относится к действительному живому образу, как слово относится к действительному предмету, им обозначаемому». Черныш. *Эстетич. отношения искусства к действ.*; 2) 'входить в разряд, состав каких-либо явлений, предметов'. — «Кабан относится к бугорчато-зубным, но, кроме коренных зубов, самцы вооружены еще острыми клыками». Арсен. *По Уссур. тайге*; 3) 'проявлять тот или иной характер обращения с кем-, чем-либо'. «Ко всем товарищам он относился сдержанно, равнодушно». Л. Н. Толст. *Воскресение*; 4) *Спец.* 'Давать при делении на другое количество определенное частное (всегда в сравнении с другой парой величин)'. — «Десять относится к пяти, как два к одному».

В приведенных примерах только у глаголов, управляющих сочетанием *с + твор. п.*, выявляется общее лексическое значе-

ние: указание на отношения совместности, смежности; синонимическую близость обнаруживают глаголы *хвататься* и *ухватываться*. Остальные глаголы семантически разнородны и в тематические группы не объединяются.

Актуализация одного из значений каждого из глаголов данной группы может зависеть от характера объекта, выраженного предложно-падежным сочетанием, а также обуславливаться общей ситуацией речи. Так, напр., глагол *знакомить* в значении 'делать людей знакомыми между собой' подразумевает в качестве объекта лицо, в другом значении 'давать какие-либо сведения, знания о чем-либо' предполагает неодушевленный объект. Глагол *граничить* в значении территориальной смежности управляет существительным конкретной, вещественной семантики, переносное значение обуславливается сочетанием с субстантивом отвлеченного содержания. Отдельные значения глагола *ухаживать* уже в меньшей степени связаны с объектом. Предложение «Он ухаживал за больной женщиной» может иметь двоякий смысл, потому что объект (за больной женщиной) легко сочетается и с первым ('заботиться') и со вторым ('оказывать внимание') значением этого глагола. Большинство глаголов реализует заключенные в них значения контекстуально, словесным воссозданием общей ситуации.

Грамматической особенностью словосочетаний, компоненты которых соединены отношениями необходимости, является неотделимость предлога от глагола. Глагол с предлогом образует как бы одну лексическую единицу. По всей вероятности, именно к этим случаям применимо высказывание А. Потебни: «Высшая степень формальности предлога обнаруживается в том, что он перестает чувствоваться как отдельное слово». ¹⁴ И действительно, можно говорить о глаголах *ухаживать за*, *глумиться над*, *походить на*, включая в лексическую единицу и предлог.

Е. Курилович в статье «Проблема классификации падежей» ¹⁵ подразделяет все приглагольные падежи на 1) синтаксические (или грамматические) и 2) семантические (или конкретные). По Куриловичу, падежная форма не всегда является носителем семантического содержания, обусловленность ее употребления также может быть различной. Эти признаки и служат основанием для указанного деления приглагольных падежей. Семантическая нагруженность падежной формы выявляется ее независимостью от лексического значения подчиняющих слов. Обусловленность употребления того или иного падежа наличием конкретных глаголов характеризует зависимую падежную форму, как лишенную семантического значения, выступающую в роли простого показателя синтаксической зависимости. Все предложно-

¹⁴ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I. Харьков. 1888, стр. 123.

¹⁵ Е. Курилович, Очерки по лингвистике. М., 1962.

падежные сочетания, как это можно понять из статьи, Курилович относит к семантическим, т. е. независимым от значения глагола, но наделенным собственным семантическим содержанием. Для русского языка такая классификация вряд ли применима. Как видно из приведенного выше материала, предложно-падежные сочетания 1) могут быть обусловлены семантикой глагола и, следовательно, относиться, по терминологии Куриловича, к синтаксическим падежам, 2) эти «синтаксические» падежи насыщены конкретным значением, напр., конструкции *с + твор. п.*, в которых выражаются отношения совместности.

II. Отношения необходимости между полисемичным глаголом и управляемым субстантивом принимают иной характер в том случае, когда реализация каждого «отдельного» значения требует своей особой управляемой формы. Таким образом, разграничение семантических элементов в составе слова происходит с помощью закрепления за каждым из них своеобразной предложно-падежной конструкции. Такой тип управления можно назвать *различительным*.

В современном русском языке такие глаголы единичны, нам встретилось их всего 6, причем некоторые из них можно включить сюда только с оговорками. Глагол *реагировать* имеет два значения и, соответственно, две формы управления: 1) 'поступать каким-либо образом в ответ на что-либо, под влиянием чего-либо'; *реагировать на что*. — «Устинов заявил, что будет, как положено коммунисту, реагировать на критику». Б. Полевой, Любовь; 2) 'вступать в химическую реакцию', *реагировать с чем*'. — «С окислами металлов серная кислота реагирует так же, как и соляная: получаются соли и вода». Кирюшк. Химия.¹⁶

В глаголе *снисходить* различаются следующие значения: 1) 'охватывать кого-либо, овладевать кем-либо (как бы спускаясь, распространяясь сверху, свыше)' *Снисходить на кого-либо*. — «На него снисходит вдохновение»; 2) 'удостаивать своим вниманием, участием, присутствием и т. п., как бы опускаясь тем самым до уровня кого-, чего-либо'. *Снисходить до кого-, чего-либо, к кому-, чему-либо*. — «(Бойчугин:) Я всегда оставался для вас Кирюшкой, до которого вы только снисходили». Невеж. Компаньоны; «Снисходя к слезам его матери, дали ему аттестат об окончании шести классов». Купр. Святая ложь; 3) 'проявлять сочувствие, снисхождение в отношении кого-, чего-либо'. *Снисходить к кому-, чему-либо*. «Надо, брат, снисходить к старику». Чех. Три года.¹⁷

¹⁶ Хотя глагол *реагировать* включается нами по указанию Словаря в группу многозначных глаголов, правильной было бы рассматривать два омонимичных глагола. Значения семантических элементов в составе глагола *реагировать* совершенно самостоятельны, даже деривационные связи между ними не представляются актуальными.

¹⁷ Второе значение этого глагола допускает варианты управляемых форм, что, безусловно, нарушает принцип, по которому выделены глаголы данной группы.

Глаголу *базироваться* присущи два значения: 1) 'исходить из чего-нибудь, основываться в суждениях и действиях на чем-нибудь'. — «Политическая стратегия базируется на учете классовых сил». Управление — конструкцией *на + предл. п.*; 2) 'иметь что-нибудь в качестве базы (воен.)'. — «Армия базировалась на ряд крепостей». *Базироваться на + вин. п.*

Пять лексических значений насыщает глагол *тяготеть*, но только две отличительные формы управления: 1) 'испытывая на себе силу тяготения, притягиваться к чему-либо'. *Тяготеть к чему*. — «Когда созрело яблоко и падает, — отчего оно падает? Оттого ли, что тяготеет к земле, оттого ли, что засыхает стержень?» Л. Толст. *Война и мир*; 2) 'испытывать тягу, влечение к кому-, чему-либо, иметь склонность, быть приверженным к чему-либо'. *Тяготеть к кому, чему*. «Студент с ним не особенно ладил и больше тяготел к семье капитана». Корол. *Ист. моего современ.*; 3) 'испытывать потребность в связи с кем-, чем-либо, быть связанным с кем-, чем-либо, как с центром влияния'. *Тяготеть к кому, чему*. — «Тунгусские племена всегда тяготели к русским, — сказал старик». Задорн. *Далекий край*; 4) 'тяжело нависать или возвышаться над окружающим'. *Тяготеть над кем, чем и на ком, чем*. — «Широко, необозримо, Грозной тучею сплошной, Дым за дымом, бездна дыма Тяготеет над землей». Тютч. *Пожары*; «А на нем тяготело подозрение... ужасное, гнусное подозрение». Леск. *Интересн. мужчины*; 5) 'держат в своей власти кого-, что-либо, господствовать над кем-, чем-либо, угнетать'. *Тяготеть над кем, чем*. «Надо мной тяготела та же невидимая сила, которая тяготела над всеми домочадцами и которой я, в свою очередь, подчинялся безусловно». Салт. *Пошехонск. старина*.

Основным значением глагола *примиряться* является значение взаимности, обусловленное суффиксом *-ся*: 'прекращать состояние ссоры, вражды между кем-либо'. *Примиряться с кем*. Второе значение — 'терпимо относиться к чему-либо' — также требует конструкции *с + твор. п.* «Скрепя сердце, она примирилась с отъездом сына». Шишк. *Угрюм-река*. Для актуализации третьего значения — 'довольствоваться, удовлетворяться чем-либо' — глаголу нужна управляемая конструкция *на + предл. п.* — «Примириться на том, что на землю пала вечная мгла, он не может». Федин, И. *Эренбург*.

Глагол *обвиваться* имеет два значения: 1) 'обматывать, оплести собой что-либо'. *Обвиваться вокруг, кругом, около чего-либо*. — «Круглые, дутые бусы в три ряда обвились вокруг смуглой, худой шеи». Тург. *Деревня*; 2) 'окутываться, обволакиваться (мглой, туманом и т. п.)'. Для реализации этого значения требуется беспредложная форма творит.

Такой строгой зависимости управляемой формы от глагола или от отдельных его значений, как при фиксированном типе

управления, эта группа глаголов не имеет. В глаголах *снисходить*, *обвиваться* возможны синонимичные предложно-падежные конструкции, что значительно ослабляет синтаксическую связь. Глагол *тяготеть* также не совсем закономерен в данной группе, т. к. не каждое из его значений получает свой различительный тип управления.

Следовательно, данный тип управления совсем не характерен для русского языка.

III. Между глаголом и падежной конструкцией могут возникать **альтернативные** отношения, необходимость выбора одной из двух (реже трех) синонимичных по значению управляемых форм. Нам встретилось около 40 подобных глаголов.

Глаголы этого типа так же, как и в рассмотренных выше группах, ограничены в своих связях. Однако эта ограниченность получает здесь свою синтаксическую специфику: глагол выборочно управляет одним из нескольких имеющихся вариантов за-висимого слова. Такой тип управления будем называть *вариантным*.¹⁸

Использование в речи определенной синонимической формы управляемого слова позволяет 1) различать смысловые нюансы одного и того же значения глагола (напр., *консультироваться у кого*, *консультироваться с кем*), 2) образовывать стилистические варианты словосочетаний (*ходатайствовать о ком-нибудь*, *ходатайствовать за кого-нибудь*).

Рассмотрим указанные положения: 1) В каждом отдельном случае употребления отбирается тот вариант, который помогает реализовать нужный в данный момент специфический оттенок значения. Естественно, что это способствует более точному и четкому выражению мысли.

Глагол *предрасполагать* имеет значение 'заранее располагать, настраивать, склонять к кому-, чему-либо' и вариантное управление: *к кому, чему; в пользу кого, чего*. — «(Долгоухов) любил не только сладко поесть, но и заранее предрасположить себя к предстоящим вкушениям». Салт. В среде умеренности: «Вводя нас в семейство Лариных, Пушкин тотчас старается предрасположить нас в пользу Татьяны». Писар. Пушкин и Белинский; «Этот взгляд (Гегеля) и предрасположил Герцена к пониманию диалектики как алгебры революции». Плеханов, Филос. взгляды А. И. Герцена.

В словосочетании, включающем *в пользу кого, чего*, кроме основного значения 'благоприятно относиться' появляется дополнительный оттенок 'вызывать симпатии'. Этот оттенок отсутствует при конструкции *к + дат. п.* Поэтому в приведенных пред-

¹⁸ Ср.: В. М. Никитин, Схема глаголов по характеру связи с ними косвенных падежей существительных. Совещание лингвистов Юга России и Северного Кавказа по вопросу о связи слов в словосочетании и предложении. Тезисы докладов. Ростов, 1961.

ложениях *к + дат. п.* нельзя заменить сочетанием *в пользу кого, чего*.

Глагол *винить* ('ставить что в вину кому-либо, обвинять, осуждать') управляет синонимичными предложно-падежными конструкциями: *в чем* и *за что*. — «Мы должны сознаться: выхода из «темного царства» мы не нашли в произведениях Островского. Винить ли за это художника?» Доброл. Темн. царство; «Во всем вините себя самого». И эти сочетания не всегда равноценны по смыслу и, следовательно, не всегда взаимозаменяемы. *Винить в чем* содержит более конкретный и прямой характер обвинения.

2) В большинстве случаев синонимические управляемые конструкции служат для обозначения смысловых оттенков речи, но среди такого рода сочетаний находим и стилистические синонимы. Так, напр., глагол *заискивать* ('угождать, льстить, добиваясь чьего-либо расположения, покровительства') может управлять одним из трех сочетаний: *у + род. п.*, *в + предл. п.* и *перед + творит. п.*, причем ни одна из этих форм не вносит нового оттенка лексического значения. — «Гедеоновский засмеялся тоненьким и подобострастным смехом: он заискивал в молодом, блестящем чиновнике из Петербурга». Тург. Двор. гнездо; «(Добролюбов) не только не заискивал у авторитетов, но даже избегал встреч с ними». Черныш. Посмертные стихи Н. А. Добролюбова; «В санбате капитан заискивал перед врачом, упрашивая отпустить хотя бы на час в подразделение». В. Кожевн. Под лед. крышей.¹⁹

Считаем, что приведенные примеры служат образцом стилистических синонимов, в смысловом отношении они равны и могут заменять один другого.

IV. Между глаголом и падежной формой существуют отношения возможности.

При глаголе закреплена одна управляемая форма, но ее употребление необязательно. Присоединение данной формы конкретизирует, ограничивает семантическое содержание глагола. При отсутствии управляемой конструкции глагол приобретает более широкое смысловое значение и сохраняет полную семантическую самостоятельность.

Управление теряет признак необходимости и носит поэтому ослабленный характер. В эту группу входит около 100 глаголов. Часть из них можно объединить в семантические разряды. Так, напр., глаголы, которые обозначают проявление какого-либо чувства, эмоции: *сердиться*, *серчать* (простореч.), *гневаться*, *гневиться* (простореч.), *негодовать*, *разочаровываться*, *ревновать*, *горевать*, *замечтаться*, *раскаиваться* и т. п. Проанализируем некоторые из них.

¹⁹ «Заискивать в ком» нам представляется устаревшей конструкцией, хотя Словарь такой пометы не делает.

Глагол *сердиться* ('быть, находиться в состоянии раздражения, гнева') сохраняет свою лексическую полноту и без управляемого слова. — «Мартын Мартынович сердился: седые брови шевелились, борода и усы вздрагивали, а серые глаза становились колючими». Гладк. Берез. роша; «Без помощи слуги, крихтя и сердясь, уложил Лемм небольшой свой чемодан». Тург. Двор. гнездо. При необходимости указать лицо или предмет, на которые распространяется чувство гнева, появляется единственно возможная для этого глагола форма *на + вин. п.* — («Она): Ты чем-нибудь встревожен, верно. Чем же? Уж на меня не сердись ли ты?» Пушкин. Русалка; «Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту». Гог. Шинель.

Выделяются в данной группе глаголы с общим семантическим элементом совместности действия: *отождествлять, повздорить, повенчаться, женить(ся), разлучать* и т. п. Значение этих глаголов также носит широкий характер и не требует для раскрытия своего значения косвенного падежа объекта. Ср.: «(Я) брачное путешествие совершаю.. — Вы? Разве вы женились? — Сегодня, милейший! Повенчался и прямо на поезд». Чех. Счастливчик. Но при уточнении, конкретизации действия объект может употребляться только в определенной падежной форме (*повенчаться с + твор. п., жениться на + предл. п.*).

В эту группу входят глаголы: *нуждаться, обмакивать, обмзывать, прикрикивать, членить(ся), ябедничать, шпионить, усовершенствоваться, уполномочивать, завязнуть* и многие другие.

V. Между глаголом и падежной конструкцией возникают отношения избирательности.

Устойчивый тип управляемой конструкции закрепляется только за одним (или несколькими) из многих значений глагола. Напр., из всей совокупности значений глагола *отвечать* только одно требует определенной предложно-падежной формы: 'нести ответственность за кого, что'. — «Я руководил Молодой гвардией один и один отвечаю за все, что делали ее члены по моему указанию». Фадеев, Молод. гвардия. Глагол *ладить* имеет семь значений, и только одному из них свойственна особая управляемая форма: 'жить в согласии, мире, дружить': *ладить с кем*.

Таких глаголов сравнительно с остальными группами много, более 200.

В. В. Виноградов называет такие, обособляемые синтаксическими сочетаниями, значения глагола конструктивно-обусловленными. «Многие лексические значения слов неотделимы от строго определенных форм сочетаемости этих слов с другими словами». «Специфические особенности конструктивно обусловленного значения особенно ярко обнаруживаются в тех словах, в которых самая возможность реализации и раскрытия их лексического содержания зависит от строго определенных форм их синтакси-

ческих сочетаний. Напр., глагол *разобраться*, кроме своего прямого значения 'привести в порядок, разобрать свои вещи', имеет конструктивно обусловленное значение: *разобраться в ком-чем* — 'в результате опыта, наблюдений хорошо понять' (*разобраться в вопросе, в обстоятельствах дела, в своеобразии чьего-нибудь характера* и т. п.). Реализация данного значения невозможна вне зависимости от соответствующей конструкции.²⁰

Особенно часто конструктивно обусловленными оказываются не отдельные значения, а только их оттенки ('объясняться в любви, определяться в ученики'). Количество таких глаголов настолько велико, что практически не поддается счету, почти каждому глаголу присуще в одном из оттенков своих значений иметь закрепленную форму управления.

В материал данной статьи не вошли глаголы, у которых актуализация значения может происходить не только с помощью управляемых конструкций, но и другими средствами: придаточным предложением, инфинитивом, прямой речью, хотя глаголов, раскрывающих, конкретизирующих свое значение подобными синонимичными способами, немало. Напр., глагол *осведомляться* употребляется или с предложно-падежной конструкцией (*осведомляться о ком, чем*), или с придаточным предложением («Я ем с жадностью, не жуя, не глядя и не осведомляясь, что я ем». Чех. Устрицы). Глагол *отваживаться* требует сочетания *на + вин. п.* или употребляется с формой инфинитива. («Надо было на что-нибудь решиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый». Лерм. Фаталист).

В этой статье была сделана попытка представить те отношения, которые могут возникать между глаголом и предложно-падежной конструкцией, и определить типы управления, соответствующие им. «Свободные», необусловленные сочетания глагола с предложной конструкцией не рассматривались, подчиненные связи в таких словосочетаниях не относятся нами к синтаксической связи управления.²¹

²⁰ В. В. Виноградов, Основные типы лексических значений слова. «Вопросы языкознания», 1953, № 5, стр. 26.

²¹ М. Д. Лесник, Принципы отграничения сильного и слабого типов управления. Труды по русской и славянской филологии, т. VII. Серия лингв., Тарту, 1965.

О РУССКОМ ДИАЛЕКТЕ В ИЙЗАКУ

Х. Хейтер

В окрестностях Ийзаку на территории ЭССР в течение столетий проживает русское население в самом тесном лингво-этническом, экономическом, культурном контакте с коренными жителями — эстонцами. Как полагают, заселение этой местности русскими происходило из разных местностей, но в основном из северо-западной части прежней Водской земли. По утверждению Х. и А. Моора, в XII—XIII в. в теперешнюю восточную Эстонию проникла волна поселенцев северо-западного водского племени, которая «распространилась через верховье реки Нарвы, главным образом, в северное Причудье, в окрестности теперешнего Ийзаку, и прошла вдоль побережья озера на юго-запад до Лохусуу,¹ причем «эта поселенческая волна в значительной части, по-видимому, состояла уже из ославянившейся воды»². К этому времени, как полагают видные советские археологи В. В. Седов и Х. и А. Моора, словене уже успели заселить большую часть Ижорского плато, где раньше обитала северная вода. Таким образом с этого времени, т. е. уже с XI века, вода жила чересполосно со словенами, а с течением времени она окончательно обрусела.³

На водское происхождение населения Ийзакусских деревень еще в конце XIX века указывал и Ю. Трусман.⁴ По его мнению, это потомки древней чуди, пришедшие из-за реки Нарвы и утратившие затем свой язык и нравы. Чисто русских переселенцев из соседних русских губерний он обнаружил совсем незначительное количество. О водском происхождении говорят и топо-

¹ Х. А. и А. Х. Моора, Из этнической истории воды и ижоры. Сб. «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений». Таллин, 1965, стр. 65.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Ю. Трусман, Исацкие полуверцы в Эстляндской губернии. Временник Эстляндской губернии, II. Ревель, 1895, стр. 3—38.

нимические названия, которые сохранились и носят явно прибалтийскофинский характер. Впервые названия Ийзакусских деревень упоминаются в таком письменном памятнике, как «*Libre Censu Daniæ*», относящемся к XIII веку. В памятниках XIV—XVI вв. можно найти названия многих существующих и теперь населенных пунктов, например: Soenpe (Soompea), Corwentacken (Kõrvetaguse), Hymotenkyla (Imatu), Lechtenpe (Lähtepea), Potzke (Pootsiku), Jouckole-Jowkul — Jauküll (Jõuga), Warrasmetz (Varesmetsa) и др.⁵ На эстонской почве среди преобладающего католического, а затем лютеранского по вероисповедению эстонского населения начался обратный процесс ассимиляции прежних финно-угров (води) уже с местным эстонским населением. Как отмечает Ю. Трусман, в 80-ые годы прошлого века русская речь в домашнем обиходе была общепринята, в некоторых деревнях женщины по-эстонски вообще еще не говорили. В 30-е годы этого века (через 50 лет) в Ийзаку преобладал уже эстонский язык. Если тогда, по данным П. Аристе, О. Лийва, А. Калдмаа⁶ по-русски говорили еще в 20 деревнях, то в настоящее время (имеется в виду лишь старшее поколение) русскую речь можно слышать лишь в Вайкла, Лийвакюла, Сялику, Поотсику, Куру. Все другие деревни перешли полностью на эстонский язык. Там можно встретить только единичных представителей старшего поколения, которые в детстве говорили на русском диалекте еще дома и поэтому сейчас довольно свободно владеют им. Среднее и младшее поколение знают русскую речь или очень плохо, или совсем не владеют ею.

На берегу Чудского озера в непосредственном соседстве с русскими деревнями находятся деревни Каукси и Куру, где русский язык не отстает, а, наоборот, распространяется и стабилизируется, причем в Куру, хотя люди там знают оба языка, чаще можно слышать русскую, а не эстонскую речь. Здесь говорит по-русски не только старшее и среднее поколение, а также молодежь. Язык этой деревни уже не «ийзакусский», он близок обычным северопричудским русским говорам. В этих деревнях диалектные черты ийзакусского диалекта сказываются, пожалуй, лишь у стариков, но и у них очень незначительно.

Летом 1965 г. были обследованы следующие населенные пункты бывшего Эст. прихода Ийзаку: Поотсику, Вайкла, Лийвакюла, Сялику, Варесметса, Имату, Тяревере, Йьуга, Сырмаэ, Соотага, Каукси и Куру. Повсюду еще удалось обнару-

⁵ Источник названных данных см. в работе А. Моора, Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn, 1964, lk. 38—43.

⁶ P. Ariste, Korjamismatkal poluvertsikute maal. «Eesti Kirjandus», 1930, lk. 364—370.

A. Kaldmaa, Iisaku kihelkonna poluvertsikud. «Eesti Kirjandus», 1937, lk. 309—137.

O. Liiv, Vene asustusest Alutagusel. Tartu, 1929.

жить людей, говорящих на местном русском диалекте, но в большинстве случаев это уже билингвалы, которые между собой говорят по-эстонски, но так же свободно могут изъясняться и по-русски. Таково положение в Вайкла, Поотсику, Лийвакюла, Сялику и Куру. Изредка попадаются люди, более охотно говорящие на русском языке (Лийвакюла, Куру). Из таких людей можно назвать в Лийвакюла Херберта Карпа (69 л.), Вольдемара Силлавяли (63 г.), Альвину Карп (85 л.), Бениту Юзе (60 л.); Вольдемара Вээльма (77 л.), Иду Карп (74 г.); из Вайкла — Ольгу Карп (73 г.), Альберта Карпа (67 л.), Альберта Аймре (Нимвицкого) (69 л.), Эльфриде Аймре (61 г.), Валиде Карп (77 л.).

В данной статье мы ограничиваемся в основном анализом материалов, записанных именно в этих деревнях, т. е. в Вайкла и Лийвакюла, т. к. именно здесь представлена наиболее яркая и типичная для этой местности диалектная речь.

При первом же ознакомлении с русской речью жителей этой местности бросается в глаза следующее: диалект Ийзаку, создававшийся в течение продолжительного периода времени, является продуктом сложных межъязыковых контактов, испытавшим влияние языков разной степени родства. С одной стороны, на него оказывал и оказывает в настоящее время влияние близкий древней води эстонский язык; с другой стороны, в нем продолжает сохраняться севернорусская основа (диалект древних словен), в которой первоначально и растворился язык води, но на эту основу оказали известное влияние — в более позднее время — и русские говоры северного Причудья и Принаровья. Поэтому в Ийзаку мы имеем дело, по-видимому, с своеобразным русским диалектом с коренными северными диалектными особенностями и целым рядом субстратных финно-угорских черт.

В данной статье будут рассмотрены сначала специфические особенности изучаемого диалекта, имеющие, видимо, субстратный характер. Затем остановимся на северновеликорусских языковых чертах, составляющих основу русской речи этой территории.

I. Специфические особенности русского диалекта Ийзаку.

Диалекту Ийзаку свойственны некоторые весьма редкие диалектные черты, которые придают ему своеобразный характер и составляют его языковую специфику.

1.1. К числу таких особенностей относится прежде всего отсутствие в нашем говоре гласного *ы* после твердых согласных и совпадение его с фонемой *и*, ее вариантом *й*. Произошло передвижение артикуляции звука среднего образования *ы* в более верхний ряд, ближе к *й*.

Приведу следующие примеры:

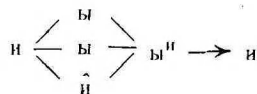
под ударением: *т'и 'ты', м'и 'мы', в'и 'вы' с'ин, два с'йна, йаз'ук, трав'и скóл'ка, в'и́страил, в'и́шла, в'и́йэхат, в'и́п'ила, пóсле вайн'и, с_вайн'и пр'ишóл, в'и́расла, трав'и мáла, н'е сл'и́шу, в'и́гнал вон, са свайе́й старан'и, т'и́л, (тыл); в безударном положении: бл'и́ц'и' грибы', жóлт'и, чóрн'и, óт'их, кл'у́кв'и мáла, прáвйм у́хам н'а сл'и́ху, канáв'и капáл, з карóв'и, ц'ён'и так'и, акóн'и капáл, гóд'и в'исóк'и, б'ез рабóт'и, ат прастúд'и.*

Возникает вопрос, почему именно здесь, на этой территории бывшего Ййзакусского прихода наблюдается подобное явление?

Возможно, причина кроется в следующем. В эстонском языке имеются гласные *и* (i) и *ы* (õ), но «эстонское *ы* (õ) является разновидностью основного гласного *е*». ⁷ Эстонский звук *õ* (e), будучи разновидностью *е*, относится к среднему подъему по образованию, он ниже русского звука *ы*.

В водском языке в настоящее время также имеются два варианта *ы*: один звук среднего образования, т. е. вариант *е* (e), как и в эстонском языке, и другой звук, близкий русскому *ы*, причем этот звук встречается преимущественно в заимствованных из русского языка словах ⁸.

Если учитывать, что население территории Ййзаку представляет собою обрусевшую уже в давние времена водь, то можно предполагать, что русский звук *ы* казался им ближе к *и*, чем водскому (финно-угорскому) *е*-образному *ы* (õ), и поэтому вместо *ы* в их речи звучит и-образный звук *и̂* (*ы^{и̂}*).

Такому произношению способствовало, видимо, и позднее эстонское окружение. Интересно отметить, что подобное явление отмечено и в некоторых русских говорах на территории Дальне-Константиновского района Горьковской области ⁹. Проф. Аванесов связывает происхождение этой черты на данной территории с иноязычной подосновой (мордовской т. е. финно-угорской) этих говоров.

1.2. В диалекте на территории бывшего Ййзакусского прихода совпадение гласных *ы* и *и* в звуке *и* не наблюдается в словах с корнем *бы* — *забыл, был* и т. д. Вместо *ы* произносится здесь *у*: *бул, бúла, бúл'и, бувáз, забúл, забувáйу*. Такое же произношение *у* на месте *ы* после губных обнаружено проф.

⁷ P. Ariste, Eesti keele foneetika. Tallinn, 1953, lk. 63.

⁸ P. Ariste, Vadja keele grammatika. Tartu, 1948, lk. 5.

⁹ P. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 51.

П. С. Кузнецовым в севернорусских говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы¹⁰, причем проф. П. С. Кузнецов полагает, что переход звука среднего ряда *ы* в звук верхнего подъема *у* может быть связан с лабилизацией, т. к. вся группа безударных *а, о, ы* в соседстве с губными согласными может подвергаться лабиализации, или же ассимилироваться с следующим гласным звуком.

Звук *у* на месте *ы* после губных встречается, по данным Н. Дурново,¹¹ и в говорах, переходных от украинского языка к белорусскому: *бук, муло*. В подгруппе карпато-угорской¹² формы *бўт'и, бўла* объясняются влиянием соседних словацких и гуцульских говоров. Видимо, такое явление перехода *ы* в *у* после губных встречается чаще всего в пограничных или переходных говорах и вызвано оно специфическими особенностями биллингвизма.

1.3. В диалекте Ийзаку подробного рассмотрения требует также палатализация согласных, представляющая здесь довольно своеобразное явление. В этой статье мы ограничиваемся лишь некоторыми примерами. Для данного диалекта типично отвердение конца слова, иногда целых грамматических категорий:

а) отвердение инфинитива: *д'ержа́т, нада ит'и́т, й́ехат, ста́т, кр'ича́т, как сказа́т, не пан'а́т, стали в'идава́т, бўду дава́т, рабо́тат, на́да нан'а́т л'уд'ей, на́да н'е́ст, тка́т, ваз'и́т, намага́т, на́да бўла паха́т, што тут д'ела́т, на́да атр'еза́т, бўд'е тр'аст, вз'аст (взять), л'он т'ану́т и пало́т хад'и́ла, пакупа́т на́да, на́да пр'ит'и́т и бума́г'и падава́т, на́да д'ела́т;*

б) отвердение существительных второго и третьего склонения: *ма́т, доч, см'е́рт, по́моч, д'ен, о́с'ен, бал'е́ст (болезнь), ка́м'ен;*

в) отвердение числительных и наречий: *п'а́т, шест, с'ем, ад'и́наца́т, с'емна́ца́т, два́ца́т; т'ен'е́р, ап'а́т, зд'е́с, проч.*

Палатализация утрачивается нередко и перед *и, е*: *рабо́таэ́тэ, мнэ, тебэ́, в Е́вэ (в Йыхви), н'е бўдэ́, д'е́ти, т'ене́р, но́нэ, с'абэ́, аді́н, в'идите, дўма́те.*

Нет смягчения согласных в середине слова в соответствии с *ь* в литературном языке: *ба́тна, ба́лница, па́то, даво́тна, ранше, то́лка, сва́дба, уса́дба.*

Всегда твердо произносится *ч*.

Несмотря на такие отклонения от норм палатализации в литературном языке, мягкие согласные в диалекте Ийзаку все же не утрачиваются в полной мере. Палатализация и здесь наблюдается, как и в литературном языке, перед *'а, 'у, 'о, 'е, и*, при-

¹⁰ П. С. Кузнецов, О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы. Сб.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I, М.—Л., 1949.

¹¹ Н. Дурново, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915, стр. 74.

¹² Там же, стр. 70.

чем лучше сохраняется в начале и середине слова: *н'ал'з'á, кр'ест'án'и, м'ан'á, св'акр'ова, м'эс'ак, л'ажáл, на ст'ан'э, з'амл'á, пр'ив'ал'ú, д'эт'ам, фп'ар'од, н'ед'эл'у, д'ер'эвн'и, б'аж'ú, д'эн'ек, в л'эс'е, тел'онак, п'асок, жив'ú, бл'úц'и, кúр'иц'и, маш'úн'и, жив'ó.*

В связи с ослаблением палатализации в инфинитиве проф. П. С. Кузнецов допускает двоякое объяснение¹³: или это остаток старого супина, или же просто закономерное отверждение т' (из-ти), т. к. конечные согласные в русском языке имеют тенденцию отвердевать. Подтверждением последнего положения служат примеры в нашем говоре, свидетельствующие об отверждении конечных согласных и в других формах (кроме инфинитива) на конце слова или перед конечными передними гласными. Такому отверждению способствовал, видимо, и финно-угорский субстрат рассматриваемого диалекта, а также позднейшее эстонское окружение, т. к. в финно-угорских и в частности в эстонском языке палатализация, по сравнению с русским языком, выражена довольно слабо¹⁴, причем в водском языке она наблюдается лишь в словах, заимствованных из русского языка¹⁵. То же самое можно сказать и относительно средневропейского *l* в середине слова: *бална, даволна*. В дальнейшем этот вопрос произношения *l* должен быть рассмотрен особо.

1.4. Важными морфологическими и синтаксическими особенностями Ийзакуского диалекта является смешение родов и выравнивание падежей, а также нарушение согласования и норм управления: *ад'ún дачкá, мат пом'ер, ад'ún св'ин'úá, ад'ún год, п'ат год, тр'ицáт год, тр'ицáт два год, с'эмд'есат два л'ет;*

тр'и с'астрá, гавар'ú правда, д'элали оперáций'а, хачú г дачкú, тут зáработок н'э була;

п'ат д'ер'эвн'еф, многа скат'úна бúла, скóл'ка дн'ов, раш'и-р'эн'ийе л'окъф, н'эскол'ка кр'ест'ánъф, мáла эктар;

в этам д'ер'эвн'е, стáрам челав'эку трúдна, памагáйу стар'икá.

Смешение родов и нарушение согласования в роде появилось в диалекте Ийзаку, по всей вероятности, под воздействием прибалтийскофинских языков, где нет грамматической категории рода. Обособленное положение от других живых русских говоров и намечающийся переход к эстонскому языку приводил к беспорядочному употреблению падежных окончаний.

1.5. Так как диалект Ийзаку на всем протяжении истории своего формирования стоял в стороне от влияния русского литературного языка, речь представителей этой местности отличается обилием заимствованных из эстонского языка слов, что объясняется тем, что говорящим просто не хватает своих русских слов

¹³ П. С. Кузнецов, Русская диалектология. М., 1960, стр. 113.

¹⁴ P. Ariste, Eesti keele foneetika, lk. 77.

¹⁵ P. Ariste, Vadja keele grammatika, lk. 15.

для выражения тех или иных понятий. Ниже будут приведены примеры такого смешения русских слов с эстонскими: *на väb-riku работал* (на фабрике работал), *лес возил в Тартумале* (лес возили в Тартуский уезд), *тантс (танцы) бул на гар'ё, у йей эта vähk* (рак), *бул, б'ар'оза на в'ин'ёр шла* (береза шла на фанеру), *л'он тр'ап'али окт'об'рис* (в октябре), *м'устлане* (цыганка) *сказала, йанá Орул* (в Ору) *жив'о, halastajaõde* (милосердная сестра) *poolarsti* (полуврач) *ук'ол'и мн'ё д'ёлала, rea-rõlendik* (менингитом) *забол'ёл, з'амл'и ш'есд'ис'ат sajandikki* (60 сотых), *крав'ан'и ворст'ид б'ул'и* (колбáсы), *п'ёт'и, к'ёмен клáли* (свеклу и тмин клали), *м'áса праáди б'ула* (жаркое было), *нар'от такой с'ыбрал'ик бул* (дружеский). Чаше эстонское слово сохраняет свою форму, но встречаются примеры, в которых эстонское слово употребляется соответственно правилам русского языка. Например: *на вс'áким рáзн'им м'устерам* (узoram) *ткáли*.

2. В русской речи Ийзакуского двуязычного населения встречаются некоторые интересные архаичные языковые черты.

2.1. Архаизмом в фонетическом и морфологическом отношении является произношение *к* в слове *палукáйу, палукáл, палу-кáла*. В русском языке такой переход *к* в *ч* произошел уже в более раннюю эпоху общеславянского языка вследствие первой палатализации заднеязычных. Произношение *к* в глаголе *полу-чать* можно услышать довольно часто у людей старшего поколения Вайкла и Лийвакюла.

2.2. В доисторическую эпоху в связи со II палатализацией заднеязычных в русском языке совершился переход *к* в *ц*, в результате чего заднеязычный *к* стал произноситься как *ц* в таких словах, как отец, месяц и др. В диалекте Ийзаку такой переход *к* в *ц* не наблюдается, например, в слове *месяц*, и поэтому говорят: *м'ёс'ак, два м'ёс'ака, за стари м'ёс'ак, ск'ол'к'и м'ёс'акоф* (нарядú с *месяц*).

2.3. К числу древних языковых явлений можно отнести встречающееся в диалекте Ийзаку произношение *кв* вместо *ц* в слове *кв'ет* (*кв'ет'и, кв'ат'и, кв'ет'о, кв'ет'у, кв'ату*). Такое произношение *кв'ет* вместо цвет можно услышать у жителей деревни Лийвакюла. В западославянских языках перехода *кв* в *ц* не произошло: в польск. *kwiat* чеш. *květ*. Но и в восточнославянских языках этот переход совершился непоследовательно: в украинском, белорусском языках и в некоторых русских говорах (Псковских и Оловешких) это сочетание *кв* сохранилось¹⁶. укр. *квіти, квітки, квітнути*, белор. *квет*, русск. диал. *квет*.

В настоящее время произношение *квет* является уже редким явлением.

Наличие таких архаизмов в диалекте Ийзаку лишний раз

¹⁶ Н. Дурново. Очерк истории русского языка 1924. М. -Л., стр. 126.

говорит о тесных связях населения этой территории с древними славянскими племенами, в речи которых во время контактирования сохранялись еще эти общеславянские черты. Сохранение таких черт именно на этой небольшой территории ЭССР объясняется 1) обособленностью территории, культурной и материальной жизни от других русских говоров, 2) постоянным иноязычным (эсонским) окружением, 3) отсутствием влияния русского литературного языка.

II. Северновеликорусская основа диалекта Ийзаку

1.1. В области вокализма речь населения территории Ийзаку характеризует в настоящее время недиссимилятивное аканье, т. е. совпадение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в одном звуке *a*. Из-за недостаточной обработки фактического материала пока еще трудно точно установить первоначальный тип аканья и исходный вид вокализма, но в материалах встречаются и несомненные случаи произношения *o* в безударных слогах: *получáл, полукáйем, дал'óко, пó_мор'у, гóрод, с'этова, кан'éшно*. Думается, что аканье этой местности представляет собой вторичное явление, возникшее на основе оканья в сравнительно недавнем прошлом.

1.2. В первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема произносятся повсеместно *'a*. В качестве примера приведем следующие записанные в деревнях Вайкла и Лийвакюла примеры:

а) под ударением *y, i*: *на р'акú, п'атúн, с'аб'арúтса, п'акú, б'ад'ú н'é була, с'ам'ú гот, йамú, з'арнú, д'арúтса, б'аж'ú, с'амйú, ув'ал'ú, св'ал'ú, б'ал'úл'и, ст'ал'úл'и, б'ег'л'ац'ú, цв'ат'ú, в райú, н'а в'úжу, п'акл'ú, з'амл'ú, разд'ал'úл'и, жан'улса, пл'ал'ú, м'ашк'ú, ул'агл'ú, фп'ер'ад'ú;*

б) под ударением *a*: *р'аб'áта, с'астрá, в л'асáх, пр'ийажа́л, р'акá, в б'ар'азн'áгу, пад'аржа́л'и, пр'ин'аслá, б'ер'аглá, с'амна́цат, л'ажáл, м'анá, з'амл'á, дв'анáцат, тр'анáт, в'аслám, зб'ажáл'и, п'аклá, бал'áнк'и, см'атáн'и, п'ат'ар'áл'ис'а, с'аб'á;*

в) под ударением *o*: *в'аснóй, п'асóк, п'ахóта, п'ашкóм, недал'акó, ýлóвай, зап'рашóна, св'акрóва, б'агóм, д'авчóнка, в'адрó;*

г) под ударением *e*: *т'ан'ёр, б'ар'óза, л'ат'ёл'и, тр'и д'ат'óрка, д'ат'ей, н'ад'ёл'и тр'и, пасв'атл'ей, с'аб'é, на ст'ан'é, на ра'к'é, с'ал'óтка.*

Иногда в I предударном слоге перед ударными *e, o* слышится *e*: *т'ен'ёр'а, пот'г'ел'эгy, т'ел'óнак, дал'екó, т'ажелó, п'ер'ешóл, д'ер'евн'и, с'ар'ебрó, с'еб'é, т'еб'é, ф с'ер'óтку, н'ед'ёл'а; д'ефчóнка; п'етúн, д'ет'úшк'и, л'есá, д'ержáла, женá, н'е стр'елáл, в б'ер'езн'áгу.*

Совпадение гласных неверхнего подъема в первом предударном слове после мягких согласных перед гласными верхнего и

нижнего подъема в одном варианте *a* и различие *e* и *a* перед гласными среднего подъема приближает данный тип вокализма к прилегающему с восточной стороны гдовскому типу яканья. Этот тип яканья типичен для территории с переходом от оканья к аканью.

Но в нашем говоре чаще встречается в I предударном слоге вместо *e* *a*, независимо от гласного под ударением. Это говорит уже о тенденции перехода к системе сильного яканья.

2. Из области консонантизма отметим лишь некоторые северные и северо-западные черты.

2.1. В диалекте Ийзаку весьма часто встречается *l* в положении перед гласными и согласными, но обычно в середине слова: *mála*, *malaκό*, *malóshn'uk*, *valnúshk'u*, *Pólisha*, *balná*, *bal-n'ýca*, *давóйна*. Это среднее *l* чередуется в конце слова или слога с губно-губным согласным ω ¹⁷:

znála, — не зна ω , *xat'éla* — хат'э ω , *rabótala*, — рабóта ω , *zabýla*, — забý ω , *gavar'ý ω* , *rad'ý ω sa*, *n'etún n'é ω* , *tó ω sta hoz'áika*, *bý ω ka*, *pá ω ka*, *dó ω ga*, *tó ω ka n'et*, *pow'm'ýza* (полумыза).

Ийзакускому диалекту, как многим другим северным говорам с чередованием *l* — ω , свойственна также мена *v* — ω : с *lá ω k'i*, *prá ω da*, *d'é ω ka*, *lá ω ka*, *gala ω á*, *dró ω* .

2.2. Диалект Ийзаку характеризуется своеобразной системой шипящих: наличием парных по мягкости-твердости *ж*, *ш* — *ж'*, *ш'* и различием твердых *ц* и *ч*.

2.2.1. Мягкие *ж'*, *ш'* произносятся перед гласными переднего ряда *и*, *е*: *ж'ивý*, *ж'ил*, *харóш'и*, *бaj'ý*, *маш'ýн'и*, *ýм'ерш'и*, *параж'ýта*, *ж'ир*, *р'ýж'ики*, *с'ин спуст'ифш'и*, *ж'ýтнаиa каша*, *ж'ýта*, *ж'ен'ýлса*.

В положении перед твердыми согласными и в конце слова они обычно утрачивали свою палатальность: *б'ажáл*, *л'ажáл*, *зап'рашóна*, *д'аржáт*, *жар*, *жарá*, *женá*, *шест*.

2.2.2. Речь данного диалекта отличается произношением *ц* и *ч* твердых в соответствии с *ц* и *ч*:

м'és'ац, 3 *м'és'аца*, *н'ém'ец*, *н'ém'цам*, *пшан'ýца*, *ад'ýна́ца́т*;
хачý, *дачка*, *д'ефчóнка*, *чер'ес чóрна мór'е*, *п'ат часóф*, *ноч*, *в'е-чер*, *печ*, *проч*, *чат'ир'е*, *навстр'éчу*, *четв'ера*, *черн'ýц многа*.
ч перед *и* и *е* не смягчается и становится полумягким.

Такое различие *ц* и *ч* твердых характерно особенно для северо-западных говоров. Твердая аффриката *ч* возникла, как полагают¹⁸, на основе твердого цоканья в процессе перехода к различению *ц* и *ч*, в зависимости от которого звук *ч* в этих говорах стал усваиваться как твердая аффриката. В настоящее время во многих ранее цокающих говорах процесс перехода к

¹⁷ В. Г. Орлова, Русская диалектология, 1965, стр. 80.

¹⁸ В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием народных говоров. М., 1959, стр. 58 и сл.

различению завершился и сохранился лишь в словах типа ушоццы.

2.2.3. Наряду с *ц* и *ч* твердыми в диалекте Ийзаку в некоторых словах произносится *ц'*:

бл'иц'а, бл'иц'и, бл'иц'ам, в ац'а, ац'у, пр'и ац'у, к ац'у, ац'ов'и ац'и, афц'а, афц'и, офц'и, кур'иц'а, кур'иц'и.

Ц' произносится и перед окончанием *и* в формах множественного числа:

бруск'иц'и, журав'иц'и, эсто́нц'и, та́нц'и, кало́ц'и, самц'и, н'е́мц'и.

По всей вероятности, в исследуемом нами говоре звук *ц'*, который употребляется здесь в соответствии с *ц* твердым, представляет своего рода архаизм, реликт мягкого цоканья. Как известно, твердое цоканье на территории северо-западных говоров нельзя признать самым древним типом. Как полагает В. Г. Орлова¹⁹, более древним типом на этой территории было мягкое цоканье. Об этом свидетельствуют и памятники Новгородской земли. Как уже было указано выше, территория Ийзакусского прихода заселилась именно из северо-западных владений Новгорода²⁰.

Таким образом, здесь на оторванном от материка островке русских говоров, сохраняется древнее состояние некоторых языковых черт.

3.1. Из морфологических, северных по происхождению, особенностей представляет интерес утрата интервокального *й* и стяжения гласных в формах прилагательных и глаголов. Например: *халодна л'эта, така́ красна бл'иц'а, бал'шаа канáva, так'и бл'иц'и кр'епк'и, друга́ дачка́, мал'енка ла́пка, чо́рн'и так'и йада-в'и бл'иц'и, харо́ш'и, бал'ши́ св'ин'ийи; маладу́ д'е́вушку, св'е́жу кап'у́сту, це́лу н'ед'е́л'у, авс'áну муку́, прасту́ рабо́ту, кип'ачо́ну ваду́; н'е см'е́эш, зна́эш, рабо́таэш, н'е зна́э, пакупáэш, н'е зна́эм, в'и зна́этэ, бувáэ, кто зна́э.*

Из приведенных примеров видно, что стяженные формы являются доминирующими в именах прилагательных, особенно устойчиво стяжение в формах именительного и винительного падежей единственного числа женского рода и именительного и винительного падежей множественного числа всех родов. В глагольных формах утрату наблюдаем чаще всего во втором лице единственного и множественного числа и в 1-м лице множественного числа. Стяжение в 1-м лице ед. ч. не наблюдается. Только единичные примеры связаны с утратой *й* в других спрягаемых формах: *кто зна́э, не зна́э, бувáэ*. Вообще стяжение гласных в глаголах происходит в том случае, когда ударение падает на слог, предшествующий *й*; если же ударение падает после *й*, то стяжение обычно не бывает: *дайби́, дайбó, дайбóм, дайбóте, дайу́.*

¹⁹ В. Г. Орлова, История аффрикат в русском языке, стр. 80.

²⁰ Х. А. и А. Х. Моора. Из этнической истории води и ижоры, стр. 72.

Процесс стяжения гласных в глагольных формах в нашем диалекте не завершен, т. к. здесь произошла только утрата интervoкального *й* (*знáэм, знáэш, знáэте*). Дальнейшая ассимиляция гласных *a* и *e* в глагольных формах в этом говоре не наблюдается. Что касается второго лица мн. ч., то утрата *й*, по мнению Т. С. Коготковой, возможна лишь тогда, когда согласный *t* не имеет мягкости. Вообще стяжение во 2-м лице мн. ч. в русских говорах редкое явление²¹. Утрата *й* во 2-м лице мн. ч. в Ийзакусском диалекте (*знáэтэ*) объясняется, по-видимому, общей тенденцией отвердения конечных согласных в конце слова или же перед конечными гласными переднего ряда.

3.2. Широко распространено употребление глагольных форм 3-го лица наст. времени ед. и мн. числа без окончания *t*, независимо от спряжения глагола.

н'е раст'о, мат жив'о, свайей раб'о'и хв'а'и, мат знáе, ид'о, не дай'у, глаз'и бал'а, пускáй раб'отáйу, ск'о'л'к'и дад'у, н'ог'и бал'а, н'й'у (они), раст'у.

3.3. Встречается форма *йе* для обозначения 3 лица ед. ч. наст. вр. от глагола быть: *йон отт'удава и йе*.

3.4. Из северо-западных языковых черт, свойственных диалекту Ийзаку, можно отметить еще совпадение форм род., дат., и предл. падежей ед. ч. слов женского рода в одной форме *и*.

род. п. : *ат Нар'ов'и, б'ез раб'от'и, аст'ер'егáйса ат праст'уд'и, н'ет рас'и, 3 кар'ов'и;*

дат. п. : *мáчех'и рубáху падар'и'ла, бáб'и б'у'ла 21 год;*

предл. п. : *на вайн'и бу'л, я ф' пол'и бу'л, на том конц'и, жил ф' П'ол'и'и, в зем'л'и, в Ийзак'и.*

Конечный *и* в род. п. ед. ч. может объясняться тем, что Ийзакусский диалект вообще не знает гласного *ы*. Параллельно с *и* в предл. и дат. падежах можно услышать у тех же людей *е*: *в л'ес'е, св'екр'ов'е, в д'ер'евн'е, в бал'н'и'ц'е*.

4. В заключение отмечу, что из синтаксических особенностей широкое употребление получили деепричастные формы в качестве сказуемого, отличающегося по значению от прошедшего времени глагола, которое также используется в этом говоре. Сказуемое, выраженное деепричастием, обозначает такое прошедшее действие, результат которого сохраняется и в момент высказывания²², т. е. имеет значение, близкое к древнему перфекту. Только употребляется оно в данном говоре без вспомогательного глагола.

многа их нар'оши, с'естра' йм'ерши, 3 дома развал'и'вши, дом аста'фши, женá уш'отци с'ин уш'отци, мал'од'и уш'отци, при'й-

²¹ Т. С. Коготкова, Стяжение гласных в русских говорах в его отношении к различным морфологическим категориям. Материалы и исследования по русской диалектологии, вып. II. М., 1961, стр. 94.

²² П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 242.

éxавши, с'ин спуст'йфши, в Еве уйёхацши, йон астафши, пр'ишóтци с'уд'й, рад'йфши, нашóтци, женá ум'ерши, глас папóрт'ифши.

Деепричастие может сочетаться и с прошедшим временем вспомогательного глагола быть: *йан'й бул'и ушóтци.*

Такое сочетание близко древнему плюсквамперфекту.

Настоящая статья является попыткой обобщения и выявления некоторых наиболее ярких языковых особенностей, встречающихся в диалекте Ийзаку. Для более глубокого анализа и выводов необходимо более основательное изучение уже собранных материалов — рукописных и записанных на магнитофонную ленту. В нашем распоряжении имеются сейчас 18 магнитофонных лент и рукописные записи в объеме 200 страниц. Все эти материалы собраны летом 1965 года, но обработать удалось пока лишь часть материалов, собранных в основном в двух деревнях — Лийвакюла и Вайкла. Несомненно, что диалект Ийзаку представляет собой своеобразное языковое явление, заслуживающее более тщательного и основательного изучения.

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКОЙ И ЭСТОНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

А. К. Рейцак

В последние десятилетия советскими языковедами ведется усиленная работа в области изучения фразеологии. Вопросам фразеологии было посвящено несколько конференций, последняя из которых состоялась весной 1965 года в г. Череповце. Тематика докладов, прочитанных на этой конференции, позволяет судить о тех аспектах изучения фразеологии, которые в последние годы пользуются преимущественным вниманием: фразеологическая система языка, структурно-семантические и структурно-синтаксические особенности фразеологических единиц, историческое развитие фразеологического состава и диалектная фразеология, фразеология художественной литературы и публицистики, методика изучения фразеологии в высшей и средней школе.

Первый из перечисленных аспектов объединяет исследования, посвященные предмету науки фразеологии, сущности фразеологической единицы, системным связям между фразеологическими единицами, явлению фразеологизации и другим проблемам общего характера. В рамках этого раздела на упомянутой конференции был поставлен и вопрос о сравнительно-сопоставительном, структурно-типологическом и ареальном направлениях в изучении фразеологии¹.

Все эти направления в конечном счете сводятся к проблеме контактов между языками, родственными и неродственными. Проблема языковых контактов вошла в круг лингвистической проблематики уже давно, однако вплоть до последнего времени разрабатывалась главным образом на материале фонетики и грамматики; в области словарного состава в центре внимания лингвистов стояли в основном вопросы лексического заимствования и калькирования при рассмотрении контактов между неродственными языками и вопросы установления лексических изоглосс при разработке этой проблемы применительно к родственным языкам.

Сравнительно-сопоставительный аспект изучения фразеологии представлен пока что небольшим списком работ², посвященных преимущественно пословицам славянских народов. Специ-

альных работ, в которых бы значительные пласты фразеологии русского языка сопоставлялись с фразеологией других языков, пока еще нет. Вопрос о сходных и совпадающих по внутренней форме (обозначающему) и значению (обозначаемому) фразеологизмах затрагивается лишь попутно в трудах по проблемам перевода фразеологических единиц³ или же в исследованиях по фразеологии какого-нибудь одного языка⁴. В то же время сравнительно-сопоставительный аспект в исследовании фразеологии имеет не только чисто теоретическое, но и огромное практическое значение, создавая прочную основу для составления полноценных двуязычных фразеологических словарей.

* *
*

За последние два-три десятилетия советское языкознание выработало методологические основы сопоставительных исследований, которые можно суммировать таким образом: системность, односторонняя ориентация, семантико-функциональный подход⁵. В одном из недавно вышедших исследований⁶ семантико-функциональный подход обозначен термином семантико-структурный метод.

По-видимому, к фразеологии полностью применимы перечисленные выше методологические принципы. Если вопрос об односторонней ориентации никаких затруднений не вызывает, то этого нельзя сказать о системности и семантико-функциональном (семантико-структурном) подходе. Принцип системности предполагает наличие системного описания фразеологии, а семантико-функциональный (семантико-структурный) метод — наличие номенклатуры значений, идей. Однако по фразеологии мы пока что не располагаем ни системными описаниями, ни номенклатурой идей. Более того, пока еще нет фразеологического словаря академического типа для русского языка; поскольку в дальнейшем речь будет идти о сопоставлении русской фразеологии с эстонской, то необходимо отметить, что пока еще не составлены ни фразеологический словарь эстонского языка, ни русско-эстонский или эстонско-русский фразеологические словари.

В конкретной ситуации в основу сопоставления русской фразеологии с эстонской может лечь только план выражения, т. е., по всей вероятности, необходимо избрать путь, который схематически выглядел бы так, как это представлено в таблице на стр. 145.

В этой таблице * помещены русские фразеологизмы, которые

* Приводимая здесь таблица представляет собой приспособленную к материалу настоящей статьи схему № 2 из книги В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит, Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, стр. 6.

Фразаема	Значение	Соответствие	Категория	Внутренняя форма
1. Находиться (быть и т. д.) на ногах	а) находиться в хлопотах, работать не присаживаясь, не ложась; б) быть в бодрствующем состоянии;	а) jalul olema; б) ärkvel olema;	фразаема свободное словосочетание	'быть на ногах'; 'быть бодрствующим';
2. Подставить (подставлять) ножку	а) в борьбе и в драке подставить ногу так, чтобы противник упал; б) помешать кому-либо в каком-либо деле;	а) jalga ette panema; б) jalga taha panema	свободное словосочетание фразаема	'ставить ногу перед кем-либо'; 'подставить ногу';
3. Не чувствовать (чувать, слышать) ног под собой	а) быстро идти, бежать; б) быстро устать от ходьбы;	а-1) ruttama lennates а-2) kaks paari jalgu all olema; а-3) tulistjalgu tormama; б) jalad otsast ära köndima;	свободное словосочетание фразаема фразаема фразаема	'спешить летя' 'иметь две пары ног под собой'; 'мчаться с горячих ног'; 'износить ноги при ходьбе';
4. Стать (становиться) на ноги	а) оправиться (оправляться) от болезни; б) стать самостоятельными;	а-1) jalule tõusma; а-2) haigeveodist tõusma; б) jalad alla saama;	фразаема свободное словосочетание фразаема	'вставать на ноги' 'встать с постели для больного' 'получить под себя ноги'
5. Вверх ногами	а) в опрокинутом состоянии; б) наоборот, не так, как нужно	а-1) jalad ülespidi; а-2) jalad vastu taevast; б) ümberpöördult.	свободное словосочетание фразаема сложное слово	'ноги кверху' 'ноги к небу' 'опрокинуто; в опрокинутом (виде)'

содержат в своем составе слово **нога**. Все эквивалентные эстонские фраземы также включают это слово. Следовательно, и приведенные здесь русские, и эстонские фразеологические сочетания обнаруживают сходство в своей образно-идиоматической природе. По-видимому, в данном конкретном случае это объясняется тем, что перед нами фразеологизмы соматические, т. е. имеющие в своем составе наименования частей тела человека или животного и в большинстве случаев покоящиеся на метафоре. Как отмечает исследователь эстонской соматической фразеологии Ф. Вакк, «из-за совпадений основных функций частей тела и общечеловечности психических процессов у представителей народов всего земного шара соматические фразеологизмы самых далеких народов могут иметь известные точки соприкосновения»⁷. Вместе с тем Ф. Вакк указывает на существенные различия в соматической фразеологии разных языков, зависящие от местных представлений и обычаев, традиций, символики частей тела и т. д.⁸

1

Ниже сделана попытка произвести сопоставительный анализ русских и эстонских соматических фразеологизмов, содержащих в своем составе слово **сердце**.

Материал распределен на группы в зависимости от того, какую часть речи (член предложения) тот или иной фразеологизм субституирует. В рамках каждой из групп отдельные фразеологизмы сконцентрированы вокруг ведущих идей, каждая из которых выявляется в значении любого фразеологизма данной микрогруппы.

А. Фразеологизмы глагольного характера, выступающие в роли сказуемого

1. Первую группу составляют фразеологизмы, тяготеющие к идее 'злиться'.

1. Приводить (привести) кого-либо в сердце — 'приводить кого-либо в раздражение, гнев; злить кого-либо'. Этот же смысл заложен в эстонском фразеологизме *keegi või miski ajab kellegi südame täis*. Внутренняя форма этого фразеологизма иная: «кто-что-либо заставляет наполниться чье-либо сердце».

2. Входить, приходиться в сердце является непреходящим вариантом указанной выше фраземы, имеющим на эстонском соответствие в виде фразеологизма *süda läheb täis kellelgi* — «сердце наполняется у кого-либо». Т. о., русскому подлежащему, которым выражается активный субъект состояния, в эс-

тонском соответствует пассивный субъект, рассматриваемый в традиционной грамматике как дополнение⁹. Эстонский фразеологизм может выступать и как транзитивный: *süda läheb täis kellegi peale* — «сердце наполняется на кого-либо»; в таком оформлении он служит эквивалентом русского фразеологизма *сердце берет на кого-либо*.

3. Иметь (держатъ) сердце на кого-либо — 'затаить злобу на кого-либо' передается на эстонский язык фраземой, не содержащей в своем составе слова **сердце**, — *kellegi peale vimma (viha) kandma* — «носить неудовольствие (злобу) на кого-либо».

4. Срывать (сорвать) сердце на ком-либо — 'вымещать на ком-либо свой гнев, раздражение, досаду и т. п.' — выражает тот же смысл, что и эстонский фразеологизм *ota viha kellegi peale välja valama* — «излить свою злобу на кого-либо». В этом русском фразеологизме, наряду с идеей 'злиться', явно проступает и идея достижения равновесия. Именно это является связующим звеном между приведенными выше четырьмя фразеологизмами и фраземой.

5. Отвести сердце — 'успокоиться, оправиться от гнева'. Эстонский эквивалент — фразема *südan t kergendama*, буквально — «облегчить сердце». Это же значение имеет свободное словосочетание *viha leevendamata* — «смягчить гнев (злобу)».

II. Вторую группу образуют фразеологические сочетания, в значении которых вычленяется идея 'причинить боль'.

1. Уколоть, ужалить в самое сердце — 'сильно обидеть, уязвить'. В этом же значении выступает эстонский фразеологизм *otse südamesse tokkama*, не расходящийся в своей внутренней форме с русским.

2. Вынуть сердце — 'истерзать, извести, измучить нравственно' — встречается и в виде варианта *вынуть душу*. Эстонский эквивалентный фразеологизм *hingest seest välja sõõtma* — «выесть душу» — по своей образной основе ближе ко второму варианту.

3. Сердце (душу) надорвать кому-либо — 'заставить кого-либо душевно страдать' — передается на эстонском выражением *kellegi südame valust lõhkema rapema* — «заставить чье-либо сердце разрываться от боли», содержащий в себе эстонский фразеологизм *süda on valust lõhkemas*, дословно воспроизводящий русскую фразему *сердце разрывается от боли*.

III. Третья группа — фразеологизмы, связанные с идеей 'сочувствовать'.

1. Принимать что-либо близко к сердцу — 'относиться к чему-либо с большим сочувствием'. Эстонским эквивалентом является фразеологизм *südamesse võtma* — «взять в сердце». Это же значение передается сочетанием связочного

глагола **быть** (olema) с прилагательным-композицией *südame-lähedane* «близкий к сердцу». Первое из этих соответствий употребляется в таких случаях, когда подчеркивается сочувственное отношение субъекта к объекту, ко второму соответствию прибегают при концентрации внимания на объекте, вызывающем сочувственное отношение.

Следует еще отметить, что эстонская фразема *südamesse võtma* выступает и в значении 'чувствовать себя задетым'.

Отрицательной конструкции не принимать близко к сердцу чего-нибудь отвечает эстонская фразема *mil-lestki endale südamevalu mitte tegema* — «не делать из чего-нибудь себе сердечной боли».

2. Сердцем болеть за что-нибудь передает несколько большую степень сочувствия к чему-нибудь, чем фразема **принимать близко к сердцу**; здесь к сочувственному отношению присоединяется душевная боль, мука из-за чего-нибудь. Эстонский эквивалент имеет ту же внутреннюю форму: *südant valutama* — «болеть сердцем».

3. Сердцем мучиться из-за чего-нибудь выражает такую степень сочувственного отношения к чему-нибудь, которая связана с душевными переживаниями, муками, сомнениями. У эстонского эквивалента та же образная основа: *südant vaevama* — «мучить сердце».

IV. Четвертая группа охватывает фразеологизмы, содержащие в себе идею 'вызывать чувства'.

1. Говорить сердцу что-либо — 'вызывать в ком-либо какие-либо чувства, переживания' — в утвердительной форме разнозначен эстонскому фразеологизму *kellegi südames vastukaja leidma* «находить отзвук в чьем-либо сердце»; при отрицательной форме его значение может быть передано и сочетанием слов *ükskõikseks jätma* «оставлять безразличным».

2. Трогать
потрясать
зажигать

} сердца. Степень и характер вызы-

ваемых чувств определяется лексическим значением глагола, соответственно 'вызывать сострадание; найти отзвук', 'вызывать сильное переживание, потрясение', 'вызывать вдохновение, стремление действовать'. То же самое выражают эстонские фразеологизмы с адекватной внутренней формой: *südant liigutama*, *südant vapustama*, *südant sütitama*.

3. Притягивать сердца — 'располагать к себе'. Эстонским соответствием является свободное словосочетание *külgetõmbejõudu omama* — «иметь притягательную силу».

4. Покорять
побеждать
разбивать

} сердца. Значение этих фразем в

значительной степени определяется их глагольным элементом. Первые две объединяются идеей 'завоевывать чье-либо расположение', причем первая указывает на подчинение объекта своему влиянию, обаянию и т. д., а вторая подчеркивает момент завоевания, предполагающий некоторое противодействие со стороны объекта.

Третья фраза со значением 'пренебречь завоеванными чувствами, причиняя тем самым душевные муки' имеет много общего с фразеологизмами второй группы и фактически является переходной между второй и четвертой группами.

Эстонские эквиваленты по своей образной основе не отличаются от русских: *südameid vallutama*, *südameid võitma*, *südameid purustama*.

5. Брать (хватать) за сердце — 'волновать, производить сильное впечатление'. На эстонском языке этот же смысл может быть передан двояко: словом *haagama* 'захватывать' и метафорическим оборотом *südamesse tungima*, отличающимся по своей внутренней форме от русского, — «проникать в сердце».

6. Не говорить (давать) ни уму, ни сердцу — 'не находить никакого отзвука'. Адекватного или же близкого по своей образной основе фразеологизма в эстонском языке нет; смысл русского фразеологизма передается на эстонском при помощи составного глагола *ükskõikseks jätma* — «оставлять безразличным».

7. Быть по сердцу кому-либо — 'нравиться, соответствовать чьим-либо вкусам'. Эстонский эквивалент имеет иную внутреннюю структуру: *meeleräga olema kellelegi* — «быть по нраву кому-либо». У эстонского фразеологизма есть антоним: *vastumeelt olema kellelegi* — «быть не по нраву кому-либо», который может рассматриваться и как соответствие русского фразеологизма *быть не по душе кому-либо*.

8. Отдать (открыть) сердце кому-либо — 'полюбить кого-либо' — выражает, кроме общей идеи фразеологизмов этой группы, дополнительную идею ответной реакции на вызываемые чувства. Эстонский эквивалент: *kellelegi oma südame kingima* — «подарить свое сердце кому-либо».

9. Предлагать руку и сердце кому-либо — 'свататься к кому-либо' — связан, как и предыдущий фразеологизм, с идеей ответной реакции на вызываемые чувства, причем реакции вполне конкретного порядка. В эстонском употребительно выражение этой же внутренней формы, однако оно, как представляется, менее распространено, чем в русском. Этот же смысл передается в эстонском одним словом *kosima kedagi* — «свататься к кому-либо».

V. Последняя группа глагольных фразеологизмов тяготеет к идее 'помнить'.

1. Жить в сердце у кого-либо — 'сохраняться в памяти'. Эстонский эквивалент *südames elama* имеет ту же образную структуру.

2. Пасть (запасть) на сердце кому-либо — толкуется в ССРЛЯ как 'овладеть чьими-либо думами, помыслами', однако допускает, по-видимому, и иное толкование — 'прочно укорениться в памяти'. Эстонским эквивалентом к первому толкованию будет фразеологизм *teed südamesse leidma* — «найти путь в сердце», ко второму — фразеологизм *südames juurduma* — «укорениться в сердце».

3. Вырвать (выбросить) из сердца — 'исключить из памяти, постараться забыть' — антонимичен первому толкованию предыдущего фразеологизма. Этот же смысл передается эстонским фразеологизмом (*juurtega*) *südamest välja kiskima* — «вырвать (с корнями) из сердца».

Б. Фразеологизмы со значением категории состояния

Все фразеологизмы этой группы выступают в структурах **у кого-либо + фразеологизм**, субституируемых чаще всего т. наз. безличными оборотами со значением психического (реже — физического) состояния, типа **кому-либо + предикативное наречие** (категория состояния).

Как и в предыдущей группе, все фразеологизмы группируются вокруг ряда ведущих идей.

1. К идее 'беспокойно, тревожно' тяготеют следующие фразеологизмы.

1. Сердце не на месте у кого-либо — 'о тревоге, волнении'. Эстонский эквивалент — *süda on rahutu* «сердце неспокойно».

2. Кошки на сердце скребут у кого-либо — 'о тоскливом, беспокойном состоянии'. Эстонским эквивалентом этого фразеологизма будет устойчивое словосочетание *süda krippedab*, близкое по своей образной структуре русскому фразеологизму: «сердце зудит».

3. Сердце шемит (сжимается) у кого-либо — 'о состоянии тревоги, тоски, грусти'. Хотя ССРЛЯ представляет **сердце** в этом фразеологизме в роли субъекта действия, его, по-видимому, более правильно рассматривать в качестве объекта, как это наблюдается в адекватном по образной основе и значению эстонском фразеологизме *südant pitsitab*. У фразеологизма **сердце сжимается** есть также эстонский эквивалент с той же внутренней формой: *süda tõmbub kokku*.

4. Сердце бьется (стучит, колотиться) у кого-либо — 'о состоянии трепетного волнения'. Первому фразеологизму эквивалентно эстонское фразеологическое сочетание *süda peksleb*, не отличающееся от русского по своей образной основе.

Второму соответствует эстонское выражение *süda klopib*, имеющее ту же внутреннюю форму, однако характеризующееся разговорно-просторечным стилистическим оттенком. Третьему адекватна эстонская фраза *süda rüperdab*. Глагольный элемент указывает как бы на отсутствие четкого ритма в трепетании, что допускается и русским глагольным компонентом **колотится**.

II. Вокруг идеи 'страшно' группируются пять фразеологизмов.

1. Сердце екает у кого-либо — 'щемящее душевное состояние в связи с испугом'. Наиболее близким к этому фразеологизму будет эстонское *süda jätab lööke vahele* — «сердце пропускает удары».

2. Сердце замирает у кого-либо — 'о состоянии оцепенения в связи с испугом'. Эстонский эквивалент *süda jääb seisma* близок по своей образной основе: «сердце останавливается». В форме прошедшего времени *süda jäi seisma* эстонский фразеологизм служит эквивалентом не только фразеологизму *сердце замерло*, но и фразеологизму *сердце оборвалось*, хотя и не указывает на внезапность состояния. Этот смысловой оттенок может быть передан при помощи наречий *kograpealt* — 'разом' или *äkitselt* 'внезапно'.

3. Сердце дрогнуло у кого-либо — 'о внезапном ощущении тревоги, испуга' — по своему значению и внутренней форме полностью совпадает с эстонским фразеологизмом *süda võrpatas*.

4. Сердце падает (упало) у кого-либо — 'об испуге, охватывающем человека' — соответствует эстонскому образному словосочетанию *hirm haarab südant* — «страх охватывает сердце». Этот же смысл передается эстонским фразеологизмом *süda langeb saarasäärde* — «сердце падает в голенище», который, однако, отличается от русского стилистически и равнозначен во всех отношениях русскому *душа в пятки ушла*.

III. Идея 'душа больна' выявляется в следующих фразеологизмах.

1. Сердце болит у кого-либо — 'о чувстве тревоги, причиняющей душевные муки' совпадает по смыслу и образной основе с эстонским фразеологизмом *süda valutab*.

2. Сердце разрывается у кого-либо — 'о сильных душевных муках' по смыслу соответствует эстонскому *süda lõhkeb valust*, во внутреннюю форму которого, по сравнению с русским, дополнительно входит элемент «от боли».

3. Сердце кровью обливается у кого-либо — 'о чувстве жалости, сострадания' равнозначен по смыслу и стилистически эстонскому фразеологизму *süda tilgub verd*, образная основа которого, однако, несколько иная — «сердце источает кровь по каплям».

* * *

Общую идею этой подгруппы выражают фразеологизмы, выступающие в других конструкциях. Так, в конструкции **что-либо для кого-либо** + **фразема** встречается фразеологизм как (будто) ножом по сердцу — 'об ощущении внезапной душевной боли'. Эстонский эквивалент *valu löi südamesse* не содержит в себе элемента сравнительности, так как имеет иную образную основу: «боль ударила (поразила) в сердце».

В аналогичной синтаксической конструкции выступает и фразеологизм **нож в сердце** — 'о чем-либо, причиняющем большую неприятность'. Это же значение передается эстонским фразеологизмом *hoop otse südamesse* — «удар в самое сердце», а также сложным словом *surmahoop* — 'смертельный удар'.

IV. Ряд фразеологизмов связан с идеей 'тяжко на душе'.

1. **Камень на сердце у кого-либо** — 'о тяжелом душевном состоянии'. Этот же смысл передается эстонским фразеологическим сочетанием той же внутренней формы *kivi südamele*. Однако представляется, что эстонский фразеологизм чаще выступает в роли предикативного определения, вводимого сравнительным союзом *pagu* (ср. *see oli pagu kivi kivi südamele* — «это было как камень на сердце») или используется как сравнительный оборот при глагольном сказуемом (*see lasus pagu kivi südamele* — «это лежало камнем на сердце»).

2. **Свинец на сердце у кого-либо** — 'о тяжком, гнетущем душевном состоянии — равнозначен эстонскому выражению *süda on tinaraske* — «сердце тяжелое как свинец».

3. **Отлегло от сердца у кого-либо** — 'об избавлении от чувства страха, тревоги, беспокойства'. Этот же смысл передается на эстонском языке двояко: *süda muutus kergemaks* — «сердце облегчилось» и *kivi langes südamele* — «камень с сердца свалился». Последний из них служит эквивалентом и русского фразеологизма **камень с души свалился**.

V. Идея 'обидно' представлена одним фразеологизмом.

1. **Накипело на сердце у кого-либо** — 'о накопившемся на душе раздражении, обиде'. Смысл этого фразеологизма передается на эстонском несколькими фразеологизмами, в зависимости от контекста. Так, одним из возможных эквивалентов является фразема *meel on kibe* — «на душе горько», акцентирующая смысловой момент обиды. Зато *südamesse on kogunenud sappi* — «на сердце накопилась желчь» — подчеркивает прежде всего накопившееся раздражение и горечь, готовые излиться. В зависимости от причин раздражения, элемент **желчь** в этой конструкции может быть заменен компонентом *viha* — «злоба» и некоторыми другими.

В. Фразеологизмы, заменяющие собой предикативное определение

Фразеологизмы этой группы входят в конструкцию **у кого-либо + фразема**. При субституции фраземы словом это последнее становится предикативным определением; фразема чаще всего заменяется прилагательным. При подстановке субъект обладания **у кого-либо** становится активным субъектом — носителем предикативного признака.

1. Первую подгруппу составляют фразеологизмы, связанные с идеей 'сердечный'.

1. Большое сердце у кого-либо — 'способен горячо и сильно чувствовать'. Первый из эстонских эквивалентов — *kellelgi on suug süda* — по своей внутренней форме совпадает с русским фразеологизмом. Второй эквивалент — *kellelgi on süda õigel kohal* — имеет несколько иную образную основу: «сердце на правильном месте у кого-либо».

2. У кого-либо есть сердце — 'сердечный, отзывчивый'. Эстонский эквивалент — *kellelgi on süda rinnus* — дополнительно включает компонент «в груди» — *rinnus*.

3. Нет сердца у кого-либо — 'бездухный' — соответствует отрицательной форме предыдущего фразеологизма *kellelgi ei ole südant rinnus*, однако может быть заменен и словом *südametu* — 'бессердечный'.

II. К идее 'возбужден' тяготеют два фразеологизма.

1. Сердце горит у кого-либо — 'сильно возбужден' — соответствует эстонскому фразеологизму *kellelgi süda põleb sees*. Дополнительный компонент *sees* — «внутри» включен здесь во внутреннюю форму.

2. Сердце взрыгало у кого-либо — 'очень рад'. Эстонский эквивалент *süda hakkas rõõmust hüppama* имеет несколько иную образную основу: «сердце запрыгало от радости».

* * *

III. Идея 'неприятный, противный' выявляется в смысловой структуре фразеологизмов, которые входят в конструкцию **фразема + указание на объект**. При субституции фраземы словом объект становится активным субъектом — носителем признака.

1. Сердце не принимает чего-либо — 'что-либо противно'. На эстонском языке это же значение передается двумя близкими по структуре и образной основе фразеологизмами. Первый из них — *süda ei võta vastu midagi* — совпадает по внутренней форме с русским, второй — *miski hakkab vastu (südamele)* — означает буквально «что-либо противно сердцу»,

причем компонент **противно** выражен на архаичный лад. Иногда компонент **сердцу** опускается.

2. Сердце не лежит к чему-либо — 'нерасполагающий к себе'. У эстонского эквивалента — *miski on vastu-meelt* — совсем иная внутренняя форма: «что-либо не по нраву».

Г. Фразеологизмы наречного характера, выступающие в роли обстоятельства

Фразеологизмы этого разряда, выступая в предложении в функции обстоятельства, распадаются на пять групп, в зависимости от того, какого рода характеристику они придают предикативному признаку.

I. Фразеологизмы первой и второй групп выполняют роль обстоятельств сопутствующего признака, указывая на состояние субъекта — носителя предикативного признака.

1. Антонимичную пару составляют фразеологизмы с легким сердцем — 'без тревоги, без раздумья' и с тяжелым сердцем — 'с беспокойством, преодолевая себя'. Идея, заложенная в первом фразеологизме, выявляется, как уже было показано, во фразеологизме Б IV 3; идея второго фразеологизма вычленяется в смысловой структуре фразеологизмов Б I 1,2 и Б IV 1, 2.

Эстонские эквиваленты по своей внутренней форме полностью совпадают с русскими фразеологизмами: *kerge südamega*, *raske südamega*.

К фразеологизму с тяжелым сердцем близок по смыслу фразеологизм с замиранием сердца (с замирающим сердцем) — 'испытывая волнение, тревогу', идея которого заложена также и во фразеологизме Б II 2. На эстонском языке тот же смысл передается фразеологизмом *rõksuva südamega*, который по своей образной основе близок к фразеологизму Б II 4. Во фразеологизм *rõksuva südamega* входит причастие от глагола *rõksuta* — 'биться то учащенно, то в замедленном темпе, с неравномерной силой'.

В смысловой структуре фразеологизма *скрепя сердце* — 'воздерживаясь от проявления чувства горечи, неудовольствия, проявляя выдержку' — выявляется общее с фразеологизмом с тяжелым сердцем, а именно идея 'превозмогать себя'. У эстонского эквивалента *südat kõvaks tehes* сходная внутренняя форма: «делая сердце крепким».

II. Идея 'в гневе, в порыве раздражения' выявляется в трех русских фразеологизмах-вариантах: в сердцах, с сердцов, с сердцем. По своему смыслу они перекликаются с фразеологизмами А I 1, 2, 3. Эквивалентом всех трех будет эстонское сложное слово с фразеологической основой

südametäiega — «с полным сердцем» (ср. эквивалент к А I 2 süda läheb täis «сердце наполняется»).

Варианты с *сердцов* и в *сердцах* содержат дополнительное указание на причину действия. Если по контексту появится необходимость акцентировать этот момент, то на эстонском языке более уместным будет эквивалент-слово *vihahoos* — «в порыве злости».

III. Третья группа — фразеологизмы, выполняющие в предложении также функцию обстоятельств, однако характеризующие меру проявления предикативного признака, его количественную сторону.

Фразеологизмы *всем сердцем* и *от всего сердца* дают количественную характеристику со смысловым оттенком охвата: 'всем существом' и 'совершенно искренне, от всей души'. Эстонские эквиваленты имеют ту же образную основу — *kogu südamega, kogu südamest*. Как и в русском, во втором из эстонских фразеологизмов содержится элемент качественной характеристики — указание на искренность.

Во фразеологизме в глубине сердца количественная характеристика носит лимитативный, ограничительный характер. Значение этого фразеологизма — 'о чувствах, переживаниях, происходящих во внутренних областях сознания' выражается на эстонском в сходной форме: *südamerõhjas* — «на дне сердца».

IV. Фразеологизмы этой группы выступают в предложениях в роли обстоятельства образа действия, т. е. характеризуют отношение субъекта действия к предикативному признаку с качественной стороны.

С открытым (чистым) сердцем — 'с полной открытостью, без хитрости, искренне'. Эстонский эквивалент содержит компонент **чистый**: *puhtast südamest*.

Положа руку на сердце — 'совершенно чистосердечно, откровенно'. У эстонского соответствия та же образная основа: *kätt südamele rappes*.

V. Фразеологизм от доброго сердца указывает на причину того или иного действия субъекта — на душевную доброту, добрые побуждения. Эта же идея выражается на эстонском при помощи фразеологизма той же внутренней формы: *heast südamest*.

Д. Фразеологизмы субстантивного характера

Субстантивный характер присущ только двум фразеологизмам.

Друг сердца выступает, по-видимому, в двух значениях: 'закадычный друг' и 'возлюбленный'. В первом значении этому фразеологизму эквивалентно сложное слово, составленное из

компонентов **друг** и **сердце**: *südamiesõber*. Второе значение передается словом *armastatu* — 'возлюбленный'.

Дама сердца — 'возлюбленная' имеет соответствие в форме сложного слова, содержащего элементы **дама** и **сердце**: *südamedaam*.

II.

Произведенный анализ показывает, что русские фразеологизмы, в состав которых входит слово **сердце***, тяготеют к следующим ведущим идеям:

- 1) злоба, гнев;
- 2) беспокойство, страх;
- 3) душевная боль, мука;
- 4) душевный отклик, положительный и отрицательный;
- 5) память;
- 6) сердечность;
- 7) откровенность.

Фразеологизмы, в смысловой структуре которых вычленяется та или иная идея, образуют фразеологическую серию. Такое понимание фразеологической серии отличается от трактовки этого вопроса в книге В. Л. Архангельского. В. Л. Архангельский понимает под фразеологической серией фразеологические единицы, организованные по грамматическим моделям определенных типов, причем за каждой моделью (серией) закреплено типовое фразеологическое значение. В качестве примеров приводятся модели повторов одного и того же корня в парных сочетаниях слов (**дурак дураком**, **ревмя ревет**, **думу думать** и т. д.), а также различные модели односоставных предложений. В. Л. Архангельский указывает, что типовое фразеологическое значение повторов — категория интенсивности; типовые фразеологические значения моделей односоставных предложений не приводятся.

Представляется, что категория интенсивности не типовое фразеологическое значение, а лишь смысловой компонент, входящий в семантическую структуру фразеологизма, наслаивающийся на его основное значение. Этот смысловой компонент, вытекающий в данном случае из редупликации, может быть выражен и иными средствами: ср. **круглый дурак**, **ревет в три ручья**, **вынашивать думу** и т. д.

Что касается моделей односоставных предложений, то здесь очень трудно усмотреть некое типовое фразеологическое значение, присущее, например, таким сериям, как **вынь да положь**, **пальца в рот не клади**, **завей горе веревочкой**; как **поминай как звали**, **хлебом не корми**, **голой рукой не тронь**.

* Анализу подвергнуты все фразеологизмы со словом **сердце**, которые зафиксированы в ССРЛЯ.

В. Л. Архангельский считает, что фразеологические единицы, возникающие на базе корневых слов, объединяются во фразеологические гнезда механически (разрядка моя. — А. Р.); в то же время он указывает, что члены такого гнезда реализуют различные виды лексических значений стержневого слова. Приведенные два высказывания противоречат друг другу, так как между отдельными значениями полисемического слова существует связь. Эта связь сохраняется в большей или меньшей степени и между фразеологизмами, группирующимися вокруг отдельных значений этого слова.

В тех случаях, когда в состав фразеологизма входят два знаменательных слова или более, по-видимому, необходимо решить, в гнездо которого из них включить тот или иной фразеологизм. В связи с этим волей-неволей встает вопрос о стержневом, т. е. семантически опорном слове фразеологизма. В статье В. П. Жукова «О смысловом центре фразеологизмов»¹² отмечается, что смысловой центр — это знаменательный элемент фразеологизма, доля участия которого в общем значении фразеологизма очевидна. Этот знаменательный элемент соотносится по смыслу с таким же словом свободного употребления (**ходячая монета, белые мухи, отводить насердку, закружить голову, стреляный воробей, идти на удочку** и т. д.).

Далее В. П. Жуков говорит, что смысловой центр невозможно определить в том случае, когда фразеологизм формируется на основе таких свободных словосочетаний, в составе которых знаменательные слова выступают в своих основных, а не лексически связанных значениях (типа **выносить сор из избы, мылить голову кому-либо, чесать затылок, брать за бока кого-либо** и т. д.), а также в однородно построенных фразеологизмах (типа **ни жив ни мертв, душой и телом, и стар и млад** и т. д.), в наречных фразеологизмах с повторяющимися формами одного и того же слова (типа **с глазу на глаз, зуб за зуб**) и во фразеологизмах, восходящих по происхождению к сравнительному обороту, если в их составе не менее двух знаменательных элементов (типа **как сельди в бочке, как собака на сене, как рак на мели** и т. д.).

Несмотря на то, что В. П. Жуков во фразеологизмах типа **выносить сор из избы** господствующего компонента не усматривает, с этим нельзя согласиться. Правда, все три компонента здесь выступают в метафорическом значении, участвуют в создании образа, но их роль все же неодинакова. Наименьшую роль играет компонент **из избы**, который в живой речи подчас опускается. В создании образа в данном случае большую роль играет предмет, а не действие, поэтому из остальных двух компонентов — **сор** и **выносить** — более существенным является первый. К тому же переносное значение слова **сор** стоит ближе к значению фразеологизма в целом, чем значение слова **выно-**

силь. Вместе с тем представляется, что при возникновении вариантов глагольно-именных фразеологизмов чаще заменяется глагольный элемент, а не именной элемент (ср. **насторожить** — **навести** уши, **сбрасывать** — **скидывать** со счетов, **закинуть** — **забросить** — **запустить** удочку, нос на кванту **вешать** — **сажать**, **кровь пить** — **сосать**, **взять** — **захватить** за жабры и т. д.). Это также свидетельствует о большей роли названия предмета, чем названия действия. Следовательно, стержневое слово может быть выявлено и во фразеологизмах, организованных на основе свободных словосочетаний, в составе которых знаменательные слова выступают в своих основных значениях.

В тех случаях, когда во фразеологизме — сравнительном обороте несколько знаменательных компонентов, то и их роль неодинакова. Стержневым в сравнительном обороте является компонент — носитель признака, а не компоненты, дающие характеристику носителю признака. Следовательно, в приведенных выше сравнительных оборотах стержневыми элементами являются **сельди, собака, рак**, а не **в бочке, на сене, на мели**.

Из сказанного вытекает, что при сопоставительном анализе фразеологизм включается в гнездо по своему стержневому компоненту. Что касается парных сочетаний, то они, как известно, составляют две группы. В первую входят парные сочетания с синонимами или тематически близкими словами (**житье-бытье, холодать и голодать, судить да рядить, ни кола ни двора**), вторую составляют антонимичные сочетания (**дневать и ночевать, и стар и млад, ни жарко ни холодно, рано или поздно**). Представляется, что сопоставительный анализ этих парных сочетаний фразеологического типа необходимо произвести по этим двум группам, не выявляя ключевого, стержневого элемента и не составляя по нему серии (гнезда).

Иноязычные эквиваленты фразеологизмов такой серии, как это было показано, нередко содержат тот же стержневой компонент. Так, соотношение эквивалентов можно проиллюстрировать при помощи следующей таблицы.

Эстонские соответствия к русским фразеологизмам со словом *сердце*

Фразеологизм			Нефразеологизм			
Со словом <i>сердце</i>		Иного типа	Свободное словосочетание	Слово		
С совпадающей внутренней формой	С близкой внутренней формой			Сложное с <i>сердце</i>	Иного типа	
30	30	4	3	4	2	

Из таблицы вытекает, что у подавляющей части русских фразеологизмов имеется фразеологический эквивалент в эстонском языке. Основная масса этих эквивалентов содержит в своей внутренней форме компонент **сердце**. Почти 50% эстонских и русских фразеологизмов со словом **сердце** характеризуются одинаковой внутренней формой.

В группе эквивалентных пар с совпадающей внутренней формой, конечно, не исключена возможность самобытного возникновения и русского, и эстонского фразеологизмов, однако скорее всего здесь множество калек с фразеологизмов какого-либо третьего (очевидно, немецкого или французского) языка или же, учитывая направленность культурных влияний, эстонских калек с фразеологизмов русского языка. Этот вопрос может быть решен лишь в результате дальнейших исследований.

Как уже отмечалось, в настоящей статье подвергнуты анализу только те русские фразеологизмы, которые зафиксированы в ССРЛЯ, однако их, по-видимому, значительно больше. Здесь уместно подчеркнуть, что эстонские фразеологизмы со словом **сердце** нередко совпадают по смыслу с русскими фразеологизмами, организованными на базе слов **душа** и **дух**. Проиллюстрируем это примерами (см. стр. 160).

Это объясняется тем, что русские слова **сердце** и **душа** совпадают в некоторых своих значениях, в то время как смысловый объем пар **сердце** — *süda* и **душа** — *hing* не совпадает, что некоторые значения или же смысловые оттенки русского **душа** передаются эстонским *süda* — 'сердце'. Отсюда напрашивается вывод о том, что, приступая к сопоставительному анализу фразеологизмов, входящих в гнездо того или иного полисемичного слова, необходимо сопоставить смысловый объем этого слова со смысловым объемом его эквивалента в другом языке и подыскивать эквиваленты также и во фразеологических гнездах тех слов, которые передают некоторые значения или оттенки, не вошедшие в смысловой объем прямого эквивалента стержневого слова.

Так, прямым внеконтекстуальным эквивалентом многозначного глагола **идти** будет *minema*, хотя им обозначается удаляющееся перемещение. Однако в тех или иных значениях, в тех или иных контекстуальных сочетаниях русскому **идти** эквивалентны эстонские глаголы *liikuma* 'двигаться' (тучи идут), *voolama* 'течь, литься' (кровь, вода идет), *tulema* 'идти приближаясь' (дым идет), *sattuma* 'попадать' (идти в ловушку), *käima* 'ходить' (идти пешком), *laiuma*, *kulgema* 'простирается' (болото идет налево, дорога идет вдоль сада), *röögama* 'поворачиваться' (дорога идет налево), *sammuma* 'шагать' (впереди идет), *lähenema* 'приближаться' (идет осень) и т. д. Отсюда вытекает, что русский глагол **идти** в своем значении не абстрагирован от тех конкретных особенностей движения, которые в отдельных сочетаниях передаются теми или иными эстонскими глаголами

Русский фразеологизм	Эстонский фразеологизм	Внутренняя форма эстонского фразеологизма
1.* Отводить душу	Südanit puistama	Вытряхивать с сердца
2. Собираться с духом	Südanit rindu võtma	Брать сердце в грудь
3. Жить душа в душу	Elama nagu üks süda ja üks hing	Жить как одно сердце и одна душа
4. Выматывать душу кому-либо	Keflegi südanit nägima	Грызть чье-либо сердце
5. На душе стало весело	Süda läks rõõmsaks	Сердце стало радостным
6. На душе стало тяжело	Süda läks raskeks	Сердце стало тяжелым
7. Сколько душе угодно	Niipalju kui süda kutsub	Сколько сердце призывает
8. Лежит на душе	On südame peal	Находится на сердце
9. С души тянет	Süda läheb pahaks	Сердце становится плохим
10. С души воротит	Süda läigib	Сердце блещит
11.* Душа не принимает	Süda ei võta vastu	Сердце не принимает
12.* Душа не на месте	Süda on rahutu	Сердце беспокойно
13.* На душе кошки скребут	Süda kriepidab	Сердце зудит
14. Душа в пятки ушла	Süda langes saapasäärde	Сердце упало в голенище
15. Душу раздирающий	Südanitõhestav	Раздирающий сердце
16. Носить в душе	Oma südames kandma	Носить в своем сердце
17.* Болеть душой	Südanit valutama	Болеть сердцем
18. Кривить душой	Südametunnistuse vastu talitama	Поступать против совести (свидетельства сердца)

Значком * помечены русские фразеологизмы, варианты которых содержат слово **сердце**.

Русский фразеологизм	Его значение	Эстонский эквивалент	Его внутренняя форма
1. Идти на что-либо	Быть готовым к чему-нибудь, соглашаться на что-нибудь	Välja minema millegi peale	Выходить на что-нибудь
2. Идти на все четыре стороны	Располагать свободой, независимостью	Minema kõigi nelja (nole) poole	Идти на все четыре ветра
3. Идти в уровень с кем-либо	Не отставать во взглядах и т. д.	Ajaga samana pidama	Держать шаг по веку
4. Идти по стопам чьи-нибудь	Следовать кому-либо в чем-либо	Kellegi jälgedesse astuma; kellegi jälgedes käima	Ступать в чьи-либо следы; ходить в чьих-либо следах
5. Идти рука об руку с кем-нибудь	Действовать единодушно	Samamina käsikäes kellegagi	Шагать рука об руку с кем-либо
6. Идти в ногу	Двигаться, действовать согласованно	Sammini pidama	Держать шаг
7. Идти против кого-либо	Бороться, не соглашаться с кем-либо	Kellegi vastu välja astuma	Выступать против кого-либо
8. Идти вперед	Достигать успехов	Edasi liikuma; edusamme tegema	Продвигаться вперед; делать успехи
9. Дело идет на лад	Ладится, спорится что-либо	Asi laabub	Дело спорится
10. Идти как по маслу	Легко удаваться	Minema nagu krase geeda	Идти как на осповых дровах
11. Идти колом	С трудом, плохо получаться	Minema üle kivide ja kändude	Идти через камни и шишки
12. Идти в гору	Развиваться в благоприятном направлении	Ülesmäge minema	Идти в гору

Русский фразеологизм	Его значение	Эстонский эквивалент	Его внутренняя форма
13. Идти под гору	Развиваться в неблагоприятном направлении	Allamäe uuestema	Катиться под гору
14. Карта идет (не идет)	Об удачной (неудачной) карточной игре	Kaart jooksab hästi (halbasti)	Карта бежит хорошо (плохо)
15. Идти в дело	Находить применение	Käiku minema	Идти в ход
16. Идти за кого-либо	Приравниваться к кому-чему-либо	Käima kellegi-millegi eest	Ходить за кого-что-либо
17. Не идет на ум	Не хочется делать что-либо	Miski ei istu	Что-либо не сидит
18. Идет в голову, на память	Вспоминается	Pähe tulema, meelde tulema	Приходить в голову, приходить в память
19. Из головы, с ума не идет	О чем-либо беспокоящем, навязчивом	Ei lähe (kao) meelest, seisab meeles	Не уходит (исчезает) из памяти; стоит в памяти
20. Идти (не идти) к делу	Касаться (не касаться) чего-либо	Asjasse puutuma (mitte puutuma)	Касаться (не касаться) дела
21. Идти к вещи	Вступать в брак	Pääri minema, altari ette astuma	Идти в пару; ступать к алтарю
22. Идти по миру	Собирать на прощание	Kerjakõnega ringi käima, khalakõrda käima	Ходить с сумой; обходить по очереди дворы деревни.

перемещения с весьма конкретным значением, но что эти конкретные особенности не входят в смысловую структуру внеконтекстуального эквивалента **идти** — глагола *minema*. Это отразилось и во фразеологизмах с **идти** и их эстонских эквивалентах, как это видно из таблицы на стр. 161—162.

Предложенный путь анализа фразеологизмов неродственных русского и эстонского языков представляется автору настоящей статьи первым этапом сопоставительного исследования этих фразеологизмов, в значительной степени продиктованным конкретным состоянием изучения фразеологического богатства этих языков в отдельности. Второй этап — это сопоставительное описание фразеологии этих языков с точки зрения обозначаемого, т. е. по группам идей. Такое описание предполагает сплошное сопоставительное описание с точки зрения означающего.

Список использованной литературы

- ¹ Л. И. Ройзензон, Ю. Ю. Авалиани, Сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический и ареальный аспекты изучения фразеологии. Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Тезисы докладов межвузовской конференции 30 мая — 2 июня 1965 г. Гор. Череповец. Северо-западное книжное издательство, Вологодское отделение, 1965, стр. 22—24.
- ² См. упомянутые выше тезисы, стр. 22.
- ³ И. А. Багмут, Перевод фразеологизмов в работах В. И. Ленина. УЗ Киевского ГУ, т. 16, вып. 7. Сборник Филфака, 1957, № 11, стр. 33—53.
Н. Я. Габараев, Русские фразеологические единицы и их соответствия в осетинском языке. Автореферат канд. дисс. Тбилиси, 1956.
А. Е. Музов, Некоторые англо-кабардино-русские фразеологические параллели. УЗ Кабардино-Балкарского НИИ, т. 20, 1964, стр. 237—248.
А. В. Куниц, Перевод устойчивых словосочетаний и пословиц с русского языка на английский. ИЯШ, 1960, № 5.
И. Я. Рожанский, Идиомы и их перевод. ИЯШ, 1948, № 3.
Г. Саламов, Лексико-фразеологические вопросы художественного перевода. (Принципы перевода пословиц, поговорок и идиом...) Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1964.
- И. И. Чернышева, Фразеологические единицы немецкого языка и проблема их перевода. — Некоторые вопросы изучения словарного состава языка. М., 1954, и другие.
- ⁴ См. напр., Ф. Вакк, О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке. Автореферат канд. дисс. Таллин, 1964.
- ⁵ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Часть первая. Братислава, 1954, стр. 62.
А. А. Реформатский, О сопоставительном методе. «Русский язык в национальной школе», 1962, № 5, стр. 23—33.
А. В. Федоров, О задачах сопоставительного изучения языков. Вступительная статья к труду «Введение в теорию перевода». М., 1953.
А. В. Федоров, Н. Н. Кузнецова, Е. Н. Морозова, И. А. Цыганова, Немецко-русские языковые параллели. М., 1961.
В. Н. Ярцева, О сопоставительном методе изучения языков. Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1960, № 1, стр. 3—13.
Л. В. Щерба, Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1947.

- Л. В. Щерба, Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958.
- К. Г. Крушельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961, стр. 3—5.
- В. Н. Ключева, Об основах сопоставительной методики. Сб. «Русский язык для студентов-иностранцев». МГУ, 1960.
- Б. А. Успенский, Принципы структурной типологии. Изд. МГУ, 1962, стр. 18.
- И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, К обоснованию лингвистической теории перевода. «Вопросы языкознания», 1962, № 1, стр. 51—59.
- Л. С. Бархударов, Общелингвистическое значение теории перевода. Сб. Теория и критика перевода. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 8—14.
- В. В. Иванов, Машинный перевод и установление соответствий между языковыми системами. Сб. Машинный перевод. Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР, М., 1961, стр. 59.
- Е. Г. Эткнд, Теория художественного перевода и задачи сопоставительной стилистики. Сб. Теория и критика перевода. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 26—33.
- Я. И. Рецкер, Задачи сопоставительного анализа переводов. Сб. Теория и критика перевода. Изд. ЛГУ, 1962, стр. 43.
- ⁵ В. Г. Гак, Е. Б. Ройзенблит, Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965, стр. 3—8.
- ⁷ Ф. Вакк, указ. соч., стр. 7.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Е. С. Истрина, Субъект и подлежащее как синтаксические термины. Ученые записки Казахского госуниверситета, т. XI. Алма-Ата, 1946.
- Г. Бертагаез, Субъект и подлежащее. «Вопросы языкознания», 1958, № 5.
- ¹⁰ В. Л. Архангельский, Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Изд. Ростовского университета, 1964, стр. 75, 269.
- ¹¹ Там же, стр. 64—65.
- ¹² В. П. Жуков, О смысловом центре фразеологизмов. Сб. Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. Под редакцией А. М. Бабкина. М.—Л., 1964, стр. 140—149.

ПОСЛОВИЦЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ЭСТОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

А. К. Рейцак

Даже при беглом знакомстве со сборниками пословиц разных народов бросается в глаза тот факт, что нередко эти устойчивые изречения весьма сходны или даже полностью совпадают по своему лексическому составу, не говоря уже о семантическом сходстве, не поддержанном сходными образами. Этот факт объясняет появившийся в последние годы интерес к изучению международных контактов в области пословиц, направленному на составление международных собраний текстов пословиц.¹

В процессе сбора материалов для составления краткого лексикона русских и эстонских пословиц также выявилось, что значительное количество русских и эстонских пословиц обнаруживает лексико-семантическое сходство или даже тождество. Анализ таких пословиц, их сопоставление с пословицами других народов показывают, что это сходство или тождество объясняется или их принадлежностью к пословицам международного распространения, их генетической общностью, или сходством аллегорий в выражении общих закономерностей жизни, установленных каждым народом в отдельности.

Провести границу между этими двумя группами сходных или тождественных пословиц во многих случаях очень трудно, так как до сих пор еще нет международных собраний пословиц, в которых давались бы исторические справки, т. е. указывалось бы время первой фиксации той или иной пословицы у того или иного народа. Да и наличие таких собраний еще ни о чем не говорило бы: пословицы складываются подчас за многие столетия до появления письменной традиции.

В настоящей небольшой статье сделана попытка на основании лексического анализа, с учетом культурно-исторических данных указать на некоторые разновидности тождественных и сходных пословиц русского и эстонского народов.

¹ E. Normann, *Rahvusvahelisest vanasõnade väljaandest*. «Keel ja Kirjandus», 1964, nr. 9, стр. 567—568.

Первый разряд составляют пословицы античного происхождения. Возможно, что греками или римлянами эти пословицы были переняты от носителей более древних культур, однако их фиксация в античной литературной традиции, которая в свою очередь ввела их в пословичный фонд других, главным образом европейских народов, позволяет приписать их к числу творений античных народов.

1.1. Первый слой античных пословиц — греческие. Так, эст. пословица *Pimedate seas on ühe silmaga mees kuningas* (EVN 57—64) имеет греческий прототип *Ἐν τοῖς τυφλοῖς τῶν τυφλῶν λάμων βασιλεὺς*, аналогичная мысль выражена также в Илиаде (XXIV, 192) с той лишь разницей, что образ одноглазого заменен образом «человека с гноящимися глазами». Далее встречаем эту пословицу у Эразма в форме *Inter caecos regnat strabus* (Adagia, 824c). Она отмечается и у французов (*Au pays des aveugles les borgnes sont rois* — ФФС, А-1223), и у немцев (*Unter den Blinden ist der Einäugige König* — Wa I 403—72), и у англичан (*He that has one eye is a king among the blind* — МТi E-240), и у русских (**Среди слепых одноглазый — царь**). Вероятно, от греков эту пословицу переняли и арабы, заменив образ царя-короля образом султана. (**Среди слепых одноглазый — султан**; ПНВ 67-548). Эта же пословица зафиксирована среди малайяльских пословиц (**В стране слепых и кривой — король**; ПНВ 376—13). По-видимому, эта пословица занесена на Индийский полуостров извне, так как в ней сохраняется образ короля. Тем временем бенгальцы для выражения этой же идеи прибегают к иной, самобытной образной системе, включающей хорошо известный среди народов Индии образ раджи: **В лесу, где нет льва, и шакал — раджа** (ПНВ 117-64). В древнеиндийской (санскритской) пословице образы взяты из растительного мира: **Где нет деревьев, и касторовый куст — дерево** (ПНВ 214-5).

1.2. Эстонская пословица *Üks pääsuke ei too veel suve* (EVN 264-9) и ее вариант *Üks kuldnokk ei too veel kevadet ega pääsuke suve* (EVN 264-8) имеют очень древний источник — басню Эзопа № 123 «Расточительный юноша и ласточка». В виде пословицы эта идея выражена у Аристотеля в «Никомаховой этике» (1, 6); *Μία χελιδὼν εαρόν οὐ ποιεῖ*. В греческих источниках говорится о весне. Связь ласточки с весной повторяется и у Эразма, который приводит эту пословицу в такой форме: *Una hirundo non facit ver* (Adagia, 299d). Этой же форме следуют французы (*Une hirondelle ne fait pas le printemps* — ФФС, Н-282), итальянцы (*Una rondine non fa primavera* — Mi), русские (**Одна ласточка не делает весны**) и некоторые другие народы. Англичане связывают образ ласточки с понятием лета

(One swallow does not make a summer: MTi S-1025), а у немцев этот образ встречается и в связи с понятием весны, и в связи с понятием лета (Eine Schwalbe macht keinen Sommer (Frühling) — Wa IV 412-12).

У армян и персов представление о весне сливается с образом цветка, розы (ср. ПРН 205; ПНВ 427—385). Однако эта же идея — 'первый провозвестник явления еще не составляет всего явления' — выражается подчас и в, т. ск., «зимних» образах. Так, турки говорят о том, что **одна туча зимы не делает** (ПНВ 539—586), а русские предупреждают о том, что **первая пороша — не санный путь**. И пословицы с образом цветка, и пословицы с зимними образами возникли, по-видимому, независимо от пословиц с образом ласточки.

1.3. Эстонская пословица Tilk tilga peale uuristab kivigi (EVN 212-4) и русская пословица **Капля по капле и камень долбит** имеют множество параллелей. Так, еще Хэрилу Самосскому (VI в. до н. э.) приписывается изречение *Πέτρην κοιλαίνει ῥαῖς ὕδατος ἐνδελεχῆιν* (Bü 262). Эта мысль была повторена Овидием (I в. до н. э. — I в. н. э.): *Assidua stilla saxum excavat* (Epist. ex Ponto 4, 10, 5), в такой же форме эту пословицу приводит Эразм (*Adagia*, 782e). Однако на средневековой латыни эта же мысль выражалась и в иной форме: *Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo* (Bü 262; Gf. T-143). Французы говорят: *Goutte à goutte l'eau creuse la pierre* (ФФС, G-476), немцы — *Steter Tropfen höhlt den Stein* (Wa IV 1336-15), англичане — *Constant dropping wears away a stone* (MTi D-618).

Приведенные примеры как будто позволяют считать прототипом этой серии пословиц изречение греческого писателя. Однако в данном случае дело обстоит сложнее. Так, еще книга Иова, составная часть раздела Писания в Ветхом завете, содержит изречение: «Вода стирает камни...» (XIV, 9). Относительно периода создания раздела Писания данные расходятся. «Лексикон мировой литературы», изданный в ГДР, указывает, что этот раздел Ветхого завета был оформлен в VIII—VI вв. до н. э.², а «Краткая литературная энциклопедия» (т. I, ст. 606—607) относит Писание к III—II вв. до н. э. Такое расхождение допускает две возможности: либо греческий писатель был знаком с иудейской народной пословицей, либо его изречение проникло в книгу иудейского пророка. Теоретически такое проникновение возможно, но оно предполагает взаимное знакомство с литературными произведениями или же с устным народным творчеством. Доказательствами в пользу такого знакомства в дохристианский период мы не располагаем.

Представляется, что скорее всего оба изречения, греческое и иудейское, возникли независимо друг от друга. Совпадение

² Lexikon der Weltliteratur. Weimar, 1963, S. 87—88.

образов, по всей видимости, случайное. Например, и японцы выражают идею 'незаметный, но систематический труд преодолевает огромные препятствия' при помощи тех же образов: **Дождевая капля камень точит** (ПНВ 622-178). Параллели отмечают и в бенгальском фольклоре, и среди пословиц хинди: **По каплям вода и камень точит** (ПНВ 134-631); **Капля за каплей разрушает даже камень** (ПНВ 598-128). Им близка по своей образности пословица на языке суахили: **И веревка камень перетрет** (ПНВ 477-58).

1.4. Возможность такого совпадения образности в пословицах у народов, территориально весьма отдаленных друг от друга, можно проиллюстрировать изречениями, близкими по смыслу приведенным выше. Так, эстонцы говорят *Ei puu ühe laastuga lange* (EVN 212-5) и *Täks täna, täks homme — ükskord ikka suur puu langeb* (EVN 212-6). Первая из приведенных пословиц совпадает почти дословно с английской (*The tree (oak) falls not at the first stroke*; МТi Т-496), французской (*L'arbre ne tombe pas du premier coup*; ФФС А-891), турецкой (**От одного удара дерево не свалится**; ПНВ 539-598) и близка немецкой (*Viele Streiche fällen die Eiche*; Wa IV 901-30). Это совпадение объясняется, по-видимому, генетической общностью. Однако трудно предположить, чтобы из этого же источника происходила корейская пословица **Всякое дерево повалится, коль его десять раз топором ударить** (ПНВ 317-54), которая обнаруживает сходство с обеими эстонскими пословицами, а также с другими приведенными здесь пословицами. Следовательно, перед нами факт независимого обращения к тождественным образом для выражения тождественной идеи.

1.5. В произведениях Публилия Сира зафиксирована греческая пословица *Λιθος κλινόμενος τὸ φῦλον οὐ ποιεῖ*, которая является прототипом эстонской пословицы *Veereval kivil ei kasva sammal* (EVN 197-27). Латинский вариант *Saxum volutum non obducitur musco* зафиксирован и у Эразма (*Adagia*, 821a). Эта пословица представлена во многих языках: во французском — *Pierre qui roule n'amasse pas mousse* (ФФС Р-1278), в английском — *A rolling stone gathers no moss* (МТi S-885), в немецком — *Wälzender Stein wird nicht moosig* (Wa IV 810-56).

В русском языке общераспространенной является параллель в утвердительной форме: **И камень лежа мохом обрастает**. Отрицательная форма, повторяющая структуру приведенных выше пословиц, — **На летящем камне мох не растет** — известна преимущественно в Сибири.

В отрицательной форме эта пословица представлена еще в армянском — **Катящийся камень не покроется мхом** (ПНВ 76-205) и в ассирийском — **Катящийся камень не обрастает** (ПНВ 96-124).

Поскольку мы не располагаем данными о времени появления этой поговорки в армянском и ассирийском языках, то можно допустить возможность ее калькирования с греческого, однако вполне правомерным представляется и обратный путь: поговорка сложилась первоначально у ассирийцев, а от них уже была перенята армянами (Урарту) и греками.

* * *

Второй разряд — это поговорки, восходящие к римским прототипам, к поговоркам римлян и крылатым сентенциям римских авторов.

2.1. В эстонской поговорке *Kuldne võti võtab kõik ukсед valale* (EVN 135—73), как и в ее русской параллели **Золотой ключик отпирает все двери**, заложена мысль о продажности правосудия в эксплуататорском обществе. Это наблюдение было изложено еще Апулеем в его «Метаморфозах» (IX, 18): *Auro soleant adamantinae etiam perfringi fores*. В ряде языков образ золота ничем не детерминируется. Но и в немецком, и в английском первоначальная идея о продажности правосудия дополнена идеей неподкупности бога: *Gold geht durch alle Türen, ausser der Himmelstür* (Wa I 1790-67); *Gold goes in at any gate except heaven* (MTi G-282). Это наводит на мысль о клерикальной переделке латинского прототипа. Этой переделки нет в другой английской поговорке *No lock will hold against the power of gold* (MTi L-406).

Иную группу составляют поговорки, в которых первоначальная идея сохранилась неизменной, но образ золота получил некоторую конкретизацию. Так, немцы говорят: *Goldner Schlüssel öffnet alle Tore* (Gf. 112 G-214), это же повторяют французы: *Clef d'or ouvre toutes les portes* (ФФС С-1515). У англичан сохраняется образ ключа, но его «материал» претерпевает метаморфозу: *A silver key can open an iron lock* (MTi K-24).

У немцев образом, детерминирующим образ золота, служит и молоток: *Goldner Hammer bricht eisernes Tor*. То же видим и в русском: **Золотой молоток и железные двери прокует**.

2.2. В эстонском широко распространена поговорка *Iga kingsepp jäägu oma liistude juurde*, но тем не менее «Лексикон иностранных слов» предлагает свою собственную формулировку этого изречения: *Ärgu kingsepp saapast kõrgemale tõusku* (VSL 376). Это, хотя с такой практикой нельзя согласиться, объясняется, по-видимому, стремлением более «точно» передать смысл латинского изречения *Ne sutor supra crepidam (iudicaret)*. Впервые это изречение, которое приписывается художнику Апеллесу, приводится Плинием (Natur. hist. XXXV 36 § 12), затем оно воспроизводится и в собрании Эразма (Adagia, 228 a).

Эта сентенция вошла в круг пословиц основных западно-европейских народов: французов — *Cordonnier, mêle-toi de ta pantouffle* (Wa IV 399-8), англичан — *Let not the cobbler go beyond his last* (MTi C-480), немцев — *Schuster, bleib' bei deinem Leisten* (Wa IV 398-8).

В русском идея 'не суди о том, в чем ты не сведущ' также передается изречением, восходящим к латинскому прототипу: **Знай, чеботарь, свое кривое голенище**, однако эта пословица встречается в речевой практике значительно реже, чем исконно русское **Всяк сверчок знай свой шесток**. Аналогичное положение вещей наблюдается и во французском: французы нередко обращаются к пословице *Où la chèvre est attachée, il faut qu'elle broute* (ФФС С-1159) с тем, чтобы рекомендовать всякому высказывать свои суждения лишь в пределах своей компетенции.

2.3. Эстонская пословица *Kahe võrga aitab see, kes ruttu aitab* (EVN 237-36) уходит своими корнями в римскую литературу. Так, у Публилия Сира выражена мысль *Inopi beneficium bis dat, qui dat celeriter* (Sententiae, 245), которую Сенека повторил в форме *Bis dat, qui cito dat* (Bü 285). Это изречение вошло во многие языки. Французы говорят: *Qui donne tôt, donne deux fois* (ФСС D-1009); немцы — *Wer bald gibt, gibt doppelt*, русские — **Дважды помог тот, кто скоро помог**.

2.4. Впервые у Теренция отмечается изречение *Quot homines, tot sententiae* (Phormio, 2, 4). Гораций сформулировал эту мысль несколько иначе: *Quot capita, tot sensus* (Sat. 2, 1, 27-28). Эту же идею при опоре на образ головы повторяют многие народы: французы — *Autant de têtes, autant d'avis* (ФФС T-692), немцы — *Soviel Köpfe, soviel Sinne* (Gf. 149 K-123), русские — **Сколько голов, столько умов**, эстонцы — *Mitu read, mitu meelt* (EVN 236-16). Вероятно, безотносительно к изречению Теренция возникла пословица **Сто человек — сто мнений** (ПНВ 176-1044) в территориально отдаленном Вьетнаме, в то время как английская *Many men, many minds* (АФС М-212) скорее всего восприводит сентенцию Теренция.

2.5. В эстонском имеются две очень близкие по смыслу пословицы, рекомендующие терпеливо трудиться: *Väsimata töö viib võidule* (EVN 212-2) и *Kannatus ja vaev võidab kõik* (EVN 212-3) и своей языковой формой свидетельствующие о калькировании по письменному источнику.

Еще Вергилий отметил: *Labor omnia vicit improbus* (Georgica, I, 145), впоследствии это изречение повторялось в несколько иной форме: *Labor et patientia omnia vincunt*. В двух или нескольких вариантах идея этого изречения представлена и у других народов, причем один из вариантов, по-видимому, калька с латыни, а другие скорее всего сложились самостоятельно, так как содержат в себе конкретные образы. У немцев встречаем изречения *Geduld überwindet alles* (Wa I 1406-123) и

Müh' und Fleiss bricht alles Eis (Wa III 749; Gf. 176 M-115); у англичан — *Pèrsevérance wins* (РАС 630), *Patience is a plaster for all sores* (MTi P-107); у французов — *La patience vient à bout de tout* (ФФС Т-356) и *La patience est amère, mais son fruit est doux* (ФФС Р-562). Последний вариант обнаруживает большое сходство с турецкой пословицей **Терпением горькое становится сладким** (ПНР 267), однако достаточных оснований для утверждения факта калькирования у нас нет, так как аналогичные пословицы представлены и у других, территориально отдаленных народов. Так, арабы говорят: **Терпение — ключ к радости** (ПНВ 68-564), а китайцы считают **терпение основой успеха** (ПНВ 310-866). На языке суахили **терпение** трактуется как **ключ к счастью** (ПНВ 451-188).

Русскими широко используется пословица **Терпение и труд все перетрут**, в несколько переделанной форме (*vincunt — перетрут*) воспроизводящая латинское изречение.

В этой серии пословиц отчетливо видно, как наряду с восходящими к одному прототипу пословицами бытуют и самобытные пословицы для выражения одной и той же идеи.

* * *

Важным источником пословиц для многих народов, особенно тех, которые приняли христианство, является библия. Библия включает в себе множество поучений, созданных не только древними иудеями, но, по-видимому, и другими народами Востока. Христианизация ввела эти изречения в круг пословиц европейских народов.

3.1. В различных книгах Ветхого завета повторяется сентенция, выражающая идею 'зло постигает того, кто его замышляет против другого', — Псалт. VII, 16; Притчи Сол. XXVI, 27; Эккл. X, 8. На ассирийском языке существует пословица **Кто роет яму соседу, сам в нее упадет** (ПНВ 97-151). Дословное совпадение этой пословицы с библейским изречением позволяет думать, что такое предупреждение замышляющему зло сложилось среди народов Ближнего Востока, тем более, что аналог в двух вариантах обнаруживается и у турков: **Сам вырыл яму — сам в нее и упал** (ПНВ 543-724) и **Роешь яму — рой по своему росту** (ПНВ 543-708).

На латыни это библейское изречение звучит так: *In foveam incidit, quam fecerat, ipse*. С библейским и латинским текстами совпадают дословно немецкая, русская и эстонская пословицы: *Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein* (Gf. 115 G-240); **Кто другому яму роет, сам в нее ввалится**; *Kes teisele auku kaevab, see ise sisse langeb* (EVN 245-173).

Хотя у французов образность несколько иная — *Qui conduit dans le fossé y tombe le premier* (ФФС Г-989), т. е. вместо об-

раза ямы выступает образ пропасти, в которую первым падает тот, кто другого в нее пытается столкнуть, все же и эта пословица, вероятно, входит в серию, восходящую к библейскому поучению. Зато англичане полностью отказываются от образности, излагая аналогичное поучение при помощи отвлеченной лексики: *He that mischief hatches, mischief catches* (MTi M-996). Это изречение, конечно, с рассмотренной серией генетически не связано.

3.2. В разных местах в Библии, главным образом в Новом завете, зафиксирована формула **Дерево познается по плоду** (Мф. XII, 33; Лук. VI, 44). Это изречение входит в пословичный фонд многих народов: эст. *Puud viljast tuntakse*, русск. **Дерево познается по плоду**; лат. *E fructu arbor cognoscitur*; фр. *On connaît l'arbre à ses fruits* (Mi 88 D 61), нем. *Den Baum erkennt man nach den Früchten* (Mi 88 D 61), англ. *Tree is known by its fruit* (MTi T-497) и т. д. Эта пословица, как и большинство пословиц вообще, допускает несколько трактовок, однако первая и основная, по-видимому, такова: по детям можно судить о родителях. Образы дерева и плода, использованные в рассматриваемой пословице, встречаются и у других, территориально отдаленных от Европы народов, в пословицах на бенгальском и малайском языке, на языке хинди (ср. ПНВ 122-216; 369-453; 597-66), которые применяются в указанном же выше значении, но в силу территориальной отдаленности соответствующих народов, по-видимому, возникли независимо от библейского изречения. Следовательно, Библия ввела в круг пословиц европейских народов изречение с образами, которые носят поистине интернациональный характер.

Синонимичной этой серии пословиц является сентенция, выражающая идею 'дети редко отличаются от своих родителей', которая средневековыми схоластами была сформулирована так: *Non procul a proprio stirpe roma cadunt* (Wa I 106-14). Переводы-кальки с этого изречения имеются во французском (*Le pomme ne tombe pas loin du tronc* — ФПП 684), в немецком (*Der Apfel fällt nicht weit von Stamm* — Wa I 106-14), в русском (**Яблочко от яблоньки не далеко падает**), в эстонском (*Õun ei kuku õnapruust kaugele* EVN 176-45). Судя по картотеке Литературного музея ЭССР, эстонцы чаще пользуются пословицей *Käbi ei kuku kännust kaugele*, образы которой — шишка и пень — отличаются более «северным» характером. Вместе с тем, в картотеке Литературного музея фиксируется своеобразная контаминация этих двух пословиц — *Õun ei kuku kännust kaugele*, букв. Яблоко от пня не далеко падает.

3.3. Идея о том, что любое действие должно быть вызвано необходимостью, изложена в Новом завете с привлечением образов врача и больного (Лук. V, 31). К этой формулировке восходят русская, немецкая и эстонская пословицы: **Здоровому**

врач не надобен; Der Gesunde bedarf des Arztes nicht (Wa I 1636-10); Tervele pole arsti vaja (EVN 237-30). Французы также обращаются к «медицинским» образам, хотя их пословицу (Où il n'y a pas de mal, il ne faut pas d'emplâtre — ФПП 649) нельзя считать калькой с библейского текста. Она ближе к ассирийской **Если голова не болит, ей платок не нужен** (ПНВ 95-75). Зато библейский текст совпадает со санскритской пословицей **Здоровому врач не нужен** (ПНВ 214-16). Но, учитывая территориальную отдаленность и хронологический разрыв, можно предположить, что между ними нет генетической связи.

Англичане довольствуются при выражении этой идеи местными образами, далекими от библейских: Don't carry coals to Newcastle (MTi C-466). Такой же местный колорит характеризует персидскую пословицу **В Индию сталь не возят** (ПНВ 417-30) и немецкую пословицу Man braucht nicht Wasser in die Elbe tragen (НФС 828 W-150). Локальная характеристика присутствует и в русской пословице **В Тулу со своим самоваром не ездят**. Такая ярко выраженная локальная характеристика отсутствует в турецкой пословице **На берегу моря колодец не роют** (ПНВ 535-465), которая обнаруживает некое сходство в образах с эстонской пословицей Märgjale maale pole vett tarvis, букв. Сырой земле вода не нужна. Однако генетической связи между ними, по всей вероятности, нет.

3.4. В евангельских текстах (Мф. VII, 5; Лук. VI, 42) повторяется мысль о том, что человек часто замечает мелкие недостатки других людей, упуская из виду свои собственные. Евангельская формула — вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего — дословно совпадает с ассирийской пословицей **В своем глазу бревна не замечает, а в глазу соседа былинку видит** (ПНВ 94-20) и очень сходна с арабской — **В чужом глазу и соломинка кажется верблюдом, а в своем целый мост не заметен** (ПНВ 54-39). По-видимому, евангелисты позаимствовали свое изречение от ассирийцев. Через посредство евангелия оно вошло в европейский обиход. Немцы говорят — Erst den Balken aus dem eigenen Auge, und dann den Splitter aus des Nachbars Auge (Wa I 223-7), повторяя дословно евангельский текст. Зато английская, русская и эстонская пословицы ближе к предполагаемому ассирийскому прототипу: You can see a mote in another man's eye but cannot see a beam in your own (MTi M-1191); **В чужом глазу порошинка велик сучец, в своем и бревна не видеть**; Teise silmas näed pindu, aga oma silmas ei näe palki (EVN 259-408).

Независимо от библейской сентенции, французы привлекают в сходной по смыслу пословице образы горбатого и горба: La bossu ne voit pas sa bosse, mais il voit celle de son confrère (ФПП-758). Это изречение восходит, по-видимому, к высказыванию Сенеки Aliena vitis in oculis habemus, a tergo nostra sunt

(De ira, II, 28, 8), с которого, по всей вероятности, скалькирована и русская пословица **Свои грехи за собою, чужие перед собою**. Синонимичная русская пословица **Чужую пашню пашет, а своя в залежи** обнаруживает совпадение с сентенцией Плавта *Fundum alienum arat, incultum familiarem deserit* (Asinaria, 874). Эстонских параллелей у этих русских пословиц нет, но аналогичную мысль выражают эстонские пословицы *Küügu oma seljas ei näe igauks* (EVN 259-409) и *Pühi enne oma ukseesine, siis mine teise oma pühkima* (EVN 259-407), букв. Не всяк видит свой собственный горб и Сперва подмети порог у себя, а уже затем у соседа.

* * *

Множество пословиц интернационального распространения возникло в период средневековья, впервые зафиксировано в трудах «отцов церкви» и средневековых схоластов. Через посредство церкви и средневековой школы эти краткие, меткие изречения в переводе на национальные языки вошли в круг пословиц разных народов.

4.1. Перу Блаженного Иеронима принадлежит изречение *Unius pecudis scabies totum commaculat gregem* (Comment. in Galat. Зр. 489 Vall.), которое перекликается с высказыванием Ювенала *Grex totus in agris unius scabie cadit* (Juvenalis, 2, 79-80). Все же, судя по лексическому составу, именно первое вошло путем калькирования во многие языки: во французский — *Une brebis galeuse gâte tout le troupeau* (ФФС В-1647); в английский — *One scabbed sheep infects the whole flock* (MTi S-308); в немецкий — *Ein räudiges Schaf verdirbt die ganze Herde* (Wa IV 58-93); в русский — **Одна паршивая овца все стадо испортит**; в эстонский — *Üks kärnane lammas ajab kõik karja hukka* (EVN 237-40).

У многих народов эта же идея — 'один негодный компонент может испортить целое' — выражается при помощи образов, заимствованных из растительного мира и генетически не связанных с образами предыдущей серии. Так, японцы говорят: **Один гнилой персик испортит сотню хороших** (ПНВ 631-523). Ассирийцы утверждают: **Одна гнилая виноградина портит всю гроздь** (ПНВ 99-216). На языке суахили аналогичная мысль выражается следующим образом: **Один гнилой банан испортит всю ветвь** (ПНВ 449-137). Англичане, немцы и русские излагают эту идею при опоре на образ яблока: *One rotten apple corrupts all those apples that lie near it* (MTi A-294); *Ein fauler Apfel macht zehn faule Äpfel* (Wa I 107-35); **От одного порченого яблока целый воз загниет**. Последние три пословицы имеют, очевидно, один источник — латинскую пословицу *Potum com-punctum cito corrumpit sibi junctum* (Wa I 107-35).

В эстонских пословицах образ гнилого яблока не отмечен, зато в аналогичном значении используется образ порченого яйца: Uks mäda muna rikub kõik pudru (EVN 237-41). Немецкая параллель — Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei.

4.2. В трудах Блаженного Иеронима дважды изложено поучение: Noli equi dentes inspicere donati (Comment. in Ephes praef. t. VIII p. 538), Equi donati dentes non sunt inspiciendi (Ep. ad Eph. procem). Оно вошло во французский — À cheval donné on ne regarde pas à la bride (ФФС С-1086); в английский — Look not a given horse in the mouth (MTi H-678); в немецкий — Geschenktem Gaul sieht man nicht ins Maul (Wa I 1362-25); в русский — **Даровому коню в зубы не смотрят**; в эстонский — Kingitud hobuse suhu ei vaadata (EVN 249-235).

Аналогичное по смыслу поучение известно и у народов Индии, лишь только образ коня заменен образом коровы. На языке хинди говорят: **Дареной телке в зубы не смотрят** (ПНВ 596-55); на малайяльском языке рекомендуют не смотреть в зубы дареной корове (ПНВ 384-259). Вероятно, эти пословицы возникли самостоятельно, независимо от изречения Блаженного Иеронима.

4.3. В средневековой схоластической литературе появилось изречение Insanire facit mures absentis catti, вошедшее во французский — Absent le chat les souris dansent (ФФС С-851), в английский — When the cat's away, the mice will play (MTi С-175), в немецкий — Ist die Katze aus dem Hause, so tanzen die Mäuse (Gf. 140 K-19), в русский — **Кошки дома нет, мышкам воля**, в эстонский — Siis on hiired ilul, kui kassi kodus pole (EVN 62-15).

Эта серия пословиц обнаруживает сходство с восточными пословицами. Так, ассирийская пословица гласит: **Кошки нет дома — мышки свадьбу справляют** (ПНВ 97-138). Турки подчеркивают: **Где нет кошки, там мыши голову поднимают** (ПНВ 524-111). Возможно, что именно отсюда переняли идею средневековые схоласты, но не исключено и самостоятельное возникновение этих пословиц, тем более, что аналог обнаруживается и на языке суахили: **Крысам раздолье, когда кошка ушла**.

4.4. Идею 'не всяк хочет трудиться для удовлетворения своих желаний' схоласты облекли в форму Catus amat piscem, sed non vult tangere flumen. Эту формулу восприняли англичане — The cat would eat fish and would not wet her feet (MTi С-144), французы — Chat aime poisson, mais n'aime pas à se mouiller les pattes, русские — **Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется**, эстонцы — Kass armastab kala süüa, aga ei taha kala järgi jõkke minna (EVN 222-33).

Сходство с этой серией обнаруживает пословица далекого Вьетнама: **Не замочив ног, рыбки не поймаешь**.

II

Каждая из представленных серий европейских пословиц предположительно восходит, как уже отмечалось, к тому или иному общему источнику, к единому прототипу. Применительно к эстонским пословицам еще необходимо решить вопрос о том, какой из европейских языков оказался непосредственным источником той или иной пословицы. Практически, учитывая длительные связи эстонцев с немецкой и русской культурой, вопрос стоит так: ближайший этимон эстонской пословицы или немецкий, или русский.

Во многих случаях языковая структура пословицы вообще не позволяет решить этого вопроса, так как и немецкая, и русская пословицы, не различаясь между собой, дословно совпадают с эстонской. Так, невозможно решить вопроса в отношении пословиц *Kuldne võti võtab kõik ukсед vallale* (2.1), *Kahe võgga aitab see, kes ruttu aitab* (2.3), *Õun ei kuku õunapuust kaugele* (3.2), *Üks kärnane lammas ajab kõik karja hukka* (4.1), *Kingitud hobuse suhu ei vaadata* (4.2).

Поскольку последние две связаны с богословской литературой, то, по всей видимости, они были скалькированы с немецкого. То же самое можно сказать относительно пословиц библейского происхождения (3.1, 3.2, 3.3, 3.4), ибо священнослужителями в лютеранской церкви в Эстонии в дореволюционный период были в основном немцы, а немногие пасторы-эстонцы были воспитаны на немецкой богословской литературе.

Если же немецкая и русская пословицы немногим различаются между собой, и одна из них полностью совпадает с эстонской, то ее ближайший этимон определяется с несколько большей достоверностью.

Так, эстонская пословица *Tilk tilga peale uristab kivigi* ближе к русской **Капля по капле и камень долбит**, чем к немецкой *Steter Tropfen höhlt den Stein*. Русская пословица в свою очередь дословно совпадает с французской, тогда как немецкая полностью калькирует изречение Овидия.

Эстонская пословица *Kannatus ja vaev võidab kõik* (2.5) стоит ближе к русской **Терпение и труд все перетрут**, чем к немецкой *Müh' und Fleiss bricht alles Eis*.

В отношении пословицы *Kass armastab kala süüa, aga ei taha kala järgi jõkke minna* (4.4) вопрос решается просто: источник — русская пословица, так как немецкой параллели вообще нет.

Все остальные пословицы (1.1, 1.2, 1.5, 2.2, 4.1) вошли в круг эстонских, по-видимому, из немецкого языка через литературу или же в процессе устного общения.

* * *

Рассмотрим еще некоторые серии пословиц с целью определить ближайший источник эстонской пословицы.

Идею 'первоначально неприятности представляются большими, чем они на самом деле' эстонцы выражают пословицей *Ega putru nii palavalt sööda, kui keedetakse* (EVN 219-149), которая, по-видимому, передает немецкую пословицу *Der Brei wird nicht so heiss gegessen, als er aufgetragen wird* (als er gekocht wird) (Wa I 457-10). Русской параллели, которая содержала бы эти же образы, не обнаружено. Русские выражают эту идею пословицей **Не так страшен черт, как его малюют**, имеющей параллели и в эстонском (*Kurat pole kupaigi nii hirmus, kui teda maalitakse* — EVN 219-148), и в немецком (*Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihn malt* — Wa I 1076-409), а также во французском (*On fait toujours le diable plus laid qu'il n'est* — Wa IV 1076-409; *Le diable n'est pas si noir qu'on le dit* — ФФС N-326) и в английском (*The devil is not so black as he is painted* — MTi D-225). Сопоставление всех этих пословиц с образом черта между собой показывает, что эстонская пословица дословно совпадает с русской, которая в свою очередь гождественна с первым вариантом французской пословицы, тогда как немецкая параллель совпадает с английской пословицей и со вторым вариантом французской пословицы. Это позволяет предположить, что эстонская пословица скалькирована с русской, а не с немецкой.

Во многих языках мира в форму пословицы облечена идея 'та или иная сила преодолевается лишь однопорядковой силой'. Так, арабы, а также индусы, говорящие на языке хинди, подчеркивают, что **железо обрабатывают (режут) только железом** (ПНВ 58-73 и ПНВ 598-100); персы отмечают, что **камень ломает камень** (ПНВ 422-215). Еще на санскритском языке стала известной пословица, согласно которой **шип вытаскивают шипом** (ПНВ 216-66). То же самое гласят пословицы на бенгальском языке (ПНВ 127-372) и на языке банту (ПНВ 218-45). Японцы рекомендуют **лечить от яда ядом** (ПНВ 632-547), а китайцы советуют **применять от сердечной болезни сердечное лекарство** (ПНВ 308-796). В Африке считают **огонь средством от огня** (ПНВ 450-187; суахили).

Аналогичные идеи выражены в европейских пословицах, причем у них, по-видимому, один генетический источник — латынь классическая и латынь средневековая. Так, Вергилием была высказана мысль *Sineus sineum trudit*, а Цицерон является автором высказывания *Clavum clavo ejiciendum* (Tusc. 4, 35, 75). В XVIII в. сложилось высказывание *Similia similibus curantur*, несколько раньше, в период средневековья, возникло изречение *Malum malo medicari*. Во французском и английском существуют пословицы, повторяющие мысль Цицерона (*Un clou chasse l'autre*, — ФФС C-1596; *One nail drives out another* — MTi

N-17), в то время как русская и немецкая пословицы повторяют образ, содержащийся в высказывании Вергилия: **Клин клином выбивают**; Auf einen grossen Klotz gehört ein grober Keil (Gf. 145 K-77). Эстонская пословица почти слово в слово повторяет немецкую пословицу: Jäme pakk tarvitab jämedat kiilu (EVN 137-105).

Эстонская пословица Mis kirjutatud sulega, ei välja raiuda saa kirvega (EVN 131-15), отмеченная в картотеке Литературного музея лишь четырьмя примерами из прилегающих к РСФСР районов, по своему лексическому составу тождественна с русской **Что написано пером, того не вырубишь и топором**. Немцы выражают эту же мысль пословицами Schreiben tut bleiben (Wa IV 335-26) и Geschrieben ist geschrieben: keine Kuh leckt es ab, keine Krähe kratzt es aus (Wa IV 335-15), которые с русской и эстонской лексического сходства не обнаруживают.

Целая серия пословиц разных народов включает в себе мысль 'сказанного не вернешь'. Так, японцы и китайцы указывают, что **вылетевшее слово и на четверке лошадей не догонишь** (ПНВ 619-95; ПНВ 284-142); корейцы же говорят: **Выпущенную стрелу можно вернуть, а сказанное слово — нет** (ПНВ 318-60). Очень близка к этой пословице сентенция Горация: Et semel emissum volat irrevocabile verbum (Epist. 1, 18, 17). В другом месте (Ars poet. 390) Гораций снова подчеркивает: Nescit vox missa reverti. Вероятно, изречения Горация лежат в основе немецкой и английской пословиц — Ein Wort, das dir entflohen, fängst du nicht mehr (Wa V 405-162); A word spoken is past recalling (MTi W-777). Русская пословица сходна с немецкой, однако содержит в себе еще сравнение слова с воробьем: **Слово — что воробей: вылетит, не поймаешь**. Эстонская пословица Sõna on kui varblane, lendab suust, kätte ei saa явно скалькирована с русской.

Ряд народов использует для выражения идеи 'большие способности требуют для своего проявления больших возможностей' образы корабля и моря. Так, турки говорят: **Корабль плавает по открытому морю, лодка идет берегом** (ПРН 265). Английский и немецкий языки выражают эту мысль идентично: A great ship asks deep waters (MTi S-346) и Ein grosses Schiff braucht grosses Fahrwasser (Gf. 114 G-231). С одного из этих языков скалькирована русская пословица **Большому кораблю — большое плавание**. Но в немецком эта пословица имеет еще вариант Grosse Schiffe können in die See treiben, kleine müssen am Ufer bleiben (Wa IV 169-84). По-видимому, именно этот вариант лежит в основе эстонской пословицы Suur laev mingi merele, lootsik jäägu ganda (EVN 54-17).

Часто народы сравнивают выдающихся людей с высоким деревом или горой, а критику, которой они подвергаются, — с ветром или бурей. Японцы говорят: **Высокие деревья больше**

страдают от ветра (ПНВ 619-99), а корейцы утверждают: **На высоком дереве и ветер резче** (ПНВ 322-225). То же говорят и бенгальцы: **Высокое дерево буря больше треплет** (ПНВ 120-158). Вьетнамцы в самой поговорке раскрывают аллегорию: **Высокое дерево сильнее качается на ветру; чем больше слава, тем больше неприятностей** (ПНВ 149-144). Аналогичная поговорка имеется и на чеченском языке: **Высокой чинаре всегда ветер, молодцу всегда упреки** (ПНВ 606-30). В то время как англичане обращаются к образу горы (Huge winds blow on high hills — Wa I 277-93), сближаясь с римлянами (Feriunt altos fulmina montes — Wa I 277-93), немцы и русские используют образ высокого дерева: Ein hoher Baum fängt viel Wind (Wa I 277-93) — **Гроза бьет по высокому дереву**. Эстонская поговорка явно скалькирована с немецкой: Kõrge puu rüüab palju tuult (EVN).

Среди эстонцев получила распространение поговорка Ruma laid ei küpta ega külvata, nad siginevad ise (EVN 60-129). Это явно калька с русской **Дураков не сеют, не жнут — сами растут**. Другие, западно-европейские параллели у этой поговорки не отмечаются.

Чисто немецкой, а не общесвропейской, представляется поговорка Man kann nicht alle Köpfe unter einen Hut bringen (Gl. 149 K-122). По всей видимости, с этой поговорки скалькирована эстонская Kõik ei mahu ühe mütsi alla. Русские выражают эту идею иначе, но также при помощи образов, относящихся к одежде: **В одну петельку всех пуговиц не устегнешь**.

III

В рассмотренных сериях тождественные по смыслу поговорки обнаруживают полное или почти полное лексическое сходство в силу генетической общности. Правда, иногда одинаковые образы для выражения одной и той же идеи привлечены территориально отдаленными друг от друга народами, контакты между которыми или отсутствовали полностью, или вплоть до XX века были очень слабыми. В таких случаях мы имеем дело со случайными совпадениями образов, которыми, как правило, служат хорошо известные всем народам реалии — *высокое дерево и ветер, кошка и мыши, врач и здоровый человек* и т. д.

Ниже приводится группа поговорок, в которых лексическое сходство встречается значительно реже. Эту группу составляют поговорки, тождественные лишь по смыслу, т. е. поговорки, запечатлевшие тождественный жизненный опыт, тождественные этические нормы и философские взгляды разных народов. Чаще всего образы в этих поговорках не имеют точек соприкосновения. Проиллюстрируем это примерами.

Многие народы облекли в форму пословицы идею, жизненную закономерность 'у людей различные вкусы'. Так, эстонцы говорят *Mis ühe meelest kuld, see teise meelest muld* (EVN 211-27), а русские — **У кого какой вкус: кто любит дыню, а кто арбуз**. Еще в Талмуде было зафиксировано: Ему нравится тыква, а жене его огурцы (*Sotah*, 10), англичане же утверждают, что *One man's meat is another man's poison* (MTi M-483). Французы, опираясь, очевидно, на латинскую сентенцию *De gustibus non est disputandum*, отмечают: *De goûts et des couleurs il ne faut pas disputer* (ФФС G-462). В виде кальки эта пословица вошла и в русский язык: **На вкус и цвет товарища нет**. Немцы же скалькировали латинское изречение — *Über den Geschmack lässt sich nicht streiten* (Wa I 1598-18). Аналогичная калька бытует и в эстонском: *Maitsete üle ei saa vaielda*, и в русском: **О вкусах не спорят**.

Таким образом, приведенные здесь самобытные, не выросшие из одного прототипа пословицы различаются в своей образности. Приведем в пример еще одну серию пословиц. Идею 'не всегда указания даются без обиняков' эстонцы выражают пословицей *Karjalast kästakse, minia mõistku*, букв. Пастушку прикалывают, невестка да разумеет. Аналогичный смысл имеет русская пословица **Кошку бьют, а невестке наветки даюг**. Немцы привлекают для выражения этой же идеи образы мешка и осла, а французы — образы собаки и льва: *Den Sack schlägt man, den Esel meint man* (Gf. 200 S-3); *Battre le chien devant le lion* (ФФС C-1204). Французская пословица обнаруживает совпадение с латинской: *Coram leone canis gastigatur*.

Образность в самобытных пословицах с тождественным значением может, конечно, оказаться сходной в силу того, что окружающая среда, из которой народы, опираясь на те или иные наблюдения, черпают свои образы, имеет много сходного, а также в силу того, что многие конкретные образы могут получить только однозначное абстрактное толкование. Во многих языках существуют пословицы, выражающие идею 'человек, раз избежавший той или иной опасности, редко попадает в точно такое же затруднительное положение'. Так, англичане и французы привлекают в значении опытного человека аллегорический образ рыбы: *It is a silly fish, that is caught twice with the same bait* (MTi F-316); *Trop vieux poisson ne mord pas à l'appât* (ФФС P-1788). Несмотря на совпадение образа, сама структура этих пословиц не позволяет с уверенностью утверждать, что у этих пословиц один прототип или же одна из них скалькирована с другой. Немцы говорят: *Alter Fuchs kommt nicht zweimal ins Garn* (Gf. 41 A-46a). Эта пословица имеет английскую и французскую параллели: *An old fox cannot be taken by a snare* (MTi F-647) и *Bon renard ne se prend pas deux fois au même piège* (ФПП-113). Их общий прототип — латинская пословица

Apposa vulpes haud capitur laqueo (Erasmus, Adagia 372). Русские говорят: **Старая крыса ловушку обходит**. У эстонцев встречаем опять образ лисы: *Vana rebane tunneb lõksu* (EVN 253-303). Не исключена, конечно, возможность заимствования эстонцами общего смысла и элементов образности этой поговорки у немцев, однако с полной уверенностью утверждать этого нельзя, так как лиса является традиционным образом хитрого, опытного человека в эстонском фольклоре, как, впрочем, и у немцев. Это объясняется сходством географической среды.

Итак, аллегорическим образом, символом, хитрого, опытного человека служат **лиса, рыба, крыса**. Несмотря на это, все эти поговорки содержат и нечто общее: образ **ловушки**. Именно этот образ допускает только однозначное абстрактное толкование: опасность.

* * *

Автору настоящей статьи представляется, что назрела необходимость составления не только лексикона русских и эстонских поговорок, но и лексикона эстонских поговорок, имеющих иноязычные параллели. Такой справочник, несомненно, представляет познавательный интерес и окажет некоторую помощь переводчикам, а также лицам, изучающим иностранные языки.

Составление такого лексикона требует значительной предварительной работы — тщательного сопоставления поговорок разных народов, с привлечением материала из многоязычных лексиконов поговорок, которые уже составлены по разным группам языков. Основной путь выявления таких серий поговорок — это их сопоставление по внутренней форме. Однако более углубленное исследование с целью выявления тождественных поговорок потребует учета, наряду с внутренней формой, и других моментов. Так, иногда в неисконных поговорках встречаются чуждые данному народу образы; чаще всего именно неисконные поговорки лишены присущего большинству поговорок метрического ритма; при калькировании редко сохраняется свойственная самобытной поговорке рифма. Все это, а также ряд других моментов позволят с некоторой достоверностью отличить свое от чужого, а знание общих направлений культурных влияний — определить путь распространения поговорок.

Список использованной литературы и принятые сокращения

- АФС Англо-русский фразеологический словарь. М., 1955.
НФС Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1956.
ФФС Французско-русский фразеологический словарь. М., 1964.
ПРН Пословицы разных народов. Новосибирск, 1959.
ПНВ Брегель Ю. Э., Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1961.
Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

- ФПП Критская О. В. Французские пословицы и поговорки. М., 1963.
- Ми Михельсон М. И. Меткие и ходячие слова. СПб., 1896.
- ИТи Тимошенко И. Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897.
- Тимошенко И. Е. Византийские пословицы и славянские параллели к ним. РФВ, 1894—1895.
- Bü G. Büchmann, Geflügte Worte und Zitatenschatz. Stuttgart, 1958.
- S. G. Champion, Racial Proverbs. A Selection of the World's Proverbs arranged Linguistically. With authoritative introductions to the proverbs of 27 countries and races. London, 1938.
- EVN E. Normann, Valimik eesti vanasõnu. Tallinn, 1955.
- Gf. A. E. Graf, 6000 deutsche und russische Sprichwörter. Halle (Saale), 1960.
- K. Krumbacher, Eine Sammlung byzantischer Sprichwörter. Sitzungsberichte der kön. bayer. Akad. d. Wiss. Philosoph.-Philologische Classe. 1887.
- K. Krumbacher, Mittelgriechische Sprichwörter. München, 1893.
- MTi M. Tilley, A Dictionary of the Proverbs in England in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Ann Arbor, 1950.
- Wa K. K. Wander, Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Leipzig, 1867.

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КЛАССОВ И СТАТИСТИКО-КОНФИГУРАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Х. Я. Пак

В настоящей работе дано описание системы функциональных классов и изложены полученные на материале научно-технических текстов некоторые статистические данные о распределении функциональных единиц и образованных от них конфигураций.

Вопросы синтаксического анализа текста, продиктованные спецификой обработки языковой информации в кибернетических устройствах, требуют предварительного изучения «микроэлементов» текста, каковыми в пределах предложения, как правило, являются словоформы, выступающие в предложении в роли функциональных единиц; последние же в значительной степени обусловлены способом сегментации текста. Поскольку текст задан сегментированным и уже несет на себе груз лингвистической традиции и орфографических условностей, то любое исследование, отталкивающееся от текста, с самого начала «отягощено» традицией. Поэтому естественно, что в работе над системой функциональных единиц мы отталкиваемся от основных понятий традиционной лингвистики.

Одним из наиболее сложных вопросов, относящихся к автоматическому синтаксическому анализу, является установление связей между словами. Эти связи носителем языка осознаются интуитивно; при автоматическом же анализе определение этих связей и маркирование их осуществляется посредством алгоритма, опирающегося на систему формализованных языковых признаков.

Как известно, в процессе автоматического анализа структуру предложения можно представить в виде дерева зависимостей, имеющего канонический вид. При построении схемы-дерева предложения функциональные единицы и связи между ними представляются соответственно в виде узлов и связей между узлами, причем в двух смежных по вертикали узлах управляющим считается верхний, а зависимым от него — нижний узел. В схеме-дереве у зависимого узла может быть один и только

один управляющий им узел, тогда как при управляющем узле возможно любое число зависящих от него узлов, расположенных на одном уровне и в той последовательности, в какой они следуют в предложении. Дерево зависимостей одновершинно, верхний его узел занимает сказуемое (главного) предложения, а в случае номинативного предложения — определяемое существительное.¹

В нашей работе исходным материалом изучения были предложения, структура которых была представлена в виде схемы дерева (т. е. дерева зависимостей).

На первом этапе связи между словами устанавливались интуитивно, с соблюдением грамматической правильности. Уже на этом этапе обнаружались трудности. Дерево зависимостей удобно для представления структуры той части предложения, в которой между словами устанавливаются подчинительные связи. Что же касается сочинительных связей, то способы их отражения до сих пор не нашли удовлетворительного решения.²

С нашей точки зрения с управляющим словом должно быть соотнесено синтаксически целостное сочетание, т. е. весь ряд однородных членов (включая и сочинительные союзы). Однако в настоящей работе мы пользуемся той схемой подчинения, которая принята в ЭЛМП при ЛГУ.

Например, структура предложения — Samal₁ pōhjusel₂ hakkab₃ pindadelt₄ voolu₅ juhtiva₆ ainega₇ kaetud₈ ja₉ vooluahelasse₀₁ lülita- tud₁₁ kvartspilaat₁₂ painduma₁₃ oma₁₄ külgpindade₁₅ vahel₁₆ oleva₁₇ pinge₁₈ muutumise₁₉ taktis₂₀ — может быть представлена следующим образом:³

$$V_3((Sad_2 - N'ad_1) + Sn_{12}((P_{п8} - Sabl_4 + Sk_7 - Pg_6 - \\ - Sp_5) + E_9 + Pp_{11} - Sil_{10}) + Umail_{13} - Sin_{20} - Sg_{19} - \\ - Sg_{18} - Pg_{17} - F''ad_{16} - Sg_{15} - NA_{14}).$$

Второй этап работы заключался в том, чтобы каждую словоформу, представленную как самостоятельный узел в дереве, заместить символом того класса, к которому данная словоформа относится. Последняя задача — замещение словоформы симво-

¹ Более подробно об иерархической структуре дерева предложения см. Н. Д. Андреев, Н. Н. Волков, Н. Д. Кремнева, Влияние типа грамматики языка-посредника на схему алгоритмов МП. Доклады на конференции по обработке информации, МП и автоматическому чтению текста, вып. 8. М., 1961, стр. 8—13.

² См. С. Я. Фитиалов, Моделирование синтаксиса в структурной лингвистике. Сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 107—108.

³ По техническим соображениям дерево предложения дано в линейной записи. В метаязыковой фразе управляющий символ всегда находится левее зависящего от него символа. Знаком — (минус) обозначено подчинение правого символа ближайшему левому, перед скобкой знак минус не ставится; знак + (плюс) между смежными символами обозначает их соподчинение влево одному и тому же символу. Скобки используются для группировки символов. Цифры в позиции подстрочного индекса указывают на порядковый номер слова (или символа) в линейной последовательности фразы.

лом потребовала предварительной разработки вопроса о классах словоформ. Определяя методiku построения системы классов, мы исходили из того, что в совокупность признаков, характеризующих класс, не должно входить лексическое значение слова. Это требование было обусловлено стремлением формализовать самую процедуру получения классов. В работе использована методика в некотором смысле напоминающая принципы дешифровки грамматической системы неизвестных текстов.

Каковы же были те соображения, которые легли в основу системы классов?

Все множество словоформ, представленных в тексте, целесообразно разбить на столько подмножеств и в то же время на такие подмножества, чтобы словоформы, входящие в одно подмножество, характеризовались некоторым набором одних и тех же признаков. Совершенно очевидно, что как само число классов, так и их состав могут быть различными в зависимости от того, по каким признакам группируются словоформы в классы.

Нам представляется, что процедуру формирования классов можно сопоставить с ветвящимся процессом, в котором каждое новое ветвление связано с использованием определенного дифференцирующего (различительного) признака. Этот признак, по которому происходит дифференцирование, условно назовем дифферентором. Другими словами, всю совокупность словоформ примем за некоторое множество и будем последовательно разбивать его на подмножества, каждый раз вводя в качестве дифферентора тот или иной признак. Разбиение будем производить по принципу бинарного противопоставления. Каждый шаг ветвления определяется введением только такого дифферентора, который представляет собой признак или некоторое условие, связанное с уже ранее выведенным (на предыдущем шаге ветвления) набором словоформ.

Представляется, что ветвящийся процесс порождения классов может быть бесконечным, а сами классы — сколь угодно дробными.

Отталкиваясь от уже известных из традиционной лингвистики разрядов, мы попытались сформировать функциональные классы с помощью последовательного применения некоторых правил, опираясь при этом на формализуемые свойства слова. Из многообразных свойств слова, относящихся к различным уровням языка, в настоящей работе мы рассматриваем только следующие три признака:

1) способность (неспособность) данной словоформы быть элементом определенной парадигмы;

2) способность (неспособность) словоформы вступать в сочетание с определенным, уже ранее выделенным, набором словоформ;

3) способность (неспособность) словоформы занимать в линейной последовательности определенную позицию по отношению к связанной с ней словоформе.

Например, в эстонском языке, в котором мы имеем развитую систему словоизменения, особое место занимает склонение, охватывающее не только именные части речи (существительное, прилагательное, местоимение и числительное), но также и некоторые лексико-грамматические разряды глагола и служебных слов (см. склонение инфинитива, наречий и послелогов). Поэтому соотношение каждой формы склонения с определенным парадигматическим рядом представляется вполне естественным. Рассматривая словоизменительную парадигму, мы учитываем падеж и (на первом этапе) лицо, и не принимаем во внимание грамматическое число и время, т. е. те признаки, которые наименее синтаксичны. В дальнейшем, при описании комбинаторных свойств словоформ личные формы глагола, связки и вспомогательного глагола (V, Z, Z') мы соответственно сводим к одному классу, поскольку формы 1-ого, 2-ого и 3-его лица являются с рассматриваемой точки зрения избыточными.

Первый этап ветвящегося процесса условно назовем парадигматическим, второй — комбинаторным, третий — позиционным. На всех этапах ветвления словоформы дифференцируются по признаку бинарной оппозиции, причем кратность противопоставлений будет зависеть от требуемой степени дробности получаемых классов.

На парадигматическом этапе мы будем иметь следующие шесть групп словоформ, каждая из которых характеризуется индивидуальной парадигмой словоизменения:

1) группа словоформ (S, N, N', N'', NQ, A, P, Y), характеризующихся парадигмой: n, g, p, il, in, el, al, ad, abl, tr, t, es, k, ab;

2) группа словоформ (Uma), имеющих парадигму: il, in, el, ab;

3) группа словоформ (B', F', W'), принадлежащих парадигме: il, in, el.

4) группа словоформ (B'', F''), соотносящихся с парадигмой: al, ad, abl;

5) группа словоформ (V, Z, Z'), связанных с парадигмой личных форм;

6) группа словоформ (Pп, Pзп, Pз'п, V', M, U'ma, Uda, Pмп, Udes, NĀ, B, Bmc, BĀ, Bпп, BР, Ч, E, EI, E'I', I, E', I', F°, F, W), не обладающих парадигмой словоизменения.

Как известно, морфологическая оформленность слова в значительной степени предопределяет его сочетательные свойства, иными словами, по грамматической форме слова с некоторой вероятностью можно предсказать его сочетательные возможности, которые, однако, заложены не только в функционально-

грамматической форме, но и в самой основе слова. Уклоняясь от рассмотрения всего многообразия комбинаторных возможностей, присущих словоформам, мы попытаемся проверить выделенные выше парадигматические группы на сочетаемость с одной из уже выделенных парадигматических групп; словоформы, входящие в эту группу, испытываются сначала в функции зависимого, а затем управляющего члена конфигурации. При выполнении подобной операции устанавливается, что одни словоформы сочетаются с дифференцирующей группой словоформ, а другие — не сочетаются. Подобное противопоставление свидетельствует о неоднородности исходной группы, и следовательно, оно служит основанием для разбиения исходной группы по данному дифференцирующему на два набора словоформ. В случае неразличения (т. е. отсутствия противопоставления) словоформ исходной группы в плане сочетаемости или несочетаемости их с группой дифференцирующих словоформ, исходная группа оставляется в первоначальном виде и при данной операции подлечит перезаписи.

При проверке на сочетаемость мы не испытываем сочетаемость какой-либо группы с ней же самой.

Комбинаторный этап ограничен нами девятью операциями, при каждой из которых полученные до этого наборы словоформ разбиваются дважды: сначала — когда дифференцирующая группа словоформ является управляющим членом в двучленной конфигурации (операция А), затем — когда эта группа словоформ выступает в роли зависимого члена (операция Б).

На третьем этапе ветвления классификационного дерева мы вводим признак позиционной детерминированности. Под позиционной детерминированностью в данном случае понимается возможность только правой или только левой позиции испытуемого класса по отношению к дифференцирующему классу (или набору) в линейной цепочке метаязыковых символов, являющейся аналогом линейной последовательности словоформ во фразе. Так при операции 16 мы получили разбиение набора (F° , F) на (F°) и (F).

Три этапа ветвления классификационной схемы дали в конечном итоге 160 функциональных классов.

Под функциональным классом мы понимаем набор словоформ, характеризующихся однотипными формализуемыми признаками и тождественной позиционной и конфигурационной реализацией в структуре дерева зависимостей. Таким образом, каждый функциональный класс должен обладать индивидуальным комплексом различительных признаков. Именно совокупностью признаков, а не отдельным признаком, данный класс может быть противопоставлен всем другим классам.

Как это очевидно, полученные в работе классы более-дробны по сравнению с традиционными лексико-грамматическими рядами слов.

С другой стороны необходимо отметить, что при формировании классов мы не пользовались типами глагольного управления, поскольку последнее связано с лексическим значением основы слова.

Далее, полученная система классов естественно не совпадает с той системой классов, которая предложена Робертом Хармом в его трансформационной «Грамматике эстонского языка».⁴

Предварительные результаты статистического обследования научно-технических текстов

Ниже изложены результаты статистического обследования научно-технических текстов по электро- и радиотехнике объемом в 10693 словоформы, а также представлены некоторые статистико-комбинаторные характеристики классов и конфигураций.⁵

Из 160 выделенных нами классов в обработанных текстах встретились 122 класса.

В частотном списке классов частота уже первых девяти классов превышает полусумму общей частоты 122 классов, она равна 5438 (50,83%).

По нашим материалам получено 942 конфигурации на текст объемом в 10012 связей.

Большая дробность классов и многочисленность конфигураций, а также само неравномерное их распределение в текстах требуют для определения с достаточной достоверностью их вероятностных характеристик обработки такого числа выборок, которое практически соотносимо только с возможностями ЭВМ.

В настоящей работе мы ограничились обзором лишь наиболее частных классов и конфигураций с целью установления на данном этапе не математически точных вероятностных характеристик каждой языковой единицы, а только некоторых количественных тенденций в языке, находящих свое отражение в речи на уровне приближенных соотношений.

При медиальном разбиении конфигураций по частоте их встречаемости мы получили два подмножества, из которых верхнесуммовое состоит из 44 конфигураций. В подмножество частых конфигураций вошли следующие двухчленные сочетания классов с суммарной частотой, равной 5041 (слева указан уп-

⁴ R. T. Harms, *Estonian Grammar*. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 12., 1962.

⁵ Принципиально весь цикл — построение дерева предложения и получение статистико-конфигурационных и позиционных данных о его узлах и связях между ними можно переложить на электронно-вычислительную машину. Однако решение этой задачи зависит, в основном, от решения другой исключительно сложной задачи — создания надежного алгоритма установления связей между словами в предложении.

Таблица I

№№ п/п	классы	коэфф. актив-ности	суммарн. частота управляющих кл.	число их	суммарн. частота управляемых кл.	число их	частота исходного класса
1	Sg	0,59	1529	35	898	32	1529
2	Sn	1,11	909	12	1009	41	915
3	V	6,66	324	14	2157	65	699
4	Sp	0,99	514	26	510	39	514
5	E	0,00	417	36	—	—	417
6	An	0,38	353	9	133	21	353
7	Ag	0,15	347	9	52	12	347
8	Ц	0,06	347	22	20	9	347
9	Sin	0,70	317	29	222	26	317
10	Sk	0,98	289	26	284	28	289
11	EI	1,02	241	13	245	25	241
12	Sad	1,01	239	22	241	26	239
13	B	0,27	235	18	63	8	235
14	Pn	0,94	224	15	211	40	224
15	V'	9,81	72	12	706	53	212
16	Ч	0,00	207	38	—	—	—
17	F°	1,17	199	22	232	6	199
18	I	1,18	198	25	234	12	198
19	Z	5,93	101	8	599	30	196
20	Uda	2,06	192	9	395	40	192
21	Sel	0,84	189	27	158	25	189
22	Str	1,08	161	19	174	24	161
23	BA	0,14	152	19	22	8	152
24	Ap	0,16	121	2	19	7	121
25	Pg	0,73	103	5	75	19	103
26	Pn	0,87	94	2	82	18	94
27	NQn	0,94	82	13	77	11	82
28	Z'	6,29	31	7	195	21	77
29	Yn	0,95	76	13	76	4	76
30	Aad	0,12	57	1	7	2	57

равляющий класс, справа — подчиненный ему класс; в скобках приведена абсолютная встречаемость каждой конфигурации; перечень конфигураций дан в порядке убывания их частоты).

1. V — Sn (511); 2. Sn — Sg (324); 3. Sg — Sg (279); 4. Sg — Ag (236); 5. Sn — An (208); 6. F° — Sg (203); 7. V — Sp (167); 8. Z — Sn (165); 9. Sp — Sg (142); 10. Z — An (126); 11. V — EI (124); 12. Sp — Ap (120); 13. I — V (114); 14. V — B (109); 15. V — Sad (108); 16. EI — V (108); 17. V — E (104); 18. V' — Sp (104); 19. V — Sin (104); 20. Sk — Ag (92); 21. Str — Sg (91); 22. V — Uda (89); 23. V' — Sn (89); 24. Uda — Sp (86); 25. Sg — Pg (79); 26. Sn — Ц (75); 27. V — I (74); 28. V — F° (73); 29. Sn — Pn (73); 30. Sad — Sg (72); 31. Z' — Pn (65); 32. Sin — Sg (63); 33. Sg — Ц (63); 34. V — BA (59); 35. Z' — Sn (58); 36. Sad — Aad (57); 37. V — Str (56); 38. V — Sel (56); 39. Yn — V (55); 40. NQn — Sp (54); 41. V' — Str (53); 42. V' — E (53); 43. V — Ч (51); 44. Sk — Sg (49);

Встречаемость этих 44 конфигураций составляет 50,14% от общей частоты 942 конфигураций. Таким образом, на остальные 898 конфигураций падает менее половины (49,86%) общей частоты конфигураций (10012 = 100%). Ниже рассмотрим классы, которые входят в конфигурации верхнесуммового подмножества (см. таблицу I на стр. 189). Эти 30 классов интересны тем, что они образуют наиболее частые в языке конфигурации, что предопределяет высокую частотность самих этих классов (8982 или 83,9%). На остальные 92 класса падает лишь 16,1% от суммарной встречаемости 122 классов.

Статистическое распределение классов в позиции верхнего узла дерева весьма устойчиво и по частоте они следуют в следующем порядке: V — 375 (215), V' — 140 (54), Z — 95 (51), Z' — 46 (24), M — 19 (11), Sn — 6 (—). (В скобках приведены данные по первым пяти выборкам).

Матричные слова для наиболее частых классов. Под матричным словом функционального класса понимается набор классов, входящих в верхнесуммовые подмножества управляющих и управляемых ими классов. Ниже управляющие классы указаны слева, а управляемые — справа от характеризующего ими функционального класса.

I (114), EI (108) — V — Sn (511), Sp (167), EI (124), B (109), Sad (108), Sin (104); EI (34), Yp (10) — V' — Sp (104), Sn (89), Str (53), E (53), Sin (46), EI (43); I (41), EI (32) — Z — Sn (165), An (126), EI (47); I (11), EI (8) — Z' — Pп (65), Sn (58); V (89), Z (37) — Uda — Sp (86), Sn (42), Sk (30), F° (22), E (22); Sn (324), Sg (279), F° (203) — Sg — Sg (279), Ag (236); V (511) — Sn — Sg (234), An (208); V (164), V' (104) — Sp — Sg (142), Ap (120); V (104), V' (46), Sn (24) — Sin — Sg (63), Ain (48); Sg (31), V (30), Sn (30), Sp (30), Uda (30) — Sk — Ag (92), Sg (42); V (108), V' (25) — Sad — Sg (72), Aad (57); V (56), An (21), V' (20) — Sel — Sg (46), Ael (27); V (56), V' (53) — Str — Sg (91); V (73), V' (25) — F° — Sg (203); V (16), Z (16), F (15) — NQп — Sp (54); Z' (65), Sn (45) — Pп — Sk (23), Sin (20), Sel (18), Sad (15), F° (14), B (14); Sg (79) — Pg — Sin (12), Sad (12), Sp (9), Sel (7); Sn (73) — Pп — Sp (14), Sk (12), Sel (9), Sin (7); Sn (28), Sp (24) — Yп — V (55); V (124) — EI — V (108), V' (34); V (74), B (35) — I — V (114), Z (41); Sn (75), Sg (63), Sad (31), Z (29) — Ц — EI (5), W'in (4), Ч (3); Sn (208) — An — Bmc (32), Sel (21), Ч (20); Sg (236) — Ag — Ч (12), Sg (11), Bmc (10); Sp (120) — Ap — Bmc (10); Sad (57) — Aad — Ч (14); V (109), V' (33) — B — I (35); V (59), V' (22) — BA — Sk (5), Ч (3), Bmc (3); V (104), V' (53), Sg (31), Sn (27) — E —; V (51), An (20), Sg (19), Sp (18) — Ч —.

Рассмотрим теперь некоторые различительные признаки, по которым

- а) классы можно было бы объединить в разряды,
- б) противопоставить эти разряды друг другу.

Объединение классов в разряды.

1) Коэффициент активности. Под коэффициентом активности данного класса будем понимать отношение частоты подчиненных ему классов частоте управляющих им классов (см. таблицу I на стр. 189). За исходную точку расчета коэффициента активности примем значение 1. Это случай, когда частота подчиненных классов равна частоте управляющих. Значение единицы, как точки отсчета, удобно потому, что в этом случае противопоставления по коэффициенту активности фактически не будет. Ведь нас интересует именно величина отклонения в частотах управляющих и управляемых классов. За допустимое отклонение примем значение, равное 0,5 единицы. Таким образом, по значению коэффициента активности можно разбить разряды на три группы:

- I. $0 \div 0,50$ II. $0,51 \div 1,50$ III. $1,51 \div \infty$.

Все 14 класса существительного по значению коэффициента активности входят во II-ую группу. См.

1. Sab = 0,0	6. Sin = 0,70	11. Sad = 1,01
2. Sg = 0,59	7. Sel = 0,84	12. Str = 1,08
3. Ses = 0,62	8. Sabl = 0,87	13. Sn = 1,11
4. Sil = 0,65	9. Sk = 0,98	14. St = 1,22
5. Sal = 0,65	10. Sp = 0,99	

Классы прилагательных по значению коэффициента активности входят в I-ю группу. См.

1. Aabl = 0	5. Ain = 0,14	9. Atr = 0,20
2. Ael = 0,04	6. Ag = 0,15	10. An = 0,38
3. Ail = 0,11	7. Ap = 0,16	11. Aes = 1,67
4. Aad = 0,12	8. Aal = 0,17	

Глагольные классы по значению коэффициента активности образуют III-ую группу. См.

1. Uda = 2,06	3. Z' = 6,29	5. V' = 9,81
2. Z = 5,93	4. V = 6,66	

Таким же образом были объединены в группы и другие классы. В результате по данному различительному признаку (коэффициенту активности) мы получили следующие группы разрядов.

I (К. А. = 0 ÷ 0,50): B = 0,20; A = 0,23.

II (К. А. = 0,51 ÷ 1,50): P = 0,75; S = 0,83; Pп = 0,94;
Y = 1,00; F = 1,10; F° = 1,24.

III. (К. А. = 1,51 ÷ ∞): U = 1,74; Z = 6,11; V = 8,24;
M = 9,00.

Значение коэффициента активности у отдельного класса не выходит за пределы коэффициента активности того разряда, в который данный класс входит. Ср. К. А. у субстантивных классов с К. А. у разряда S и т. д.

2) Коэффициент правого управления. Для каждого разряда под его коэффициентом правого управления будем понимать отношения частоты правых классов к частоте левых классов. При этом имеется в виду позиционное расположение только зависимых классов.

По величине отклонения данного коэффициента от заданной величины все разряды подразделяются на следующие четыре группы:

I. (0 ÷ 0,50): P = 0,09; S = 0,22; A = 0,35.

II. (0,51 ÷ 1,50): B = 1,00;

III. (1,51 ÷ ∞): M = 1,25; Z = 1,77; V = 1,87; U = 2,44.

IV. (—): F°.

Для класса, входящего в IV-ую группу неопределенность значения данного коэффициента обусловлена самой структурой языка.

3) Коэффициент правого подчинения. Для каждого разряда под его коэффициентом правого подчинения будем понимать отношения правых классов к частоте левых классов. Но при этом, в отличие от первого позиционного коэффициента, имеется в виду позиционное расположение только тех классов, которые управляют характеризуемым нами классом.

По величине отклонения данного коэффициента все разряды подразделяются на следующие пять группы:

I. (0 ÷ 0,50): U = 0,14;

II. (0,51 ÷ 1,50): F° = 0,83; B = 1,23; S = 1,48.

III. (1,51 ÷ ∞): A = 5,58; P = 11,45.

IV. (—): V, Z. Неопределенность значения коэффициента у классов, входящих в IV-ую группу, обусловлена правилами построения дерева.

V (—): M, Y.

Неопределенность значения данного коэффициента у классов, входящих в V-ую группу, обусловлена самой структурой языка.

Интересными представляются значения позиционных коэффициентов, выведенные для суммы всех классов:

а) значение коэффициента правого управления = 0,84;

б) значение коэффициента правого подчинения = 1,12.

Таблица II

Противопоставление разрядов по их дифферентам

	S _{II}	Sk Sin	Sg	F°	V	Z	U	P	A	B
S _{II}	120 00	130 00	140 2а2г	151б ^{1в} 2а2г3б3г	161б ^{1в} 2а2г3б3г	171б ^{1в} 2а2г3б3а	180 03б3в	191б ^{1а} 03б3в	1101б ^{1а} 2а2б	
Sk Sin	210 00	230 00	240 2а2г	251б ^{1в} 2а2г3б3г	261б ^{1в} 2а2г3б3г	271б ^{1в} 2а2г3б3а	280 03б3в	291б ^{1а} 03б3в	2101б ^{1а} 2а2б	
Sg	310 00	320 00	340 2а2г	351б ^{1в} 2а2г3б3г	361б ^{1в} 2а2г3б3г	371б ^{1в} 2а2г3б3а	380 03б3в	391б ^{1а} 03б3в	3101б ^{1а} 2а2б	
F°	410 2г2а	420 2г2а	430 2г2а	451б ^{1в} 2г2б3б3г	461б ^{1в} 2г2б3б3г	471б ^{1в} 2г2б3б3а	408 2г2а3б3в	491б ^{1а} 2г2а3б3в	4101б ^{1а} 2г2б	
V	511б ^{1б} 2в2а3г3б	521б ^{1б} 2в2а3г3б	531б ^{1б} 2в2а3г3б	541б ^{1б} 2в2г3г3б	560 00	570 03г3а	581б ^{1б} 2в2а3г3в	591б ^{1а} 2в2а3г3в	5101б ^{1а} 2в2б3г3б	
Z	611б ^{1б} 2в2а3г3б	621б ^{1б} 2в2а3г3б	631б ^{1б} 2в2а3г3б	641б ^{1б} 2в2г3г3б	650 00	670 03г3а	681б ^{1б} 2в2а3г3в	691б ^{1а} 2в2а3г3в	6101б ^{1а} 2в2б3г3б	
U	711б ^{1б} 2в2а3г3б	721б ^{1б} 2в2а3г3б	731б ^{1б} 2в2а3г3б	741б ^{1б} 2в2г3г3б	750 03а3г	760 03а3г	781б ^{1б} 2в2а3г3в	791б ^{1а} 2в2а3г3в	7101б ^{1а} 2в2б3г3б	
P	810 03в3б	820 03в3б	830 03в3б	840 2а2г3б3б	851б ^{1в} 2а2г3б3г	861б ^{1в} 2а2г3б3г	871б ^{1в} 2а2г3б3а	891б ^{1а} 00	8101б ^{1а} 2а2б3в3б	
A	911а ^{1б} 03в3б	921а ^{1б} 03в3б	931а ^{1б} 03в3б	941а ^{1б} 2а2г3б3б	951а ^{1в} 2а2г3б3г	961а ^{1в} 2а2г3б3г	971а ^{1в} 2а2г3б3а	981а ^{1б} 00	9100 2а2б3в3б	
B	1011а ^{1б} 2б2а	1021а ^{1б} 2б2а	1031а ^{1б} 2б2а	1041а ^{1б} 2б2г	1051а ^{1в} 2б2г3б3г	1061а ^{1в} 2б2г3б3г	1071а ^{1в} 2б2г3б3а	1081а ^{1б} 2б2а3б3в	1090 2б2а3б3в	

Условные обозначения: 1а, 1б, 1в — различие по коэффициенту активности, 2а, 2б, 2в, 2г — различие по коэффициенту правого управления, 3а, 3б, 3в, 3г, 3д — различие по коэффициенту правого подчинения, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 — различие по комбинаторному признаку.

4) Различительные признаки, характерные для комбинаторики каждого из 10 разрядов.

1. V	— S ₁₁	— Sg, A
2. V, S	— Sk, Sin	— Sg, A
3. Sn, Sg, F ^o	— Sg	— Sg, A
4. V	— F ^o	— Sg
5. I, EI	— V	— S ₁₄
6. I, EI	— Z	— An, Pп
7. V, Z	— U	— S ₁₄
8. S ₁₄	— P	— S ₁₃
9. S ₁₄	— A	— B, Ч
10. V, V'	— B	— I, B

По совокупности различительных признаков, приведенных выше, каждый из 10 разрядов можно противопоставить девяти остальным (см. таблицу II на стр. 193).

Эту совокупность признаков, являющуюся индивидуальной характеристикой данного разряда (в плане его противопоставления всем остальным разрядам), по терминологии Н. Д. Андреева мы называем дифферентом данного разряда.

Процентное соотношение классов в научно-техническом тексте

Классы, соотносящиеся с парадигмами склонения, занимают 63,89% текста, остальные классы — только 36,11%. Среди парадигматических субстантивных классы занимают 41,91%, адъективные классы — 10,04%, прочие — 11,84%. Таким образом, в научно-технических текстах примерно 63,89% их объема составляют формы склонения.

При сравнении частот глагольных и именных классов глагольные занимают 18,44% текста, а именные — 58,03%.

Суммарная частота всех служебных слов равна 9,30%, из них частота предлогов — 0,71% текста, а послелогов — 2,48%.

РАБОТА НАД СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКОЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ

А. А. Метца

Занятия по русскому языку в национальном вузе не являются самоцелью, они теснейшим образом связаны с комплексом задач, решение которых непосредственно отражается на качестве выпускаемых специалистов.

Овладение русским языком является одним из основных залогов успешной работы любого специалиста, так как это позволяет ему приобщаться к новым достижениям науки и техники, искусства и культуры.

Между преподаванием русского языка в средней школе и в вузе должна существовать преемственность. Средняя школа закладывает фундамент знаний человека, поступающего в вуз, а на этом фундаменте, заложенном в средней школе, мы должны довести знания студента до максимального уровня.

Но в нашем распоряжении имеется лишь десятая доля времени по сравнению с тем, что выделяется на русский язык в средней школе. Поэтому самым существенным является умение найти то основное звено, на которое были бы направлены все наши усилия.

На наш взгляд, это основное звено заключается в развитии устной и письменной речи студентов на определенном лексико-грамматическом материале, с учетом специальности студентов.

При подборе лексического материала следует руководствоваться следующими принципами:

1) принципом учета новых условий, в которые попадает студент (университет, факультет, общежитие, общественная работа студентов, организация учебной работы, художественная самодеятельность и т. д.). Лексика эта определяет лексический минимум № 1;

2) принципом учета специальности студента. Можно всецело согласиться с точкой зрения В. Г. Костомарова, который считает, что при обучении взрослых учащихся следует с самого начала учитывать их специальность¹.

¹ В. Г. Костомаров, Принципы отбора лексического минимума. Материалы четвертого международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. Изд. МГУ, 1964, стр. 88.

Лексика эта определяет минимум № 2;

3) принципом связи изучаемой лексики с грамматическим материалом.

На основании проводимых нами проверочных работ можно определить тот грамматический минимум, который должен лечь в основу нашей работы в университете: это — глагольный вид, глагольное управление, трудные случаи согласования, особенности склонения имен существительных, числительных, вопросы транслитерации и др.

Итак, минимум № 3 — это грамматический минимум;

4) Мы должны руководствоваться принципом дифференциации обучения на I и II курсе:

а) если на первом курсе общенародная лексика связана с темой *университет, факультет, студенческая жизнь*, то на втором курсе желательна и общенародную лексику больше связывать со специальностью студентов (например, сообщения о медицинской периодике, рассказы о подвигах врачей, об известных ученых ит. д.);

б) специализированная лексика должна отвечать курсу и читаемым дисциплинам.

Вся наша работа может увенчаться успехом лишь в том случае, если она будет иметь прочную лингвистическую основу. Лингвистический материал, как правильно отмечает и Н. М. Лариохина, определяет методику работы над текстом по специальности, а также систему упражнений, обеспечивающих активное усвоение особенностей научного стиля речи².

Важнейшей задачей является правильная дозировка работы по введению и активизации специализированной лексики, а также обеспечение тесной связи с обучением языку как средству общения. Усвоение специализированной лексики должно способствовать лучшему овладению языком. Это зависит прежде всего от умения преподавателя показывать студентам особенности научного языка, стиля, объяснять, какие из этих особенностей могут быть перенесены в разговорную речь.

Большую помощь преподавателю могут оказать умело подобранные тексты и продуманная методика работы.

В настоящей статье автором делается попытка изложить некоторый опыт, приобретенный в работе со студентами медицинского факультета.

² Н. М. Лариохина, Учет специальности учащихся в преподавании русского языка как неродного. «Материалы к совещанию по вопросам преподавания русского языка в вузах союзных республик», М., 1963, стр. 63.

Принцип подбора материала для чтения

При подборе текстов для аудиторных занятий мы исходим из следующих требований:

Текст должен:

1) быть лексически насыщенным, содержать максимально допустимое количество новых слов, фразеологических сочетаний, терминологии;

2) содержать в себе необходимый материал для закрепления того или иного раздела по грамматике;

3) иметь познавательное значение для студента, давать нечто новое, интересное. А интерес к предмету является сильным стимулом в изучении языка.

В виде текстов для аудиторного чтения на медицинском факультете мы используем главным образом сборник текстов, составленный А. Метса, а также периодическую печать — газету «Советская медицина», журнал «Здоровье» и другие источники, содержащие новое в области медицинской науки, вызывающие живой интерес у студентов.

Наш опыт работы подтверждает и целесообразность использования в качестве аудиторных текстов художественной литературы, связанной с медициной («Тихо, идет операция» Б. Володина; «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа; «Записки из будущего» Ю. Амосова и др.).

Мы полагаем, что в качестве текстов для аудиторного чтения нецелесообразно использовать учебную литературу, так как студент с нею уже знаком или познакомится на лекциях по специальности.

В ходе работы необходимо чередовать один материал для чтения с другим, чтобы на разных текстах студенты привыкли к разному стилю, учились различать обороты и выражения, свойственные только научному языку, и узнавали, какие из них применяются и в разговорной речи.

При подборе текстов для домашнего чтения допускается большая инициатива со стороны самих студентов. Но и здесь мы придерживаемся определенных требований. Текст должен: 1) содержать необходимое количество специализированной лексики; 2) входить в цикл дисциплин, читаемых на курсе; 3) быть удобным для пересказа и отвечать уровню знаний студентов.

Списки литературы для домашнего чтения согласовываются с ведущими кафедрами, которые указывают, какие научные труды, монографии студентам необходимо проработать.

При подборе текстов нужно придерживаться принципа преемственности лексики, что обеспечивается единством тематики, позволяющим организовать естественную активизацию и повторение пройденной лексики.

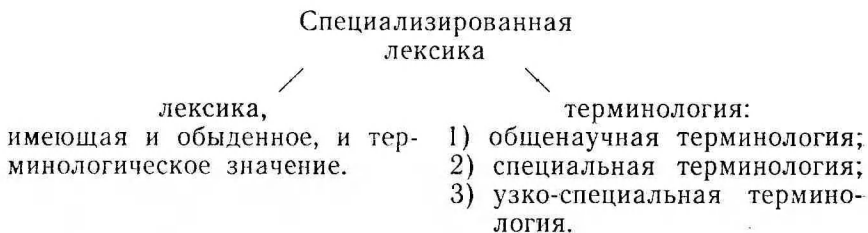
Английский методист Уэст предлагает организовать весь лек-

сический материал для чтения в виде серии книжек, связанных между собой. По усвоении лексического материала одной книжки учащийся приступает к чтению двух следующих книжек, которые уже не содержат новых слов, а закрепляют пройденные³.

О методике введения новой специализированной лексики

Интерес представляет вопрос о соотношении понятий «специализированная лексика», «терминология» и «специальная терминология».

На наш взгляд, специализированная лексика — это вся лексика, которая может быть использована в той или иной сфере знаний:

Общие признаки терминов: а) вхождение в определенное терминологическое поле; б) тенденция к системности в поле; в) тенденция к моносемичности; в) отсутствие экспрессивно-эмоциональной окрашенности.

Та или иная методика введения новой специализированной лексики зависит:

1) от того, в какой подгруппе она относится (специальная терминология или же лексика, примыкающая к ней);

2) от уровня знаний студентов и этапа преподавания.

Если в национальном вузе, на высшем этапе преподавания русского языка, новые слова общенародного фонда, как правило, объясняются путем толкования или приведения синонимов и только в последнюю очередь прибегают к переводу, то при введении терминологической лексики мы в первую очередь даем эстонское адекватное соответствие, а если его нет, что бывает сравнительно редко, то только тогда объясняем термин путем толкования. В этом, на наш взгляд, и заключается одна из особенностей введения терминологической лексики. Этой точки зрения придерживаются многие преподаватели вузов, но не все. Так, например, Ю. Сафьян (Ленинкан) предлагает посредством словотолкования объяснять значение тех терминов, знание которых

³ См. Ю. А. Марков, Проблемы адаптации. Материалы четвертого международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. Изд. МГУ, 1964, стр. 100.

необходимо для понимания технического текста, а что касается терминов, играющих второстепенную роль, то их значение, по мнению Ю. Сафьяна, можно раскрывать путем перевода⁴.

Указанная точка зрения представляется неубедительной. На наш взгляд, специальную терминологию можно объяснять путем толкования только в двух случаях.

- 1) если нет эстонского адекватного соответствия,
- 2) если слово или выражение не относится к терминологии первостепенной важности.

Итак, первой отличительной чертой введения терминологической лексики является ее объяснение путем перевода. Но это относится не ко всей специализированной лексике в широком смысле.

Второй отличительной чертой введения новой терминологической лексики является то, что из текста извлекается максимальное количество необходимого и полезного как прямым, так и косвенным путем.

Прямой путь усвоения нового слова наблюдается в случае, когда незнакомое слово или термин встречается непосредственно в тексте.

Косвенный путь состоит в том, что от слова, которое само по себе не представляет для нас интереса, образуются формы и новые слова терминологического характера.

Так, например, глагольная пара *задержать*, *задерживать*, как правило, не требует особого пояснения. Отглагольное же существительное *задержка* в сочетании со словами *дыхание*, *мочи* образует выражения, знание которых необходимо каждому студенту-медику:

задержка дыхания — hinge kinnipeetus;
задержка мочи — uriini peetus.

То же самое относится к глаголу *заложить*. В сочетании с рядом существительных этот глагол образует сочетания, без которых студенту-медику не обойтись:

ухо заложило — kõrv on lukkus;
нос заложен — nina on kinni;
грудь заложило — hinge matab.

В эстонском языке глагол во всех сочетаниях разный:

kõrv on lukus — 'ухо заперто';
nina on kinni — 'нос закрыт';
hinge matab — 'дух захватывает'.

Не подлежит сомнению, что в образовании приведенных сочетаний большую роль играет контекст. Нередко в самом слове

⁴ См. Ю. Сафьян, Изучение научно-технической терминологии. «Русский язык в нац. школе», 1965, № 1, стр. 59.

сочетаются значения терминологические и нетерминологические. Это связано с многозначностью слова. Например,

{ извлекать { извлечь	<i>пользу</i> — 'получить'; <i>выгоду</i>
	<i>звук</i> — 'заставить появиться'; <i>пулю, инородное тело</i> — 'удалить при помощи операции';
<hr style="border-top: 1px dashed black;"/>	
{ вводить { ввести	кого-что куда? <i>лошадь в конюшню</i> — 'привести куда';
	кого-что во что? <i>крупные войска в бой</i> — 'включить';
	кого-что во что? <i>человека в обман</i> — 'обманывать';
	кого-что во что? <i>в курс дела</i> — 'помочь освоиться с чем-н.';
	что? <i>новую моду</i> — 'положить начало чему-н.'; что во что? <i>препарат в вену</i> — 'делать инъекцию'.

Терминологический характер в обоих случаях придается глаголу дополнением, контекстом, терминологическим полем.

Терминологический характер придается слову и определением:

Нетермин		Термин
<i>мыльный</i> <i>резиновый</i>	}	пузырь { <i>от ожога</i> <i>желчный, мочево́й</i>

Множество интересных фразеологических сочетаний, которые не принадлежат к медицинской терминологии, но которые, несомненно, обогащают словарный запас будущего врача, образовано от обычных слов, встречающихся в тексте.

Например, от слова *глаз*:

<i>с глазу на глаз</i>	— больной хочет поговорить с врачом с глазу на глаз;
<i>в глаза</i>	— скажите этому больному правду в глаза;
<i>на глазок</i>	— нельзя давать лекарство на глазок;
<i>за глаза</i>	— не принято говорить плохое за глаза.

Если тот или иной раздел текста не дает достаточного количества новых слов и терминологии, то преподаватель сам восполняет этот пробел.

С этой целью у преподавателя имеются тематические карточки с терминологической лексикой. Новые термины и выражения, как правило, на карточках зафиксированы в контексте. При

этом мы пользуемся следующей методикой. Студентам раздаются карточки с предложением, в котором подчеркнуто новое выражение или термин, и предоставляется несколько минут для осмысления предложения. Затем преподаватель вызывает студентов. Студенты по очереди читают предложение, пишут на доске подчеркнутую часть предложения и предлагают свой перевод термина. Предложенный студентами перевод исправляется и уточняется. Затем слово записывается всеми студентами и закрепляется в конце урока.

Нам кажется, что при введении новой терминологии решающую роль должен играть сам преподаватель. Если мы даем студентам текст на самостоятельную проработку, то, как правило, на уроке осуществляется только первый этап работы, т. е. выписываются слова, которые непосредственно представлены в тексте, а следующие два этапа — образование нужных форм и нахождение фразеологических сочетаний с данными в тексте словами — или отсутствуют, или проделываются под руководством преподавателя на следующем занятии.

Это не относится к филологам, которые самостоятельно собирают фразеологию, обмениваются ею на занятиях и умело работают со словарями.

По нашему мнению, прежде чем приступить к тексту, на языковых факультетах терминологическая лексика должна прорабатываться под руководством преподавателя. Такой метод работы имеет некоторые преимущества, так как позволяет:

- 1) извлекать из текста максимальное количество слов и выражений;
- 2) давать задания по активизации терминологии уже на первом занятии;
- 3) гарантировать правильность понимания текста студентами.

Основным приемом введения новой терминологии, как уже отмечалось, является перевод на родной язык. Но и методику перевода можно разнообразить.

1) Перевод преподавателем до чтения. Слова записываются на доске и объясняются преподавателем. При лексически насыщенном тексте такой способ отнимает довольно много времени.

2) Преподавателем предварительно составляется таблица объяснения слов, которая вывешивается в аудитории. Перевод в данном случае осуществляется гораздо быстрее.

3) Слова записываются на доске до начала занятия. Этот метод применим не всегда.

4) В начале занятия студентам дается аудиторное задание — прочитать тот или иной раздел по тексту и выписать незнакомые слова на доске. (Такое задание можно давать в группе в 8—12 человек). Доска разделена на две части. Студенты по два приходят и записывают новые слова на доске. Потом слова объ-

ясняются преподавателем и записываются в словарики студентов по указанию преподавателя.

5) Преподавателем составляются карточки с новыми словами в контексте. Студентам раздаются карточки и предлагается найти подходящий перевод к подчеркнутым словам или выражениям. Дается 1—2 минуты времени. Затем студенты читают предложения и предлагают свой перевод, который корректируется другими студентами и преподавателем. Потом слово или словосочетание записывается на доске. Преимуществом данного приема является то, что к активной работе привлекаются все студенты.

При введении новой терминологической лексики большую роль играет принцип наглядности, способствующий более прочному формированию навыков правильного употребления новых слов. Из наглядных средств мы используем сейчас:

- 1) рисунки, которые имеются в учебниках;
- 2) таблицы, рисунки и муляжи, которые предоставляются нам на время специальными кафедрами.

Наглядные пособия особенно необходимы при введении лексики, связанной с частями тела, а также процедурами в больнице. Большую помощь могут оказать нам сами студенты.

Пора подумать и о создании определенного фонда специализированных учебных пособий.

В связи с введением новой терминологии встает вопрос о правильной дозировке новой лексики.

Мы работаем по принципу возрастающей трудности, т. е. с каждым уроком увеличиваем количество новых слов, пока не добиваемся определенного уровня — по 25—30 новых слов и словосочетаний на занятиях.

Ведение тематического словарика

Одной из первых предпосылок активизации специализированной лексики является правильное ведение словарика. Основным и первым требованием к такому словарiku является удобство при обращении к нему. Это обеспечивается тематичностью его структуры.

Какие разделы имеют тематические словарики студентов на медицинском факультете Тартуского государственного университета?

Как правило, словарик состоит из четырех частей: **терминологическая лексика; фразеология; справочник по глаголу; остальные слова по календарному принципу записывания.**

1) В разделе терминологической лексики слова расположены тематически, что облегчает нахождение нужного при проведении бесед, выполнении домашних заданий. На пер-

вом курсе даются примерно следующие тематические группы слов:

Органы здравоохранения;	(грипп, насморк, ангина, жалобы больного);
Анатомия человека;	Процедуры, которые делает сестра) в хирургической клинике,
Аптека;	в клинике внутренних болезней), и др.
Уход за больным;	
Простудные заболевания	

На втором курсе представлены следующие тематические группы слов:

Самочувствие;
Возрастные особенности организма;
Строение организма;
Питание, сон, труд, отдых;
Сердце, пульс;
Обход в клинике;
Прием в поликлинике, на участке;
Составление деловых бумаг.

Несмотря на то, что раздел называется «Терминологическая лексика», здесь даются и слова общенародного фонда, примыкающие к терминологии.

2) В раздел фразеологии записываются сочетания, обогащающие язык студента-медика. Автор этой статьи поставил себе целью на каждом занятии давать студентам в среднем по 5 фразеологизмов. Если текст не содержит фразеологизмов, преподаватель раздает заранее подготовленные фразеологические сочетания на карточках. Фразеологизмы даются в предложении, в контексте, в котором подчеркнута фразеологическая часть. Студенту предлагается подобрать эстонское фразеологическое соответствие. Студенты-медики с интересом выполняют лексическую работу. Активизация и закрепление фразеологизмов проводится почти на каждом занятии (составление рассказов, переводы, фронтальный опрос).

Опыт показывает, что в результате систематической работы студенты-медики за весь период обучения активно усваивают примерно 100—150 фразеологических единиц.

3) Третий раздел студенческого тематического словарика представляет собой справочник по глаголу. Здесь отдельно записываются глаголы, управление которых отличается от управления соответствующего глагола в эстонском языке. В этом разделе мы придерживаемся падежной системы фиксации глаголов. Для большей наглядности составляются глагольные таблицы.

Например:

Таблица 1

Родительного падежа без предлогов требуют:

Глагол	Перевод	Пример	Дополнение в эстонском
добиваться добиться	saavutama	Мы добились значительных успехов в лечении сосудистых заболеваний хирургическим путем.	... märkimisväärset edu (партитив)
придерживаться	kinni pidama; pidama	Больной строго придерживается режима.	... režiimist (элатив) ... režiimi (партитив)

Отдельно составляются таблицы на беспредложное и предложное управление.

Наш опыт показывает, что такие таблицы являются необходимым для каждого студента справочником. К активному участию в их составлении привлекаются сами студенты (подбор примеров, выводы о падеже-соответствии в эстонском языке и т. д.).

Кроме указанных трех разделов, в словарики имеется еще один, четвертый раздел, в который входят все остальные слова, встречающиеся при чтении и беседе. В этом разделе мы придерживаемся календарного порядка записывания слов.

Основным источником для составления студенческого терминологического словарика служат:

- 1) аудиторное чтение;
- 2) беседы;
- 3) индивидуальные домашние задания.

Составление терминологического словарика описанного типа всячески оправдывает себя, ибо пользование им является удобным, оперативным и наглядным. Такой словарь служит основой активизации новых слов, выражений и специальной терминологии. Он может оказаться полезным и после окончания университета.

Имеющиеся медицинские терминологические словари, как-то:

1) Г. Д. Арнаудов, Медицинская терминология. София, 1964. (На пяти языках — латинском, русском, английском, французском, немецком).

2) Б. П. Александровский, В. Г. Соколовский. Краткий словарь клинических терминов с их переводным и толковым значением, Изд. второе. Киев, 1957;

3) Б. П. Александровский, В. Г. Соколовский, Краткий учебный словарь клинических терминов с их переводным и толковым значением. Изд. третье. Киев, 1963;

4) Е. В. Зубкова, Краткий словарь медицинских терминов. М., 1959;

5) С. Б. Клинович, Словарь медицинской терминологии. Киев, 1948, и др. дают нам, к сожалению, только т. н. термины без указаний на сферу употребления этих слов, поэтому обращение к ним при овладении практической русской речью в национальном вузе дает весьма незначительный эффект.

О некоторых приемах активизации специализированной лексики

Записыванием нового слова в тематическом словарице отнюдь не завершается работа преподавателя. Наступает новый, более важный этап лексической работы — этап активизации и закрепления новых слов, привития студентам навыков самостоятельного применения новой лексики в устной и письменной речи. Эта задача должна решаться на занятиях по практическому русскому языку.

В 1963/64 учебном году на IV курсе экономического факультета мною был проведен эксперимент с тем, чтобы выявить, в какой мере студенты самостоятельно овладевают терминологической лексикой (и активно, и пассивно). На этом курсе практический русский язык не преподавался.

Результаты эксперимента следующие:

1) пассивное знание терминологии можно признать удовлетворительным — было получено 70% правильных ответов;

2) значительную трудность для студентов представляет перевод терминологических сочетаний с эстонского языка на русский. На 160 терминологических сочетаний было получено только 4 правильных ответа, что составляет 0,25%. Студенты не знали таких нужных слов и выражений, как *хозрасчет*, *внедрение новых товаров*, *покупательная способность* и др.

Со всей очевидностью напрашивается вывод о том, что исключение русского языка из учебного плана экономического факультета (теперь практический русский язык восстановлен в своих правах), нанес вред делу подготовки эрудированных и полноценных кадров экономистов. Поэтому, на наш взгляд, активизация новой специализированной лексики приобретает особое значение. Степень эффективности этого процесса во многом зависит от выбора самой подходящей в данный момент методики, от разнообразия методических приемов и от системы всей работы.

Мы стремимся к некоторой дифференциации приемов работы со специализированной лексикой.

1) На первом курсе мы практикуем больше заданий (устных и письменных) с опорными словосочетаниями — для пересказа, диалога, изложения и т. д., чтобы сформировать навыки правильного употребления новых слов.

2) На втором курсе, в зависимости от уровня группы, возрастает удельный вес самостоятельной работы студентов (обсуждение статей, составление аннотаций с привлечением индивидуальных заданий и т. д.).

Остановимся на некоторых приемах активизации специализированной лексики.

1) Устное и письменное изложение прочитанного с опорными словосочетаниями, предложенными преподавателем. Указанный метод активизации лексики, на наш взгляд, является наиболее эффективным.

Слова, встречающиеся в текстах, не одинаковы по своей частотности, и некоторые из них можно спокойно отнести к «пассиву», остальные же должны войти в активный фонд студента. Опорные слова и выражения подбираются преподавателем, как правило, в кругу «актива».

2) Пересказ прочитанного с включением усваиваемой вновь специализированной лексики и терминологией по выбору студента. Недостатком этого метода является то, что более слабые студенты обыкновенно избегают трудных и новых слов, стараются обойтись без них. Поэтому после пересказа преподавателю приходится обращать внимание такого студента на новую специальную терминологию, пропущенную им.

3) Перевод словосочетания с эстонского на русский и составление предложений с этим словосочетанием. Словосочетания группируются по определенным темам. Например, все, что связано с пульсом, дается на одном занятии:

нерегулярный пульс — ebaühtlane pulss;

пульс с перебоями — seisakutega pulss;

пульс хорошего наполнения — hea täitumise ga pulss;

следить за пульсом -- pulssi jälgima;

считать пульс — pulssi lugema.

В конце урока можно составить коллективный рассказ «Пульс».

4) Составление советов больным практикуется обычно после чтения соответствующего текста или после беседы. Но этот вид работы вполне приемлем и как самостоятельное задание. Всегда следует иметь в виду, какие специальные дисциплины преподаются на том или ином курсе. При составлении советов больным в активную речь вводится ряд глаголов, в употреблении которых часто допускаются ошибки. Это такие глаголы, как

придерживаться чего?

соблюдать что?

ухаживать за кем?

заботиться о ком-чем?

следить за чем-кем?

обращать внимание на что-кого?

уделять внимание чему-кому?

болеть чем?

отказываться от чего? и др.

Такое задание имеет лексико-грамматический характер и выполняется как устно, так и письменно.

5) На медицинском факультете студентов обучают составлению следующих деловых документов:

- а) характеристика на больного;
- б) направление к врачу-специалисту;
- в) заявления по служебным вопросам;
- г) рецепт;
- д) аннотация на научную статью.

Часть этих заданий дается только на старших курсах.

Чтобы обеспечить определенную лексико-грамматическую направленность, определяется круг опорных глаголов и словосочетаний.

Так, например, для составления аннотации предлагаются следующие опорные словосочетания:

1) посвящать	что чему? (проблеме, вопросу)
посвятить	
2) представлять	собой что?
представить	
3) давать представление	о чем?
4) излагать	что?
изложить	
5) приводить	факты, данные, веские доводы
привести	
6) подвергать	анализу, рассмотрению, критике
подвергнуть	
7) ссылаться	на кого? что?
сослаться	
8) поставить вопрос	о чем?
9) приходиться	к заключению, мнению, выводу

6) Составление истории болезней должно согласовываться с дисциплинами курса. В истории болезни студент излагает основные жалобы больного, объективные показания, данные исследований, назначает курс лечения и т. д.

В такой работе, которая, конечно, не должна копироваться с официальной истории болезни, используется целый ряд специализированных словосочетаний и выражений. Задание выполняется в пределах одного цикла болезней, чтобы словарная работа была более целенаправленной.

7) Проведение «обходов» является одним из наиболее удачных синтезов работы по развитию речи и по активизации специальной терминологии.

Методика проведения обходов следующая:

Подготовка к обходу. На предыдущем уроке все студенты группы получают индивидуальные задания. Назначаются «лечащий врач», который проводит «обход», «сестра по палате». Всеми остальными студентами подготавливаются жалобы по одной болезни (цикл определяется заранее).

«Обход». Врач начинает беседу с выяснения общего самочувствия больного, затем переходит к жалобам, узнает у сестры результаты исследований, меняет диету, курс лечения, ставит диагноз и назначает лечение. **Словарная работа.** Чтобы не прерывать беседы студентов на каждом шагу, преподаватель на одной половине доски записывает ошибки, а на другой — новые слова и выражения, которые должны войти в активный словарный фонд.

После каждого диалога разбираются ошибки и записываются новые слова.

В конце «обхода» преподаватель проводит итоговую словарную работу по закреплению новой лексики:

а) устное закрепление новых слов и выражений в предложениях, которые составляются студентами;

б) устный перевод фразем с эстонского языка на русский.

Задания на дом имеют лексико-грамматический характер. Успех такого «обхода» во многом зависит от находчивости «лечащего врача».

8) Сообщения о новинках медицины. Задания даются:

а) с указанием темы, например, «Новое в методах лечения сердечно-сосудистых заболеваний»;

б) с указанием источника, например, «Новинки медицины по материалам газеты «Советская медицина»;

в) без указания источника и темы — «Новинки медицины» (по выбору студента).

Как показывает опыт, больше всего оправдывает себя первая форма проведения сообщений, ибо она способствует более глубокому изучению одной конкретной проблемы.

Во всех трех случаях студенты составляют конспекты или планы сообщений, выписывают новые слова и сами подыскивают к ним соответствия.

В начале занятия преподавателем проверяются словари, правильность переводов; более ценные новые слова и выражения записываются на доске для всех студентов. Таким образом преподаватель определяет общий специализированный минимум, который становится достоянием всех.

Методика словарной работы почти та же, что и на уроке, где проводился «обход».

9) Рассказы об интересных случаях из клинической практики является у нас самостоятельным заданием. Студент дома продумывает случай, о котором он будет говорить, и составляет план рассказа. К такому заданию можно прибегать уже со второго семестра, но больший эффект оно дает на старших курсах. При этом задании мы, как правило, заранее определяем и опорную фразеологию.

10) Иногда для закрепления и активизации лексико-грамматического материала применяются элементы программированной методики, которая имеет следующие преимущества:

а) при умелом сочетании с традиционной методикой она позволяет осуществлять оперативную обратную связь — как внутреннюю, так и внешнюю, т. е. после выполнения задания студент сразу же узнает результат своей работы, а преподаватель — наиболее типичные ошибки, слова, глагольные конструкции, представляющие трудности для студентов. Таким образом, повышается эффективность управления учебным процессом: преподаватель будет работать не впустую, а бить в определенную точку;

б) индивидуализируется и видоизменяется учебный процесс. Выполняются упражнения на беспредложное и предложное глагольное управление со специализированной лексикой.

Сейчас нами проводится эксперимент по глагольному управлению на материале трех падежей, включающий работу с программированными упражнениями-карточками, которые:

а) нацелены на закрепление склонения и глагольного управления;

б) позволяют осуществлять оперативную внутреннюю обратную связь.

Образец карточки

внешняя сторона

внутренняя сторона

придерживаться	режим дня предписания врача строгая диета правила правописания такая точка зрения этот взгляд
----------------	--

придерживаться	режима дня предписаний врача строгой диеты правил правописания такой точки зрения этого взгляда
----------------	--

Методические приемы работы с карточками:

а) студент составляет свои предложения с данными словосочетаниями, проверяет правильность своей работы, исправляет

неточности и говорит преподавателю, какие ошибки были им допущены;

2) после проверки правильности работы студент записывает словосочетание в тетради; сочетания, в которых были допущены ошибки, записываются на доске;

3) словосочетания, в употреблении которых были допущены ошибки, составляют лексико-грамматический материал для устного и письменного закрепления на данном уроке, а также материал для домашнего задания.

Следовательно, элементы программированной методики сочетаются с приемами традиционной методики.

Описанным выше не исчерпывается круг возможных приемов и методов активизации словаря. Мы остановились только на основных приемах, которые считаем наиболее плодотворными. Мы стараемся как можно больше разнообразить методику и чередовать один прием работы с другим.

Выводы

1) Работа по введению и активизации специализированной лексики должна умело сочетаться с развитием устной и письменной речи студентов.

2) Основным залогом успеха является правильный подбор текстов, которые должны быть лексически насыщенными, содержать необходимый материал для закрепления узловых моментов грамматики. Один вид текстов нужно чередовать с другим, чтобы привить студентам чувство стиля.

3) Работа по введению новой терминологии должна быть построена по тематическому принципу, что способствует лучшему усвоению и закреплению новой лексики. Основным приемом объяснения новой терминологии является перевод на родной язык, обеспечивающий точность понимания.

4) Одной из наиболее надежных гарантий активизации специальной терминологии является ведение студенческого терминологического словаря, который имеет разделы: терминология, фразеология, справочник по глагольному управлению и остальные слова.

5) При введении и активизации специализированной лексики следует исходить из принципа преемственности лексики, а также из принципа дифференциации работы на I и II курсах.

СОДЕРЖАНИЕ

П. С. Сигалов. К истории эловых причастий-прилагательных	3
Е. И. Гурьева. Предложения с атрибутивной зависимой частью в старославянском языке	46
Е. И. Гурьева. Употребление соотносительных слов в относительных конструкциях. На материале памятников старославянского языка . . .	84
М. Д. Лесник. Зависимость предложно-падежных конструкций от лексического значения глагола	108
Х. Хейтер. О русском диалекте в Ийзаку	131
А. К. Рейцак. О некоторых возможностях сопоставительного анализа русской и эстонской фразеологии	143
А. К. Рейцак. Пословицы международного распространения в эстонском и русском языках	165
Х. Я. Пак. Опыт построения системы функциональных классов и статистико-конфигурационный анализ	183
А. А. Метса. Работа над специализированной лексикой в национальном вузе	195

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ

Х

Серия лингвистическая

На русском языке

Ответственный редактор А. К. Рейцак

Корректор Ю. Х. Сарв

Тартуский государственный университет
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Слано в набор 30/IV 1966 г. Подписано к печати
1/IX 1967 г. Бум. фабрики Кохила, типографская
№ 3. 60 × 90. 1/16. Печ. листов 13.25. Учетно-издат.
листов 14,12. Тираж 500 экз. Заказ № 3581.
МВ-06979. Типография им. Ханса Хейдеманна,
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. II

Цена 95 коп.